

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 3(27), 2015

*Икона Победы
Геополитика
Второй мировой
Страна
святых и героев
Раса
великанов*

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

*Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Икона Победы
- 6** Андрей ФУРСОВ.
**Советская Победа, всемирная история
и будущее человечества**
(доклад Изборскому клубу)
1. ВЕЛИКИЙ ЮБИЛЕЙ (стр. 7)
2. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ (стр. 8)
3. ВОЙНА: ПОДЖИГАТЕЛИ, ЗАГОВОРЩИКИ, НАЧАЛО (стр. 10)
4. ПОБЕДА: ПРИЧИНЫ, ЦЕНА, РЕЗУЛЬТАТЫ (стр. 14)
5. ПОБЕДА И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ (стр. 19)
- 24** Леонид ИВАШОВ.
Геополитика Второй мировой
- 34** «Победа, холодная война и евразийство»
(«круглый стол» Изборского клуба в Оренбурге)
- 46** Александр АГЕЕВ.
Мистика и прагматика Победы
- 58** Сергей БАТЧИКОВ.
О нашей Победе
- 66** Шамиль СУЛТАНОВ.
Проект Сталина: народ-победитель
- 74** Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
Что это было?
- 88** Михаил ДЕЛЯГИН.
Экономика Победы
- 96** Страна святых и героев
(заседание Изборского клуба в Омске)
- 106** Библиотекарь
- 108** Хронология мероприятий клуба
- 109** Стихи.
Слово — оружие Победы
(вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 3(27), 2015 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

1–4-я обложки — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 27.04.2015

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 623

СЛОВО

/ Александр ПРОХАНОВ /

Икона Победы

На войне атеистов не бывает. Пехотинец, идущий в атаку, молится, надеясь спастись. Обгорелый танкист в лазарете молит облегчить его мучения. Жена, проводившая мужа на фронт, молит, чтобы тот вернулся с войны.

На великой войне, которую вёл Советский Союз с фашистами, народ непрерывно все четыре года молился. Во время войны Советский Союз являл собой огромный красный монастырь, где всё было общее, все молились, все несли свою огромную жертву на алтарь человечества. Молился крестьянин-новобранец, попавший первый раз под бомбёжку. Молился атеист-комиссар, оказавшись в кольце окружения. Молился Жуков, посылая полки под Вязьму. Молился Сталин, выходя ночами из кремлёвского кабинета, открывая ворота в Успенский собор.

Советский Союз был молящейся страной, которая, сражаясь, надрываясь в тыловых работах, читая похоронки, направляя залпы «катюш» в укрепления врага, молилась о победе. Победа была лучезарным образом, огромной светоносной иконой, которая сияла сквозь дым разгромленных городов. Во время войны небо над страной раскрылось, и в безбрежной лазури, куда устремлялись души миллионов убиенных солдат, — в этой лазури сверкал ослепительный божественный образ.

«Священная война» — так в песне народ назвал Великую Отечественную. Священная не только потому, что она велась за родные пороги и родные погосты, за Пушкина и ДнепрОГЭС, за ненаглядную Родину, сотворившую народ свой из дождей и радуг, из древних сказаний и волшебных песен. Война была священной, ибо сражение шло за тот изначальный замысел, по которому Господь Бог сотворил человечество и весь белый свет. Белый свет, который не объемлет тьма, свет, который охватывает весь тварный мир, всякое земное дыхание, всякий человеческий помысел, направляя их к чудесному и бессмертному блаженству. И этот свет не могли затмить пытки в застенках, печи в концлагерях, горечь первых поражений, в которых ни на мгновение не меркнул образ Победы.

Чёрная тьма фашизма накатывалась на мир, покрывая его непроглядной мглой, глотала народы и страны, стирала и комкала изначально задуманный Богом чертёж мироздания, свет превращая во тьму. Война была схваткой света и тьмы, двух полюсов мироздания, один из которых являл собой ослепительный райский свет, а другой — непроглядную вечную тьму, чёрную дыру, в которую падало человечество.

Повторились времена двухтысячелетней давности, когда человечество, охваченное тьмой, пало настолько, что для его избавления, искупления потребовалась великая жертва. Бог отдал на распятие своего любимого сына, и тот, взойдя на мученический крест, испил чашу людских грехов и пороков, отодвинул ад, вернул человечество на пути Господа. Люди не превратились в зверей, людоед и палач не стали властителями мира, человечество продолжало своё медленное и мучительное восхождение, уставляя свой путь храмами, в которых славил своего Спасителя. Тридцать миллионов погибших на войне советских людей были Христовой жертвой, которая остановила тьму. Советский народ взойшёл на крест, и этот крест в грохоте танков, в залпе «катюш», в неудержимом натиске пехоты двигался от Москвы к Берлину. Красное знамя Победы, водружённое над Рейхстагом, было алой хоругвью с ликом Христа.

Тридцать миллионов героев и мучеников, павших на священной войне, — это Христова жертва, это коллективный Христос. Мы, православные, который уж век ждём Второго пришествия. Подобно патриарху Никону, который построил под Москвой Новый Иерусалим, перенёс на эти подмосковные земли топонимику Святой земли, где протекал Иордан, высилась гора Фавор, темнела Голгофа, возвышался храм Гроба Господня. По мысли Никона, сюда, на Святую Русь, на любимую Господом землю, как космический корабль на святой космодром, спустится Иисус Христос во время Второго пришествия.

Но Второе пришествие Христа уже состоялось. Христос явился в России во время Отечественной войны. Это он, Христос, осенью сорок первого года повёл советских пехотинцев в контратаку под Новым Иерусалимом, обратив вспять танковые соединения фашистской группы «Центр». Это он, Иисус, сражался под Дубосековым вместе с двадцатью восемью гвардейцами-панфиловцами, кидаясь с противотанковыми гранатами под немецкую броню. Это он, Иисус, сидел вместе с лётчиком Виктором Талалихиным, направляя его бесстрашный самолёт в лобовую атаку. Это он, Иисус, бежал под пулёмётным огнём вместе с Александром Матросовым и бросался своей грудью на грохочущую амбразуру. Иисуса пытали в застенках вместе с молодогвардейцами, а потом ночью кидали в крошечную шахту. Его, Иисуса, вместе с генералом Карбышевым поливали ледяной водой. И чёрная ледяная вода смерти, касаясь обоих, стекая по их голым рёбрам, превращалась в святую воду. Второе пришествие Иисуса Христа на Землю состоялось, и Христос был представлен

здесь, в русских полях, тридцатью миллионами погибших героев.

*Отягчённый трёхлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
Исходил, благословляя.*

Победа сорок пятого года — это торжествующий Христос. Армия-победительница, домчавшаяся до Берлина в окровавленных бинтах с криками немолкнувшего «ура», — это Церковь воинствующая, ведомая Христом к Победе. Недаром Православная церковь отмечает День Победы как религиозный праздник.

Народ, победивший фашистский ад, — это святой народ, народ Божий. Герои-мученики священной войны, те самые красные герои, что были внесены в сталинский синодик, — это святые не в переносном, а прямом смысле слова. Святомученики, которые отдали свои жизни за Христа и вместе с Христом. Отдали свои жизни за светоносное будущее, за человеческое совершенство, за божественную справедливость, за идеал христовый, воплощённый в образе райских садов. Недаром Сталин сразу после победы, когда ещё дымились города и не просели могилы убитых, отдал приказ сажать сады. И по всей израненной, изувеченной земле, на которой торчали обгорелые трубы сожжённых деревьев, зацвели сады грядущего белоснежного рая.

Победа — это высшее достижение советской эры, высшее проявление советского строя. Быть может, весь советский проект был задуман историей для того, чтобы в недрах этого проекта воссияла Победа. Мистический религиозный характер Победы 1945 года делает весь советский период не богоборческим, не богопротивным, а богоносным и богооткровенным. Священная Победа одержана священным народом, священными взводами и ротами, священными батальонами и полками, священными армиями и фронтами. Святая армия, святой народ, святые герои-мученики, святые полководцы, святой генералиссимус Сталин.

Оружие Победы — это святое оружие. «Катюши» и «тридцатьчетвёрки», ППШ и ПТРы, Илы и Яки — это святое оружие, в котором сияет фаворский свет победы. Государство Российское, согласно откровениям старца Филофея, творца теории «Москва — Третий Рим», предназначено защищать православную веру, Христово учение о справедливости, бессмертии и благе. Государство Российское, Советский Союз, одержавший победу над фашизмом, восстановили покачнувшуюся справедливость, отстояли эту божественную справедливость

для всех последующих поколений. Священный Советский Союз, святой советский народ, святая Победа — это та аксиома, от которой начинается новое летоисчисление, как от сотворения мира или от Рождества Христова. Сегодня мы вступаем в год семидесятилетия от Рождества Победы.

В богоборческий период перестройки, когда либералы, держа в одной руке церковную свечку, другой истребляли советскую мистическую эру, тогда главные удары наносились по константам, на которых держалась идеология советского строя. И главной из этих констант была Победа, священная война. Эту икону рубили топорами, как впоследствии рубили иконы колдуны и маги — галеристы гельманы. У священной войны стремились отнять святость. Поносили полководцев и генералиссимуса великой войны. Взахлёб говорили о поражениях первых лет войны, о трупах, которыми Жуков завалил окопы с отважными и умелыми немцами. О Красной армии, перевалившей через границы рейха и приступившей к насилию целомудренных нордических дев. Договаривались до того, что Победу называли преступлением советского строя и жалели о поражении Гитлера. Советское государство пало.

Но икону Победы, обугленную, исцарапанную, перенесли через трагический девяносто первый год. Так раненый командир полка обматывает свою простреленную грудь полковым знаменем, несёт его из окружения сквозь топи и засады и падает без чувств на руки товарищей. Те разворачивают простреленное знамя, и под него вновь собирается полк. Победа, как высокая, недоступная для врагов звезда небесная, сияла в сумерках девяностых годов. Она не давала упасть народу. Не позволяла исчезнуть идее государства Российского. Красные святые из своего божественного райского поднебесья молились о сбережении государства Российского. Выхватили его из косматых бесовских лап, как хрупкий росток, и вновь вживили в благословенную почву русской истории.

Звезда Победы осветила гибнущий «Курск» и ту мокрую, извлечённую из тёмного рассола записку, которую послал погибающий капитан-лейтенант Дмитрий Колесников со словами «Отчаиваться не надо». Эта звезда светила Шестой воздушно-десантной роте, которая ушла на чеченскую войну и легла костями, не пропуская врага.

Звезда Победы светила казнимому юному солдату Евгению Родионову, который не продал ни веры, ни Родины и был обезглавлен палачами. Победа как великое чудо перенесла государство Российское через чёрную бездну девяностых годов, через провалы русской истории, когда одна империя гибнет, исчезая в крошечной дыре,

а другая, едва народившаяся, всплывает из чёрной бездны. Русская история творима чудом. Это чудо, как священная икона, передаётся от одних святых другим.

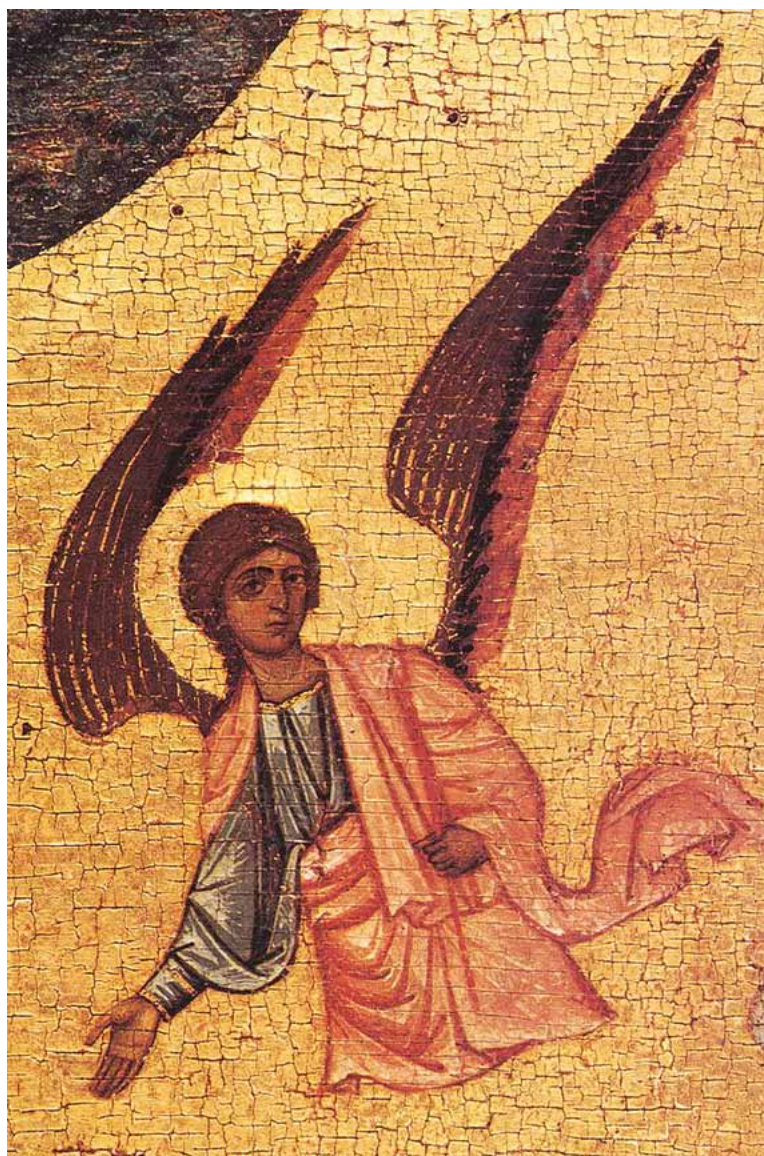
Сталинские святомученики, стоя на одном краю бездны, передали икону Победы мученикам нового времени, и те: моряки подводного крейсера, Евгений Родионов, десантники Шестой роты, чьи головы светятся нимбами, приняли эту икону и поставили на алтарь государства Российского. Победа — тот источник, из которого пьёт воду наше молодое государство. Тот колодец, из которого мы черпаем сладчайшую святую воду.

Битва за сегодняшнее государство Российское — это битва за Победу. Её вновь хотят осквернить. Вновь выбивают из наших рук. Вновь оскверняют и хулят. Но Господь поругаем не бывает. Победу не затмить, звезду Вифлеемскую не погасить.

Мы молимся на икону Победы. На красное знамя Победы, которое реет, как Спас Нерукотворный, над шеренгами во время наших парадов. Победа — это тайна русского мессианства. Тайна народа, который сотворён вселенной, чтобы превращать тьму в свет, насилие в справедливость, смерть в бессмертие.

Пусть будет построен храм, в котором на стенах, на столпах и на сводах возникнут красные святые мученики, что летят в горящих самолётах, стреляют из бронебойных орудий, стоят на эшафотах под виселицей. Пусть на церковной стене Александр Матросов бросается грудью на дот. Пусть Зоя Космодемьянская с петлёй на шее смотрит в бездонное небо. Пусть Дмитрий Карбышев сверкает кристаллом прозрачного льда. Пусть летят в этом храме ангелы великих сражений. Ангел московской битвы. Ангел Сталинграда. Ангел Крыма. Ангел Курской дуги. Ангел штурма Берлина. Пусть во всём грозном блеске и мистической праведности в храме будут написаны иконы двух великих парадов: сорок первого и сорок пятого годов. Пусть мы узрим ангельский собор победителей, Генералиссимуса в белоснежном френче, окружённого маршалами-победителями. Мы будем приходить в этот храм во дни торжеств и печалей. Будем молить святых героев и мучеников сберечь нашу родину, укрепить нас в вере, продлить наш русский род в бесконечности.

9 Мая на Красной площади пройдёт грандиозный парад. Пусть Красная площадь, эта каменная икона русской истории, просияет во всей своей полноте. Да не станут мелкотравчатые декораторы помещать в стыдливый саван розовый кристалл мавзолея. Прозвучит в торжественной речи президента России имя великого Сталина. Возвратится лучезарное, рокошущее, как гром

небесный, имя города на Волге, наречённого — Сталинград. Мы — наследники великой Победы, дети, внуки, правнуки святых победителей. Их святость — в нас. «Вы — боги», — сказал Иисус своим ученикам. «Вы — боги», — говорят нам наши святые пращуры.

В сорок третьем году под Сталинградом, у хутора Бабуркин, сражаясь в штрафном батальоне, погиб мой отец. Его смерть случилась в ночь перед Рождеством сорок третьего года. Батальоны шли по заминированному снежному полю, прокладывая путь танкам. То один, то другой штрафник подрывался на mine. В ночи поднимались столбы взрывов. Там, в этом огненном дыме, погиб мой отец. Я был в Бабуркине, шёл по открытой степи. И мне казалось, я иду рядом с отцом. У заросшей травой воронки я встал на колени, положил в воронку алый цветок гвоздики и запалил поминальную свечку.

/ Андрей ФУРСОВ /

Советская Победа, всемирная история и будущее человечества

(доклад Изборскому клубу)

*Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И Первый маршал в бой нас поведёт!*

Б.С. Ласкин. Марш советских танкистов

*И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин,
громко проклиная эту страну с её удивительным
народом, с её непобедимой армией
и с её неразгаданной военной тайной.*

А. Гайдар. Сказка про военную тайну,
Мальчиша-Кибальчиша и его твёрдое слово

Наше дело правое — мы победили.

(Надпись на медали «За победу над Германией
в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»)

1. ВЕЛИКИЙ ЮБИЛЕЙ

В этом году мы отмечаем 70-летие великой Победы советского народа, СССР над Третьим рейхом, над национал-социалистической Германией, организовавшей поход континентальной Европы против Советского Союза, т.е. против исторической России, как бы она ни называлась. Нынешняя годовщина существенно отличается от 50-летия (1995 г.) и тем более от 40-летия (1985 г.). За последние полтора десятка лет на Западе (даже не скажешь: «определённые круги на Западе», поскольку позиция, о которой пойдёт речь, по сути стала официальной, особенно в англосаксонских странах) развёрнута массивная пропаганда по извращению механизма возникновения, основных событий и результатов Второй мировой войны, которая для советского народа, и особенно для его русского ядра (поскольку именно русских планировали стереть из истории нацисты), стала Великой Отечественной. На СССР пытаются возложить вину в развязывании Второй мировой, тыча пактом Молотова—Риббентропа (адекватное название — «Советско-германский договор» от 23 августа 1939 г.) и подчёркивая якобы сходство гитлеровского и сталинского режимов как «тоталитарных»; превозносится материальная помощь союзников, прежде всего США; ставится под сомнение сам факт победы СССР. «Аргументы»: победило не государство, не режим, а народ «вопреки сталинской системе»; потери были столь велики — «трупам закидали противника», — что приходится говорить не о победе, а о поражении. Эти «аргументы» охотно подхватила «пятая колонна» в РФ, открыто пропагандируя точку зрения нашего нынешнего геополитического противника (впрочем, всегдашнего, по крайней мере с момента окончания наполеоновских войн). И хотя сегодня в плане патриотизма у нас ситуация существенно лучше, чем 10–15 лет назад, — сегодня не-

возможно представить на ТВ подло-провокационное обсуждение вопросов типа «какой фашизм хуже — немецкий или русский», как это было сделано в одной из программ «Культурная революция», — ситуация вовсе не безоблачна: информационная, психоисторическая война против России продолжается, а потому будут продолжаться попытки принизить роль и значение Победы СССР, лишить нас этой победы. Целей здесь несколько.

Во-первых, победа в Великой Отечественной — это до сих пор то многое, что духовно, исторически объединяет многих людей на постсоветском пространстве, причём людей не только старшего и среднего возраста, но и молодёжь. Это чувство единства, общей исторической судьбы важно не только с точки зрения социальной памяти и идентичности, удары по которым сознательно и систематически наносят геополитические и цивилизационные противники России, но и с практической точки зрения — как одна из основ реинтеграции постсоветского пространства, будь то в форме Евразийского союза или какой-то иной.

Во-вторых, возлагая вину в развязывании Второй мировой войны на СССР, России и её народам, прежде всего русским, стремятся навязать чувство вины, а следовательно, комплекс исторической неполноценности; отсюда, помимо прочего, требования «каяться». Многие западные обозреватели и аналитики недоумевают: почему русские, потерпев поражение в холодной войне, не каются так же, как это до сих пор делают, правда всё менее охотно, немцы, потерпевшие поражение во Второй мировой. Ясно, что комплекс исторической неполноценности того или иного народа — мощное оружие в борьбе против этого народа.

В-третьих, приравнивание сталинского СССР к гитлеровской Германии и возложение на СССР такой же или почти такой же вины в развязывании Второй мировой войны, как вина Третьего рейха, вы-

талкивает Россию как правопреемницу СССР из ряда победителей со всеми вытекающими последствиями. В 1995 г., выступая перед американскими военными, президент Клинтон заявил, что США позволяют России быть, но не позволяют ей быть великой державой. Действительно, сегодня РФ — не сверхдержава, какой был СССР. Однако она до сих пор является одним из пяти членов Совета Безопасности ООН, имея право «вето» — как победитель во Второй мировой. А это де-юре означает великодержавный статус, ещё одним аргументом в пользу которого является тот факт, что до сих пор РФ — единственное государство, способное нанести США неприемлемый для них ущерб. В таком контексте стремление вытолкнуть Россию из разряда победителей, возложив на СССР равную с Третьим рейхом вину за развязывание Второй мировой, имеет вполне очевидные цели, особенно в последние два года. Ведь в ходе сирийского кризиса выявились пусть осторожные, но тем не менее очевидные шаги РФ к возвращению де-факто великодержавного статуса: активная самостоятельная роль на Ближнем Востоке — традиционной зоне интересов СССР, т.е. за пределами так называемого «ближнего зарубежья».

Аргументы ненавистников России, стремящихся «унасекомить» нашу Победу, в принципе, побиваются легко. Достаточно вспомнить, что договор о ненападении с Германией СССР заключил **последним** среди европейских держав (т.е. им можно, а СССР — нельзя). Достаточно вспомнить о том, что второй фронт союзники открыли только тогда, когда стало ясно: СССР без их помощи разгромит Третий рейх и выйдет к Атлантике. Достаточно сопоставить цифры производства военной техники в СССР и «материальной помощи» союзников. Наконец, достаточно посмотреть реальные цифры соотношения военных потерь СССР и Германии, чтобы раз и навсегда заткнуть рот кликушес-твующим о том, что мы победили

якобы лишь потому, что «закидали немцев трупам».

Впрочем, вряд ли имеет смысл, особенно в год 70-летия Победы, ограничиваться частностями. Имеет смысл взглянуть на Великую Отечественную в целом, в контексте широкой исторической панорамы и в то же время зафиксировать некоторые моменты, принципиально важные с точки зрения как истории, нашей памяти, так и сегодняшнего дня, нынешнего этапа мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы.

В настоящем докладе рассматриваются следующие темы:

- особенности Великой Отечественной/Второй мировой войны с точки зрения русской и мировой истории;
- механизм организации/развязывания Второй мировой и обстоятельства начала Великой Отечественной войны;
- причины Победы, её цена и результаты;
- роль Великой Отечественной в русской и мировой истории;
- уроки Великой Отечественной с точки зрения сегодняшнего дня, когда всё более становится очевидным, что из-за политики США (североатлантических верхушек, хозяев Запада) мир оказался в шаге от новой мировой войны.

2. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Люди конца XX — начала XXI веков с некоторым высокомерием полагают, что мировых войн было всего лишь две, и обе они ограничиваются XX веком. На самом деле мировые войны за гегемонию — имманентная черта капиталистической системы, её политэкономии. Как правило, именно такого масштаба конфликты фиксируют окончательное наступление очередного цикла накопления капитала. Так, пик голландской гегемонии (1625–1672) и голландского цикла накопления капитала тесно связан с первой по счёту мировой

войной — Тридцатилетней (1618–1648); пик британской гегемонии (1815–1873) и расцвет британского цикла накопления капитала стал результатом двухраундовой англо-французской мировой войны (Семилетняя война 1756–1763 гг.; революционные и наполеоновские войны 1792–1815 гг.); наконец, пик гегемонии США в капиталистической системе и американского цикла накопления стал результатом двух мировых войн XX века.

На Западе довольно широко распространена следующая схема мировых войн. Согласно ей, в мировых войнах за гегемонию в капиталистической системе сталкиваются морские и континентальные державы: Голландия—империя Габсбургов, Великобритания—Франция, США—Германия. Побеждают каждый раз морские державы, в том числе и потому, что на их стороне оказывается прежний гегемон — морская держава: на стороне Великобритании — Голландия, на стороне США — Великобритания.

Трудно сказать, чего больше в этой схеме: наивности или сознательной лжи. Дело в том, что решающий военный вклад в победу голландской коалиции над Габсбургами внесла континентальная Франция; ну а начиная с Семилетней войны решающую военную роль в победах морских держав над континентальными играла Россия/СССР. Именно Россия нанесла поражение «непобедимому» Фридриху II Великому. Именно Россия сокрушила Наполеона. Именно Россия оттянула на себя немецкие войска в августе 1914 г. и тем спасла Париж и Западный фронт, а в 1915 г. с одного удара — по принципу карате — вырвала Австро-Венгрию из войны, а де-факто — из истории. Наконец, именно СССР подвигами своего героического народа, силой своей Красной армии разнёс вермахт и нацистскую Германию.

В этом плане мы можем сказать, что наша Великая Отечественная как часть мировой войны середины XX в. вписывается в долгосрочную

геополитическую логику, по которой континентальная Россия, не будучи претендентом на роль гегемона капиталистической системы, выступала на стороне морских англосаксонских держав, не только решая свои проблемы в борьбе с европейскими континентами: Францией, Германией, стремившимися объединить Европу (тщетно — как заметил Ф.И. Тютчев, поскольку после образования империи Петра I возрождение империи Карла Великого в Европе стало невозможно), — но и способствуя англосаксонским победам. На этом, однако, сходство мировой войны, традиционно именуемой «Второй», и предыдущих мировых войн заканчивается, и начинаются различия: принципиальные и весьма серьёзные.

Прежде всего, впервые в истории развернулась борьба между капиталистическим и социалистическим (т.е. антикапиталистическим) государствами. В этом принципиальное социально-экономическое отличие последней мировой войны от предыдущих: здесь, помимо геополитической и мироэкономической борьбы, имела место схватка различных социальных систем, различных идеологий, различных социальных проектов.

Кроме того, в прежних мировых войнах ни один противник России: ни Фридрих II, ни Наполеон, ни Вильгельм II, — не ставил задачу физического и метафизического стирания русских из истории. Но именно такую задачу ставили нацисты, Гитлер. Речь шла о физическом уничтожении нескольких десятков миллионов русских и вытеснении оставшихся за Урал — с последующим превращением их в рабов, в скот, лишённый исторической памяти и этнокультурной идентичности. В главном, германско-русском пласте, «сегменте» мировой войны огромную целевую роль играл расово-этнический момент, чего никогда не было ранее в мировых войнах. Ставка для русского народа в последней мировой войне была максимально

высока — мы сражались за право остаться в истории в виде народа, культурно-исторического типа, цивилизации. И победили. В этом плане Великую Отечественную ни в коем случае нельзя равнять с «германской войной» 1914–1917 гг.

В последнее время, особенно в связи со столетием начала Первой мировой войны, делаются попытки — главным образом теми, кого у нас принято называть либералами, — противопоставить Первую мировую Второй, принизив значение последней. Эти попытки развиваются в русле противопоставления Российской империи как некоего позитива Советскому Союзу. Можно лишь приветствовать обращение к героям Первой мировой, однако из этого не следует равновеликость двух войн для русской истории.

Во-первых, как уже было сказано, в 1914 г. немцы не ставили, в отличие от Гитлера, задачу стирания русских из истории: физического

уничтожения одной части русских и культурно-психологического оскотинивания — другой. Ставки в Великой Отечественной были неизмеримо и несравнимо выше, чем в 1914 г., — быть или не быть России и русским вообще, и уже поэтому речи ни о каком уравнивании двух войн быть не может, при всем уважении к памяти павших в Первой мировой. Я уже не говорю о том, что героизмовал и погибал русский солдат на полях Первой мировой не столько за интересы своей страны, сколько за кошельки англо-американских и французских банкиров, у которых самодержавие Николая II было почти по уши в долгах.

Во-вторых, «первая германская» для России окончилась поражением и распадом государства. Из Великой Отечественной СССР вышел не просто победителем, но одной из двух сверхдержав — на фундаменте Победы СССР просуществовал почти полвека, и РФ существует только

потому, что до сих пор не удалось разрушить этот фундамент.

В-третьих, две мировые войны XX века — чёткие иллюстрации того, что в одном случае (Российская империя) мы имели больное общество, в другом (СССР) — здоровое. Как только в 1915–1916 гг. был выбит старый офицерский корпус, рухнула армия, а вместе с ней — и самодержавие, государство. Заменить офицеров как персонификаторов модального типа личности (а его нужно-то 7–8% населения) оказалось нечем. В 1941 г. был выбит довоенный офицерский корпус, рухнула армия, потеряв миллионы пленными. Но уже через несколько месяцев другой, вновь созданный офицерский корпус, другая армия нанесли поражение вермахту под Москвой, за чем последовали Сталинград, Курск и красное знамя над Рейхстагом. Произошло это потому, что в 1930-е годы был создан тот самый модальный тип личности, советский человек, который и вышел

победителем в войне, расписавшись на Рейхстаге.

3. ВОЙНА: ПОДЖИГАТЕЛИ, ЗАГОВОРЩИКИ, НАЧАЛО

Обычно, говоря о Победе, обращаются либо к поворотным битвам: Московской, Сталинградской, — либо к финальным месяцам войны, хронологически близким к Дню Победы. Я же хочу обратиться к ближайшей предыстории и самому началу войны, поскольку полагаю, что именно тогда действия советского руководства, и прежде всего И.В. Сталина в 1939–1941 гг., и Красной армии летом 1941 г., несмотря на поражения и отступление, заложили фундамент Победы. В то же время именно предыстория Второй мировой и Великой Отечественной, а также первые месяцы войны чаще всего становятся объектом фальсификации советофобов и русофобов. В связи с этим затрону три взаимосвязанных вопроса:

- Когда действительно началась Вторая мировая война?
- Какую роль в её начале сыграл советско-германский договор от 23 августа 1939 г.?

— Готовился ли Сталин к нападению на Гитлера в начале июля 1941 г. (предатель-перебежчик В. Резун, книги которого выходили под псевдонимом «Суворов», считает, что Гитлер упредил удар Сталина буквально двумя неделями, т.е. на самом деле агрессию планировал Сталин, а Гитлер, выходит, лишь защищался)?

Начнём со второго вопроса. Хорошо известно и задокументировано, что всю первую половину 1939 г. правительство СССР стремилось договориться с Великобританией и Францией о создании системы безопасности в Европе. Вяло ведущиеся (со стороны западных плутократий) переговоры убедили советское руководство, что в случае немецкого нападения на Польшу Великобритания и Франция исключают какие-либо активные действия, а СССР стремятся оставить, по сути, один на один с агрессором, — на такую удочку СССР клюнуть не мог. 21 августа 1939 г. британцы практически сорвали переговоры в Москве (информация адмирала Дракса), будучи уверены, что СССР оказался в изоляции и дело остаётся за малым — спровоциро-

вать конфликт между ним и Германией. Однако всего лишь через сутки взорвалась информационная бомба: СССР и Германия подписали пакт о ненападении, тем самым сорвав британско-французские планы войны. 1 сентября Германия напала на Польшу. Этот день традиционно считается началом Второй мировой. Строго говоря, это было началом европейской войны; евразийской она стала в июне 1941 г., а мировой — только в декабре. Но действительно ли европейская/мировая война началась 1 сентября 1939 г., а не раньше? Прежде чем отвечать на этот вопрос, несколько слов о том, что и кто привели к германо-польскому конфликту.

Британцы активно повели Гитлера к власти с 1929 г., чтобы бросить его на СССР. В 1933 г. у ставшего рейхсканцлером Германии лидера нацистской партии не было ни золотовалютных резервов, ни хорошо вооружённой армии, ни общей границы с Советским Союзом. Всё это в течение нескольких лет ему «поднесли на блюдечке». Аншлюс Австрии принёс золотовалютные резервы. Отданная по частям Че-

Чехословакия решала сразу три проблемы: увеличение золотовалютных резервов (включая часть золота Российской империи, вывезенного «белочехами» из России), мощный военно-промышленный комплекс (каждый третий танк, воевавший на Восточном фронте, был сделан на заводах «Шкода», переименованных в «Герман Геринг верке»; при этом одними только танками чехословацкий вклад в военную мощь Третьего рейха далеко не ограничивался) и граница с Советским Союзом. Однако в конце 1930-х годов Гитлер против СССР воевать не собирался — он хотел нарастить свою мощь. А потому сделал следующее: Чехию превратили в «протекторат Богемия и Моравия», а Словакию объявили независимым государством, причём эту независимость Гитлер гарантировал лично.

Британцы поняли, что фюрер пытается соскочить с крючка, и решили приструнить его при помощи поляков. Последние, будучи то ли по наивности, то ли по гонору уверены в абсолютной британской поддержке, потребовали от Гитлера передачи им Словакии в качестве протектората. Гитлер отказал и предъявил контрпретензии на «данцигский коридор». Ситуация зашла в тупик, однако воинственная позиция поляков убедила фюрера в том, что британцы будут давить на него с помощью Польши. Отсюда встала задача решения польского вопроса, но для этого нужно было договориться о ненападении с СССР. Я согласен с теми историками, которые считают, что фюрер был уверен: британцы не будут воевать из-за Польши, а если и объявят войну, то, так сказать, понарошку; но он ошибся. Впрочем, война на Западном фронте действительно шла почти понарошку — до захвата Франции, хотя даже до рубежа 1942–1943 гг. британцы воевали вяло.

Таким образом, вовсе не приуменьшая историческую вину Гитлера, мы не должны забывать всей той игры, которая привела к захвату им Польши и тех, кто эту игру затеял,

«перейдя рубикон» в Мюнхене 28 сентября 1938 г. Сразу скажу: именно эту дату, по моему мнению, следует считать началом Второй мировой войны и одновременно созданием антисоветского военно-политического блока четырёх европейских держав, который Сталин сломал договором 23 августа 1939 г., сделав первый шаг к победе мая 1945 г.

Здесь мы подходим к первому вопросу. Мюнхенский сговор (договором этот документ назвать трудно) не просто отдавал Германии часть Чехословакии и приглашал в перспективе проглотить всё остальное. Это было нечто более серьёзное. Во-первых, на самом деле это был акт совместной агрессии четырёх европейских держав: Великобритании, Германии, Италии и Франции, — направленный на расчленение пусть искусственного, но суверенного государства, члена Лиги Наций. Данный акт должен был стать началом новой войны в Европе, эдаким вторым изданием Восточной (Крымской) войны, плавно перетекающим во Вторую мировую. Сам Гитлер подчёркивал, что война на Востоке, т.е. с прицелом на СССР, должна начаться внезапной операцией против Чехословакии. Началом своего «дранг нах Остен» («натиска на Восток») он считал захват Чехословакии.

Во-вторых, тем самым в Европе посредством «мюнхенского сговора» формировался агрессивный антисоветский блок, эдакое «протоНАТО», тенью хозяином которого была Великобритания, «клубы», «ложи», «группы» её правящего класса, а главной ударной силой, военным кулаком — Третий рейх.

В-третьих, Мюнхен-38 объективно был средством решения определённой частью британского истеблишмента важных для неё внутривосточных проблем Германии. В частности — срыва заговора генералов, стремившихся свергнуть Гитлера: тот был слишком нужен банкирам и промышленникам Запада для сокрушения СССР и уничтожения национальных государств

Европы. Тот режим власти Гитлера с его внутренней и внешней политикой, который оформился между 29 сентября 1938 г. и 1 сентября 1939 г., есть результат скоординированных действий западноевропейских верхушек или, как сказал бы Ленин, «международного переплетения клик финансового капитала», а также их наёмных клерков в виде формальных глав правительств.

Не будучи посвящёнными в планы британско-французской верхушки, немецкие генералы считали, что агрессия против Чехословакии обернётся для Третьего рейха катастрофой. Генералы исходили из чисто военной оценки: чехословацкая армия насчитывала 34 дивизии, более миллиона человек под ружьём, а наступать немцам пришлось бы в хорошо укреплённой, к тому же гористо-лесистой местности, т.е. чисто военное поражение вермахту было гарантировано. В связи с этим генералы составили заговор: в середине сентября 1938 г. Гитлер, по приезде из Берхтесгадена в Берлин, должен был быть арестован и, в случае сопротивления, убит. Но о своих планах генералы сообщили британцам — и те сделали всё, чтобы сорвать заговор. Прежде всего 14 сентября с визитом в Берхтесгаден отправился Чемберлен — это удерживало Гитлера от поездки в опасный для него Берлин. Ну а сам «мюнхенский сговор» вообще ставил крест на целесообразности заговора. «Сохраняя мир, мы спасли Гитлера», — писал Н. Хендерсон. С какой целью? Разумеется, они спасали Гитлера для войны против СССР.

Кто-то может усомниться: как всё это связано с мировой войной, до неё ещё далеко, ведь Чехословакию «схарчили» мирно. А вот Черчилль (как и Гитлер!) считал иначе. Дорогого стоит написанное им письмо одному из активных участников заговора. «Я уверен, — писал, в частности, Черчилль, — что пересечение немецкой армией или авиацией чехословацкой границы приведёт к возобновлению мировой войны. [...] Такая война, начавшись, будет

вестись как последняя — до горького конца, и мы должны думать не о том, что случится в первые месяцы войны, но о том, где мы все окажемся в конце третьего или четвёртого года»¹. Далее Черчилль писал, что Великобритания и другие «демократические нации», невзирая ни на какие потери, сделают всё, чтобы сокрушить агрессора, т. е. Гитлера, и победить.

По сути, своим письмом Черчилль объяснял генералам-заговорщикам следующее: во-первых, не надо лезть со своим заговором, не надо мешать захвату Чехословакии Гитлером. Во-вторых, этот захват будет означать де-факто начало новой мировой войны (к которой и подталкивала его определённая часть британской верхушки — очевидные поджигатели войны). В-третьих, война продлится 3–4 года и станет ловушкой для Гитлера — рейху, измотанному войной с СССР, англосаксы и французы нанесут поражение. Письмо Черчилля со всей очевидностью указывает на реальных поджигателей войны.

На Западе прекрасно понимали и понимают, что путь к мировой войне открыл Мюнхен, именно поэтому выпячивают советско-германский договор 1939 г., переводя стрелки на СССР и пряча, таким образом, и Мюнхен, и своё геополитическое поражение — развал антисоветского блока, произошедший 23 августа 1939 г.

Ещё один вопрос, который следует затронуть в год 70-летия: готовил ли Сталин нападение на Германию, не успев буквально на две недели, как это утверждает перебежчик-предатель Резун? Эта точка зрения побивается элементарным подсчётом военно-экономических потенциалов крупнейших держав в конце 1930-х годов и знанием некоторых исторических фактов. Суть в следующем. Ещё в 1937 г. президент США Франклин Рузвельт заявил, что в случае возникновения

конфликта между Германией и СССР позиция США будет такова: если Германия нападет на СССР, то США будут помогать СССР; если же СССР нападет на Германию, то помощь будет оказана Германии. В апреле 1941 г. конгресс США официально принял следующее решение: если Германия нападет на СССР, то помощь будет оказана СССР, если же СССР нападет на Германию или **позволит спровоцировать себя на нападение** (выделено мной. — А. Ф.), то США выступят на стороне Германии. США — об этом чуть позже — не устраивала советско-германская война; она была не в интересах той фракции американской буржуазии, чьи интересы выражал Ф. Рузвельт. Гитлер прекрасно знал об этом решении и пытался спровоцировать Сталина на такие действия, которые с точки зрения международного права можно было бы квалифицировать как агрессию; тогда рейх почти автоматически замирался бы с Великобританией. Именно эту цель с немецкой стороны преследовали переговоры, которые тайно (но не для Сталина) велись в Великобритании примерно с 10 мая по 18 июня 1941 г. между перелетевшим в Англию и якобы арестованным британцами Гессом и представителями британского истеблишмента (не случайно в Великобритании все материалы по Гессу засекречены аж до 2050 г.!).

Опасаясь, что, сговорившись, немцы и британцы устроят провокацию, обвинят СССР в агрессии и, воспользовавшись этим для замирения, нанесут совместный удар по СССР, Сталин, исходя из данных разведки, инициировал знаменитое заявление ТАСС от 13 июня (опубликовано в прессе 14 июня) 1941 г., выдержанное в подчёркнуто миролюбивом тоне.

Это заявление используется хулиганскими Сталина в качестве доказательства «глупости вождя», «его

стремления заискивать перед Гитлером», пытаясь таким образом оттянуть войну. Эти люди почему-то полагают, что адресатом заявления был Гитлер. На самом деле Сталин прекрасно понимал неотвратимость войны, и главной задачей перед лицом этой неотвратимой (он знал: счёт идёт буквально на дни) угрозы было лишить кого-либо на Западе, прежде всего в США, возможности приписать СССР малейшие агрессивные намерения по отношению к Германии — именно такое впечатление у США, у президента Рузвельта пытался создать Гитлер, всячески провоцируя СССР в июне 1941 г.

Сталин прекрасно понимал, чем грозит СССР столкновение с коллективным Западом и его азиатскими сателлитами. Простой подсчёт военных потенциалов практически не оставлял СССР шансов не только выиграть, но и уцелеть. В ставшей классической работе «Взлёт и падение великих держав» П. Кеннеди представил следующую оценку военно-экономических потенциалов великих держав на 1937 г. (в процентах от общемирового): США — 41,7%; Германия — 14,4%; СССР — 14%; Великобритания — 10,2%; Франция — 4,2%; Италия — 2,5%; Япония — 2,5% (остальной мир — 10,5%)². Даже если ограничиться великими державами (в случае войны против СССР к ним обязательно присоединились бы Польша с Турцией) и учесть возросший к 1941 г. военно-экономический потенциал СССР (третья пятилетка, оборвавшаяся в 1941 г., была насквозь военизированной, но ведь и потенциал Третьего рейха весьма увеличился и сам по себе, и за счёт поглощения промышленно развитой части Западной и Восточной Европы), соотношение сил было бы 75:15 не в пользу СССР, т. е. Запад имел бы пятикратное превосходство.

Безумцем Сталин не был, а потому если и мог планировать какой-то удар

¹ Brissaud A. Canaris. N. Y.: Grosset a. Dunlop, 1974. P. 115–116.

² Kennedy P. The rise and the fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L.: Fontana press, 1989. P. 430.

по Германии, то лишь ответный, контрнаступательный. Другое дело, что советского контрнаступления в 1941 году не получилось. Анализ причин этого выходит за рамки доклада, отмечу лишь, что шанс на победу Гитлеру давал только блицкриг — полная победа в течение двух-трёх месяцев. В противном случае Третий рейх мог бы воевать — с небольшими шансами — только на ничью (не случайно некоторые немецкие генералы заговорили о поражении уже в сентябре 1941 г.). Добиться полного разгрома Красной армии летом 1941 г. вермахт, несмотря на миллионы советских военнопленных и захват огромной территории, не смог. Именно это во многом определило Победу, одержанную в мае 1945 г.! Активное сопротивление и контрудары Красной армии летом 1941 г., с чем немцы не сталкивались в своих «прогулочных» европейских кампаниях, стали фундаментом Победы, прологом к Московской, Сталинградской и Курской битвам — как стал предтечей красного флага над Рейхстагом изрешеченный пулями красный флаг над Брестской крепостью.

4. ПОБЕДА: ПРИЧИНЫ, ЦЕНА, РЕЗУЛЬТАТЫ

В Великой Отечественной войне победил русский народ, организованный в советскую, социалистическую, на период войны — сталинскую, как бы кому ни хотелось чего-то иного, государственную систему. Народ без и вне государственной системы — толпа, и не более того. В истории побеждают не просто народы, а системы, т. е. системно организованные народы. В войне СССР продемонстрировал силу и мощь здоровой социальной системы. В этом — принципиальное отличие СССР от царской России второй половины XIX — начала XX вв. Сравним.

В 1915–1916 гг. был выбит офицерский корпус, рухнула армия, а с ней — самодержавие и государство. В 1941 г. был в значительной степени выбит офицерский корпус Красной армии, несколько миллионов красноармейцев оказались в плену. Рухнули армия и государство? Нет. На рубеже 1941–1942 гг. в армию пришли молодые офицеры,

представители модального типа личности, сформировавшегося в 1930-е годы, они-то и стали ядром новой, победоносной армии, поставившей вермахт на колени. Русское военное умение, готовность к самопожертвованию, к тому, чтобы стоять насмерть за Родину, «за други своя», помноженные на мощь советской системы и организованные ею, — вот главная военная тайна нашей Победы, так и не разгаданная врагом.

В Великой Отечественной победила именно советская система в её сталинском варианте. Те «экземпляры», которые утверждают, что в войне победила не система, а народ — причём победил «вопреки» этой системе, — явно слабы умом и сильны подлостью. Не бывает «народа вообще»; повторю: в войнах побеждают народы, организованные в системы, т. е. в такие системы, которые организуют народ или народы лучше, чем это делает система-противник. Сталинская система оказалась сильнее гитлеровской — при всей военной мощи последней и при всех её успехах в начале войны. А мощь эта действительно была

велика: в результате установления немцами в той или иной форме контроля практически над всей Европой и оккупации в 1941-м — начале 1942 гг. огромной части СССР (42% советского населения; 47% посевных площадей; 30% промышленного производства, включая 70% выплавки чугуна и 60% выплавки стали; 63% угля) Третий рейх стал превосходить СССР по объёму промышленного производства в 3–4 раза.

Ясно, что в таких условиях залогом победы становилось не материальное, а социальное и идейно-духовное превосходство, которое служило фундаментом социальной мобилизации. Блестяще проведённая под негласным руководством ведомства Л.П. Берия (формально руководителем Совета по эвакуации был Н.М. Шверник) эвакуация из прифронтовой зоны промышленного производства на восток страны, где на подготовленном в конце 1930-х годов фундаменте (в прямом и переносном смысле) была создана новая промышленная база; массовый и стремительный перевод гражданских заводов и фабрик на производство военной техники; строительство новых заводов (850 за время войны); продолжение и расширение масштаба научных исследований оборонного профиля (небольшая, но важная деталь: во время войны СССР не сократил число выпускаемых с Запада научных журналов — поразительный контраст с тем, что произошло у нас после 1991 г.), — всё это стало залогом Победы, одержанной не только на фронте, но и в тылу тотальной войны.

Уже к концу 1942 г. была в целом завершена перестройка советской экономики на военный лад, тогда как экономика Третьего рейха перестроилась лишь в конце 1943 г. Однако даже в 1943 г., как показывают исследования, угля Германия получила в 3 раза больше, чем СССР, стали — в 2,4 раза, электроэнергии — в 2,3 раза. Однако несмотря на это превосходство, военной продукции

Третий рейх производил меньше. За время войны СССР произвёл техники и вооружений в два раза больше, чем Германия; специалисты подчёркивают, что в расчёте на тысячу тонн выплавленной стали советская промышленность производила больше, чем немецкая, танков и орудий — в 5 раз, на тысячу выпущенных металлорежущих станков — в 8 раз больше самолётов. Поэтому если в 1942–1943 гг. на одну стрелковую дивизию Красной армии приходилось в среднем 180–200 орудий и миномётов, 14–17 танков и САУ, 13–20 самолётов, то в 1944 г. — соответственно: 240–245 орудий и миномётов; 14–35 танков; 22–46 самолётов; в 1944 г. СССР выпустил 24 000 танков, а Германия — 18 200. Росла не только насыщенность армии боевой техникой, но и качество последней (1944 г.: танк ИС-2, скоростной бомбардировщик Ту-2, истребители Як-3 и Ла-7, штурмовик Ил-10).

Тем, кто утверждает, что СССР якобы закидал немцев трупами (о сравнительной численности потерь см. ниже), можно ответить: нет, мы задавили немцев техникой. Разумеется, материальное превосходство пришло не сразу, в него в 1943–1944 гг. отлилось превосходство социосистемное, структурно-организационное, идейно-духовное. Грамотная комбинация патриотизма и социализма, помноженная на русскую готовность стоять насмерть и способность к личному самоограничению ради общей победы плюс мощный оргпотенциал централизованной власти, — вот что стало решающим фактором победы. 11-часовой рабочий день, обязательные сверхурочные, нормирование продовольствия (карточки для 62 млн человек) — это и есть «Всё для фронта, всё для победы!», снизившее (по официальным данным) потребление граждан на 40%. Для сравнения: в Германии регулярные отключения электричества начались только осенью 1944 г.; попытки перепрофилировать чудочное

производство на военные нужды натолкнулись на сопротивление, которое поддержал сам фюрер: немецкая женщина должна носить красивые чулки; даже в быту немцы предпочитали не напрягаться: количество лиц, выполняющих функции личной прислуги, снизились в 1944 г. по сравнению с 1939 г. всего на 0,4 млн человек (было 1,3 млн, стало 0,9 млн). Социальная система Германии, немецкий орднунг, помноженные на национал-социалистический режим, оказались неспособны к такому самоотверженному и победоносному перенапряжению сил, которое продемонстрировал русский «хаосмос», одетый в броню сталинской системы.

А теперь о потерях. Всё те же слабые умом и подлые сердцем утверждают, что военные потери СССР соотносятся с немецкими как 8:1 или даже 10:1, а потери мирного населения столь велики, что вообще несопоставимы с немецкими, и всё это ставится в вину сталинскому режиму или, как они говорят, «сталинизму». К настоящему времени цифры потерь обеих сторон историками, как военными, так и гражданскими, подсчитаны, они таковы: не 8:1, а 1,29:1. Да, потери не в нашу пользу, но это не лживые 10:1, 8:1 или даже 5:1. К тому же эта цифра не была неизменной все годы войны — в 1941–1943 гг. военные потери советских войск значительно превышали потери вермахта и его союзников, а в 1943–1945 гг. соотношение потерь не только выравнивалось, но и складывалось уже в пользу Красной армии.

В целом же военные потери немцев составили 8 млн 876 тыс. (по другим данным — 8 млн 668 тыс.) человек, наши военные потери — 11,9 млн. Показательно также, что в немецких лагерях для военнопленных на территории СССР умерло военнопленных в 5 раз больше, чем немцев в советских лагерях (немцев у нас в плену было 3 млн 576 тыс., советских в немецком плену — 4 млн 559 тыс., вернулись из немецкого плена 1 млн 559 тыс.). Наши потери

гражданского населения — 14,7 млн. Из них 7 420 390 сознательно и систематически истреблено немцами, ещё 4 100 000 погибли от жестоких условий оккупации и 2 164 313 погибли на принудительных работах в Германии. Что касается гражданского населения Германии, то около 4 млн немцев погибли от бомбёжек и артобстрелов, причём основная масса — от англо-американских бомбёжек и артобстрелов. Это не удивительно: союзники сознательно уничтожали гражданское население Германии в соответствии с разработанной К. Левиным и Дж. фон Нейманом при участии П. Сорокина программой разрушения крупных городов и нанесения максимального урона — в психологических и демографических целях — именно мирному населению (кстати, ту же картину мы видим сегодня и на Донбассе).

Советское руководство, исходящее из принципа «гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся», никогда не опускалось до таких зверств, в которых англо-американцы, по сути, сравнялись с гитлеровцами в их действиях по отношению к русским, к славянам; СССР никогда не вёл против немцев войны на уничтожение, чем и объясняются несопоставимо меньшие потери немецкого мирного населения по сравнению с советским. А вот ангlosаксы действовали иначе, чем русские. Впрочем, стоит ли удивляться, если ещё в 1940 г. Черчилль писал, что британцы воюют не с Гитлером и даже не с национал-социализмом, а с немецким духом, духом немецкого народа (т.е. с духом Шиллера), чтобы он никогда не возродился. То, что произошло с немцами в послевоенный период в рамках американского протектората, — это и есть реализация курса Черчилля на духовную кастрацию целого народа. Именно это тщётно пытался проделать Запад (и его «пятая колонна») с Россией и русскими как державообразующим, стержневым народом после окончания холодной войны, стремясь заставить

каяться, навязать комплекс исторической неполноценности.

Вернёмся, однако, к вопросу о потерях и цене Победы 1945 года.

Мы не забросали немцев трупам. Почти равенство в потерях говорит о другом — о победе советской системы и русского духа над бездушной национал-социалистической системой, выполнявшей приказ тех, кто волею судьбы, а точнее «коварством Истории» (Гегель), стал нашим неверным союзником, который сегодня пытается украсть нашу Победу, а нас — вытолкнуть из числа победителей, приравняв к нацистскому агрессору.

Не получится.

Один из важнейших уроков Великой Отечественной заключается в том, что в войнах побеждают здоровые социальные системы, здоровые нации. Олигархические системы (а царская Россия конца XIX — начала XX вв. была системой стремительно растущего олигархата, а потому — разлагающегося самодержавия: чтобы понять это, достаточно лишь повнимательнее приглядеться к социальной гнили под названием «Серебряный век») войны не выигрывают. Чаще всего они либо терпят поражение, либо сдаются, принося в жертву страну и её главного начальника. Отсюда и столь различные результаты двух мировых войн для России.

Главный результат Великой Отечественной — это, конечно же, Победа. Но это непосредственный, краткосрочный результат. Долгосрочным результатом стали сверхдержавность СССР, быстрое, на 10 лет раньше, чем полагали на Западе, восстановление советской экономики, рывок в космос, великолепное образование, несколько десятилетий спокойной мирной созидательной жизни, в основе которой лежали мощь социального строя и уверенность людей в завтрашнем дне. Одним из главных факторов этой уверенности была Победа.

Сегодня можно сказать, что Великая Отечественная война и наша

Победа в ней — центральное событие не только советской, но и русской истории: в 1941–1945 гг. русский народ, используя в качестве щита и меча советский строй, сталинскую систему, отстоял своё право не просто на бытие в истории, а на величие. Победа зафиксировала несколько моментов.

Во-первых, жизнеспособность и победительность социализма (системного антикапитализма) как новой, адекватной XX веку, в отличие от самодержавия, формы организации исторической России.

Во-вторых, итогом войны стала окончательная победа славян над германцами, а точнее — русских над немцами. Таким образом, май 1945 г. — это победа не только в четырёхлетней войне Союза против рейха, но и победа в многовековой борьбе русских и немцев.

В-третьих, советская победа привела к резкой и мощной демократизации Европы — причём не только той, которая стала социалистическим лагерем, зоной влияния СССР, но и капиталистической. И дело не ограничивается подъёмом левых сил вообще и коммунистических в частности (Франция, Италия). Дело в поражении на Западе, в том числе — и в тех странах, которые формально, скрипя зубами и скрепя сердце, вынуждены были стать нашими союзниками по антигитлеровской коалиции (Великобритания, США) сил, которые поддерживали нацизм, с конца 1920-х годов вели его к власти, чтобы решить свои внутренние проблемы и попутно натравить Германию на Россию для окончательного решения «русского вопроса». Всем этим силам пришлось уйти в тень. Правда, и в тени они продолжали действовать, причём весьма активно. Достаточно вспомнить, как американцы с помощью Ватикана спасали нацистских преступников (операция «Скрепка» и другие акции), вывозя их в США и Латинскую Америку и готовясь использовать в борьбе против СССР. И всё же в течение длительного времени тени было указано её место,

а на поверхности речь шла о «правах человека» и «мире во всём мире».

В 1950–1970-е годы, вплоть до самого начала неolibеральной контрреволюции на Западе, означавшей наступление верхов на средний слой и рабочий класс, капитализм под воздействием, прежде всего, СССР был вынужден отклониться от своей имманентной, «буржуинской» логики развития и существенным образом социализироваться. Именно существование и успехи государства социализма, победившего, а не рухнувшего в войне, как это планировала организованная в клубы и ложи верхушка мирового капиталистического класса, заставили буржуазию идти на уступки среднему слою и части рабочего класса, делиться с ними частью своих сверхприбылей. А потому и задействовать для получения этих сверхприбылей

инструменты научно-технического прогресса. Механизмом перераспределения доходов стало «welfare state» — государство всеобщего социального обеспечения. Этот вектор развития послевоенного капитализма был вынужденным, его обусловило исключительно наличие альтернативной капитализму мировой системы — социалистической. И чтобы свои «мидлы» и «пролы», имея перед глазами успешный опыт построенной на принципах социальной справедливости системы, не дай бог, не бросились в объятия левых или тем более коммунистических партий, не вступили бы на тропу активной социальной войны, — капиталистический класс предпочёл в течение трёх десятилетий уступать. По сути же, он уступал нашей Победе во Второй мировой войне. В этом плане разрушение СССР было

для верхушки мирового капиталистического класса задачей не только внешнего, но и внутреннего порядка — всерьёз демонтировать квазисоциалистические формы послевоенного тридцатилетия можно было только после разрушения системного антикапитализма.

В-четвёртых, Третий рейх — это проект не только германской финансово-промышленной верхушки при активном содействии англо-американских банкиров и промышленников. Это ещё и общезападный эксперимент (на немецкой почве) создания брутального постмодернистского политико-экономического порядка, в котором в интересах капиталистической верхушки ликвидировались все демократические достижения Запада, добытые средними и нижними слоями со времён Французской революции

1789–1799 гг. Речь шла о создании режима «Железной Пяты» в досо-временной (орденские структуры, неоязычество и т.п.) обёртке, о ликвидации демократических институтов, многопартийности, в перспективе — гражданского общества и христианской церкви, но при сохранении капитализма. Речь также шла о создании механизма управления большими массами населения на основе контроля над их психосферой (посредством идеологической пропаганды, индустрии развлечений) и манипуляции поведением. Показательно, что американцы после 1945 г. вывезли из Германии не только физиков, но и несколько сотен психологов и психиатров, которые в 1950–1960-е гг. «под зонтиком» спецслужб

трудилась над разработкой субкультуры «рок, секс, наркотики» как средства контроля над американской, а позже — мировой молодёжью, её психосферой. Иными словами, Третий рейх был ещё и экспериментом создания «контрмодерного» капитализма, очищенного от любых демократических форм, а также от мешающего ему христианства. Советский Союз этот эксперимент в духе мрачного фэнтези прервал. Мир 1950–1970-х годов — мир Света и Добра, который стал таким благодаря нашей Победе. Только в СССР мог появиться роман типа «Туманности Андромеды» И.А. Ефремова. Но и опыт Третьего рейха не пропал даром для мировой капиталистической верхушки, которая — особен-

но в последние два десятилетия — конструирует «бархатную» версию «контрмодерного» капитализма, а возможно — и посткапитализма, но вовсе не коммунистического, а совершенно противоположного типа. Победа СССР отодвинула строительство такого капитализма почти на пять десятилетий, и именно этой задержки до сих пор не может простить Сталину и Советскому Союзу значительная часть мировой капиталистической верхушки.

Наконец, в-пятых, победа СССР оказала мощное воздействие на периферию и полупериферию капиталистической системы, особенно на афроазиатский мир. Его деколонизация была резко ускорена победой над Германией. Справедливости

ради надо сказать, что США уже в 1930-е годы вполне чётко ставили задачу разрушения британской колониальной империи (это была одна из их целей в войне, и здесь интересы США совпали с интересами СССР); что с возникновением на рубеже 1950–1960-х гг. первых офшоров колонизаторы сами были рады избавиться от колоний — появились более совершенные и менее обременительные формы эксплуатации «слабых мира сего». Однако благодаря победе СССР сама деколонизация нередко развивалась не по планам буржуинов. К тому же у «слабых мира сего» был могучий защитник: Суэцкий кризис, война во Вьетнаме, Куба, Никарагуа, судьба некоторых африканских государств продемонстрировали это со стелюклянной ясностью.

5. ПОБЕДА И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

70-летие Победы мы встречаем в очень тревожном мире в очень тревожное время. Американо-бандеровский, т. е. американо-нацистский переворот в Киеве в феврале 2014 г. и агрессия науськиваемой США «украинской» хунты против Новороссии — это, по сути, первая после 1941 г. прямая агрессия Запада против Русского мира, против исторической России. Результат агрессии — создание плацдарма для политического, а в случае необходимости — и военного давления на Россию. Таким плацдармом стала формально возглавляемая русофобами и находящаяся под внешним управлением Украина.

В февральском 2014 года перевороте Запад опять, как в 1930-е годы, активно использовал нацистов — только на этот раз не немецких, а украинских. В этом плане мировая капиталистическая верхушка верна себе: ей не впервой использовать нацистов против России. Столкнувшись с небывалым по остроте глобальным кризисом, западные «элиты» вновь оказыва-

ются перед соблазном широкомасштабной войны, которая, согласно их планам, позволит этот кризис преодолеть. И вновь, как это было в 1914 и в 1941 г.г., эти «элиты» будут пытаться выйти из кризиса за счёт России. Собственно, их идеологи этого и не скрывают. Зб. Бжезинский откровенно заявлял, что мир XXI века будет построен за счёт России, в ущерб России и на руинах России. Запад Россия интересуется как ресурсная зона, как резервная территория на случай геоэкономической катастрофы и как возможный театр военных действий на случай полномасштабного конфликта с Китаем. Точнее, интересуется даже не Россия, а территория Северной Евразии, очищенная от большей части населения (чем не новое издание плана «Ост»?). России как таковой существовать, согласно планам хозяев Запада, не должно. Как заметил один из руководителей советской разведки генерал-лейтенант Л. В. Шебаршин, Западу от России нужно лишь одно — чтобы её не было.

С момента появления России в XVI в. как субъекта европейской/мировой политики одна из главных задач Запада — установление контроля над Россией, превращение её в «территорию Северной Евразии». Такие планы — их было два — были разработаны ещё в последней трети XVI в. Один — католический, в Священной Римской империи (Габсбурги); другой — протестантский, в Англии (речь идёт о выдвинутой астрологом и разведчиком Джоном Ди, который подписывал свои донесения Елизавете I «007», концепции «зелёной империи», предполагавшей контроль английской монархии и лондонского Сити над Северной Америкой и Северной Евразией). С тех пор эти планы никуда не делись, они развивались, то переплетаясь, то расходясь, — это отражало наличие двух основных групп западной верхушки: англо-еврейско-американской и ватиканско-немецко-ита-

льянской. Показательно, что сдачу соцлагеря в конце 1989 г. М. Горбачёв обставил символическим поклоном обеим группам — сначала отправился в Ватикан, а затем к Буш-старшему на Мальту.

В 1991 г. Запад по ряду причин не смог окончательно решить «русский вопрос». Главным образом потому, что его хозяева были убеждены: Россия не поднимется. Сирийский кризис 2013 г. показал, что это не так. Ответом стал американско-нацистский переворот в Киеве, прямая агрессия против Русского мира. Но и здесь у «заговорщиков и поджигателей» всё пошло не так: наша «крымская виктория» и сопротивление Новороссии спутали «планировщикам» все карты. А глобальный кризис тем временем обостряется, как и борьба в мировой верхушке. Россия и Китай создают Западу всё больше проблем, а сравнить их друг с другом, как это дважды в XX в. проделывали с Германией и Россией, едва ли получится. Учитывая низкий профессиональный уровень и, скажем так, повышенную нервозность и несамостоятельность формальных руководителей государств Запада (острой критике их поведение, связанное с указанными чертами, подвергает в связи с украинским кризисом Г. Киссинджер), нельзя исключить, что они в очередной раз попытаются столкнуть мир в Большую войну, избрав главной мишенью Россию. Об этом, в частности, свидетельствует разнузданная антироссийская и антипутинская пропаганда, развёрнутая на Западе в ходе сирийского кризиса и достигшая апогея в ходе украинского кризиса.

За 70 лет, прошедших с мая 1945 г., мир кардинально изменился. Исчез Советский Союз, разрушена «Ялтинско-Потсдамская система», на наших границах создаётся нативский плацдарм для дальнейших агрессивных действий против России. Украинский кризис ясно продемонстрировал цели определённой части североатлантических верху-

шек — подготовка к тому, что не удалось сделать в Мюнхене в сентябре 1938 г., когда был отперт «кладезь бездны» и де-факто началась мировая война. В этой войне различные группировки на Западе преследовали различные цели. Имперский сегмент британских верхов стремился силами Третьего рейха уничтожить и расчленив СССР, а затем разгромить ослабленную войной Германию и поставить под свой контроль всю Европу. Для доминирующего политико-экономического сегмента США главным был демонтаж британской и французской колониальной империй — этого требовали и стратегические цели крупного финансово-промышленного капитала США, и фактический провал разрабатываемого «нового курса», и конкурентные действия британцев (в 1929–1931 гг. директор Центрального банка Англии М. Норман закрыл Британскую империю — 25% мирового рынка — от «внешнего мира», т. е. от США; ответом на такое могло быть только уничтожение британского колониального «рейха», о чём откровенно говорили представители американских деловых и политических кругов, в частности, Аллен Даллес). Американским глобалистам мешала последняя мировая империя — Британская, и именно Третий рейх как германская квазиимперия рассматривался американской верхушкой в качестве терминатора для Туманного Альбиона. Некоторые полагают, что это должно было быть сделано рейхом вместе с СССР. Думаю, однако (и в этом согласен с А. В. Багаевым), что СССР, скорее всего, отводилась иная роль: он должен был стать терминатором Третьего рейха после разгрома последним Британской империи. Иное дело, что вряд ли Сталин позволил бы вовлечь себя в такую игру — скорее всего, он постарался бы сыграть на противоречиях контрагентов. Что, в сущности, и случилось.

Нельзя сказать, что вся британская верхушка выступала с имперских позиций. В её составе были

и две другие фракции: одна не собиралась жертвовать Великобританией ради империи («национал-государственники»), а другая выступала союзником американских глобалистов, образуя англо-американский глобалистский блок. США не были заинтересованы в германско-советском конфликте, тогда как британские имперцы делали всё, чтобы этот конфликт спровоцировать. И нужно сказать, что своими действиями мая-июня 1941 г. (полёт Гесса и последовавшие за ним переговоры) они этого добились, сломав и американскую, и советскую игру. 22 июня 1941 г. Гитлер, получив определённые гарантии Альбиона (иначе он никогда не стал бы снимать дивизии с Западного фронта) и обманутый шефом абвера, а заодно — агентом (как минимум влияния) Великобритании адмиралом Канарисом, напал на СССР. Результат — создание англо-американо-советской антигитлеровской коалиции, но только после того, как СССР показал: несмотря на тяжёлые поражения, он может крушить врага и победить его.

Поэтому уже в августе 1941 г., когда стало ясно: СССР не пал и, скорее всего, не падёт, англо-американцы стали разрабатывать свои планы послевоенного мирового устройства («Атлантическая хартия»), а СССР в январе 1942 г., в разгар битвы под Москвой, — свои («Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с В. М. Молотовым и автором Устава Коминтерна, «серым кардиналом» советской криптополитики О. Куусиненом). Нападение Германии на СССР, мощное сопротивление Красной армии летом 1941 г. и формирование антигитлеровской коалиции спасли Великобританию от поражения, но все эти факторы стали основой её ликвидации: как говорят англосаксы, «every acquisition is a loss, and every loss is an acquisition» («каждое приобретение — потеря, и каждая потеря — приобретение»). В результате войны действиями СССР

и США Британская империя была подорвана, а вскоре после войны фактически прекратила своё существование — англо-американские глобалисты добились своего, но сразу же после победы над Британской империей (и Третьим рейхом) столкнулись с СССР в качестве нового и намного более мощного, чем немцы и британцы, вместе взятые, глобального противника — победоносного СССР.

После горбачёвской капитуляции и ельцинских «лихих девяностых» казалось, что планы глобалистов в отношении России осуществились полностью, по «принципу Клинтона»: «Мы позволим России быть, но мы не позволим ей быть великой державой». Однако в ходе сирийского и особенно украинского кризисов Россия своими вынужденными оборонительными действиями сделала заявку на возвращение великодержавного статуса, сданного Горбачёвым и Ельциным. И хотя это лишь первые и небольшие шаги, именно с первого шага, как утверждают мудрые китайцы, начинается «путь в тысячу ли», на что коллективный Запад немедленно отреагировал.

Каков же сегодняшний расклад большой политики — спустя 70 лет после нашей Победы и 77 лет после мюнхенского антисоветского (антирусского) сговора?

Если в 1938 г. на нашу границу **выводили** государство, которому протонатовцы предписывали совершить агрессию против СССР, то сегодня на границе с РФ уже натовцы (без всякого «прото-») пытаются **создать** потенциально агрессивное государство во главе с русофобской хунтой, чья политика должна спровоцировать Россию на такие действия, которые «мировое сообщество» (читай: североатлантическая верхушка и подконтрольные ей СМИ, а точнее СМРАД — средства массовой рекламы, агитации и дезинформации) преподнесут в качестве «агрессии против миролюбивого Запада», со всеми вытекающими последствиями.

Сегодня видно — по крайней мере тем, кто не слеп, — как переключаются эпохи. В 1930-е годы коллективный Запад (правда, без активного участия США, стремившихся тогдашний британоцентричный Запад подчинить) поощряли немецких нацистов, науськивая их против СССР. Сегодня тот же Запад, но уже во главе с США (точнее, той частью англо-американского истеблишмента, которая рвёт жилы: свои и чужие, — ради спасения доллара) тоже науськивает против России нацистов, только теперь украинских. Более того, Запад и наши так называемые «союзники по антигитлеровской коалиции», сначала тянувшие с открытием «второго фронта» до 1944 г., а с 1944 г. начавшие точить нож против СССР, сегодня отказываются голосовать за осуждение нацизма,

за резолюцию, осуждающую нацизм, — тут комментарии попросту излишни.

С одной стороны, нынешняя мировая ситуация отличается от конца 1930-х — начала 1940-х годов не в нашу пользу: во-первых, нынешняя Россия существенно слабее СССР, причём не только и даже не столько в военном плане (благодаря ядерному оружию мы до сих пор можем нанести неприемлемый ущерб главному агрессору нашей эпохи — США), сколько в экономическом и, что ещё важнее, в социально-политическом и идейно-духовном. Наличие возвращённой в горбачёвско-ельцинские времена и распустившейся пышным дурноцветом в нулевые «пятой колонны» резко контрастирует с СССР конца 1930-х годов, где «пятая колонна» после

1937 года была почти полностью вычищена. Аналогичный контраст мы видим в плане социальной поляризации, а следовательно, социального единства общества в идейно-духовной сфере. О какой идейной силе можно говорить в условиях де-юре запрета идеологии, когда де-факто кривляется и куражится идеология неолиберализма с сильными антигосударственными и антирусскими обертонами? В конце 1930-х, после того как в 1936 г. впервые был употреблён термин «советский патриотизм», а 7 ноября перестало праздноваться как Первый день мировой революции, пошёл процесс акцентирования русских традиций, национальной культуры, русской воинской славы. С этим едва ли можно сопоставить проявившуюся в последние годы моду на МФБ

(монархизм, феверализм, белогвардейщина) — комплекс, где под видом национальной традиции протаскивается позднесоветская и белогвардейская реальность, тесно связанная с североатлантическим Западом, экономически и ценностно ориентированная на него. Возможно, определённые сегменты правящего слоя РФ чувствуют свою классовую близость именно к этой реальности, но остаётся фактом, что Большая Система Россия эту реальность отвергла и смела, построив на её обломках системный антикапитализм, который «свою» германскую, в отличие от самодержавия, выиграл, обернувшись сверхдержавой.

Во-вторых, в отличие от конца 1930-х — начала 1940-х годов, Запад на государственном (блоково-государственном) уровне выступает как единое целое во главе с явным лидером — США; ФРГ и Япония, по сути, являются американскими протекторатами, Великобритания действует в симбиозе с США, Францию с её нынешним руководством можно не принимать в расчёт.

В то же время есть три фактора, способные не только нейтрализовать указанные два, но и перекрыть их. Фактор «А» — меняющаяся в государственно-патриотическом плане ситуация внутри России, причём как «наверху» (обострившееся сирийским и особенно украинским кризисами противостояние «приказчиков», готовых сдать страну транснациональным корпорациям, и «контролёров», чьи политико-экономические интересы требуют укрепления суверенитета с созданием международных антиглобалистских территориальных и политических объединений/блоков), но и «внизу» — рост осознания, что собой представляет Запад в реальности его целей вообще и по отношению к России в частности, переосмысление в позитивном плане отношения к советскому прошлому и в негативном — к капитализму. Всё это создаёт иной морально-политический климат, чем в 1990-е годы.

Фактор «Б»: на мировой арене появился новый мощный игрок — Китай. И, хотя его экономическую мощь и степень противостояния с США не стоит переоценивать, наличие столь тяжёлой «фигуры» на нашей половине глобальной шахматной доски серьёзно меняет ситуацию. Военный потенциал РФ вкупе с демографо-экономическим потенциалом КНР превращает две эти региональные державы в супер-Евразию — особенно по мере охватывающих западную, «евросоюзную» часть Евразии экономического кризиса, социального упадка и морально-духовной деградации.

Наконец, фактор «В»: дело не только в усилении Китая самим по себе — на «красного дракона» поставил тот кластер мировой верхушки, топ-менеджерами которого исторически, с XIX в. выступают Ротшильды и в который входят Реддинги, Сэмюэли и другие не менее влиятельные, чем Ротшильды, но значительно менее засвеченные кланы. Этот кластер рассматривает Китай как средство разрушения долларовой системы и создания нового мирового порядка, по сути — посткапиталистического. По целому ряду параметров Россия — по крайней мере в тактической перспективе — вместе с Китаем вписывается в данный проект. А это значит, оказываясь «один на один» с Западом на уровне межгосударственных игр, на уровне надгосударственных игр, игр закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления и стоящих за этими структурами (клубами, ложами, комиссиями и т.п.) кланами Россия — по крайней мере определённые сегменты её правящего слоя, — вовсе не одиночка, у неё могут быть и наверняка есть союзники в борьбе за посткапиталистическое будущее — вовсе не светлое; но лучше хмурое утро, чем тёмная беспросветная ночь.

Таким образом, если в конце 1930-х годов СССР играл в основном на межгосударственных, межимпериалистических противоречиях,

то сегодня речь идёт о надгосударственных, глобально-кластерных противоречиях мировой верхушки, которые можно и нужно использовать.

Если конец 1930-х — начало 1940-х годов венчали завершение очередного **структурного** кризиса капиталистической системы, совпавшего с тем, что Н. Кондратьев называл «понижительной волной» большого цикла конъюнктуры, то сегодня мы имеем **системный** кризис капитализма, последний исчерпал свой исторический потенциал, выполнил (завершил) свою социогенетическую программу и должен быть заменён другой системой. На наших глазах с середины 1970-х годов разворачивается грандиозная социально-экономическая и психо-историческая битва за то, кто кого исключит в борьбе не просто за место в посткапиталистическом мире, а за сохранение и увеличение власти и привилегий в мире со скудеющими — особенно если произойдёт геоклиматическая катастрофа — ресурсами.

Сохранение или обрушение доллара — лишь один из розыгрышей этой партии, хотя и очень важный. Доллар, даже в нынешнем его состоянии, — тот кирпичик, изъятие которого из стены способно обрушить последнюю. А потому сражение за доллар между двумя мировыми кластерами может обернуться Большой войной, которая внешне может принять форму евразийско-североатлантического (или даже российско-американского) противостояния, но за которым будут стоять далеко не только и даже не столько собственно российские и американские интересы. Это, как пел Галич, «рыжий, всё на публику».

Не дай бог новой войны, но если её не избежать, то мы, как СССР в 1941–1945 гг., должны сделать всё, чтобы похоронить того, кто представляет для нас наибольшую — прямую и явную — угрозу, а после победы не проиграть нашим «союзникам», нейтрализовать ту силу, которую они наметят в качестве

терминатора непосредственных победителей. А для этого надо изучать опыт как Великой Отечественной, т.е. Второй мировой войны, так и других войн XX века: от Первой мировой до холодной, т.е. Первой глобальной. Разумеется, теоретически осмысливая этот повод с позиций и с точки зрения наших интересов нынешнего и завтрашнего дня — именно теоретически, поскольку, как писал генеральный конструктор нашей Победы 1945 г. И.В. Сталин, «без теории — нам смерть, смерть, смерть».

Сегодня можно сказать, что мы выучили далеко не все уроки Вто-

рой мировой войны, которая плавно перетекла в глобальную холодную войну. Скорейшее изучение этих уроков — необходимое условие того, чтобы в случае необходимости мы могли с удовлетворением расписаться на руинах крепостей поверженного врага. Мы, конечно же, мирные люди, но наш бронепоезд, т.е. ядерная и иная мощь, помноженные на силу психоисторического оружия и мирные и военные национальные/имперские традиции, должны всегда быть на запасном пути. В этом — один из главных уроков нашей Победы 9 мая 1945 г.

Когда в 1941 г. враг напал на нашу страну, наши отцы и деды сломали хребет его военной машине и расписались на Рейхстаге. Вопрос: если враг ещё раз посмеет посягнуть на наше право быть в Истории, где и на чём распишемся мы? В любом случае мы — дети и внуки победителей в Великой Отечественной — не должны задаваться иным вопросом, тем более в год 70-летия Великой Победы, зафиксировавшей слова одного из величайших деятелей нашей истории: «Наше дело правое. Мы победили».

/ Леонид ИВАШОВ /

Геополитика Второй мировой

«Приближается кризис, попытаться избежать трудного положения, в котором могут оказаться США, можно, лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России... и помочь Германии. А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались один на один с оставшимися из противников».

Из доклада представителей крупного капитала (Центр Рассела)
президенту США Г. Гуверу, 1929 г.

1 сентября 1939 года планету накрыла стихия Второй мировой войны. Встает вопрос: почему наиболее развитые государства мира через 20 лет после трагедии Первой мировой не сумели устоять перед искушением новой мировой бойни? Рассмотрим причины войны и последствия советской Победы через призму метода геополитического анализа.

КТО И ДЛЯ ЧЕГО ГОТОВИЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ?

*«Плохо иметь англосакса врагом,
но не дай Бог, иметь его другом»*

А. Е. Вандам (Едрихин), 1912 г.

Германия, униженная Версальским миром, стремилась нанести поражение странам морской цивилизации — Англии и США, завладеть частью их колоний, осуществить идею мирового господства через реализацию теории больших пространств К. Хаусхофера. Для осуществления этих планов создавался, казалось бы, нелогичный геополитический союз континентальной Германии, морской Японии, береговой Италии. Но все эти три государства объединяла общая концепция расширения жизненного пространства, и они дополняли потенциал друг друга. Британия, при всем её интересе к европейским проблемам, главной заботой считала безопасность подмандатных территорий, прежде всего — Индии, Австралии, Канады, Новой Зеландии и др. В Европе она стремилась не допустить создания союза Германии и России (по Х. Маккиндеру — смертельно опасного для англосаксонского мира) и поддерживать напряжённость в отношениях между Германией и Францией. Россия не претендовала на новые территории, ей не нужны были колонии. Да, она стремилась реализовать идеологические концепции мессианства — построить справедливый мир социализма, но без территориальных приобретений. Территории ей потребовались в 1939 году только в целях выживания в надвигающейся войне. Франция о новых территориальных приобретениях не помышляла: она не была к этому готова, к тому же боялась германской мести за Версаль. США осваивали тихоокеанские просторы и в европейскую политику особо не вмешивались.

В военно-стратегической сфере активно наращивали потенциал две державы — Германия

и Россия. Но если нацистская Германия создавала военный потенциал для осуществления агрессии планетарного масштаба, то Советская Россия — для обороны с целью выживания. После мюнхенского сговора 1938 г. внешняя политика СССР была ориентирована на сохранение нейтралитета. На это указывал в своём донесении в Лондон от 27 сентября 1941 года британский посол в Москве сэр С. Крипс: «Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого (советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. — Л. И.) пакта, как это неоднократно заявляли советские лидеры, было их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это хотя бы на время путём заключения соглашения с Германией... В этот период они не только делали всё, что могли, для укрепления своих границ, но и приступили к проведению программы вооружения, совместимой только с подготовкой к войне... Они решили, не обращая никакого внимания на соседние малые страны, оккупировать все территории, какие были только возможны, для укрепления своих стратегических позиций на случай войны с Германией... В Польше, как и в других странах, они предприняли немедленные меры к удалению части населения, могущего быть к ним враждебным. Они не хотели, чтобы их пограничные районы были заселены «пятой колонной». Сегодня на Западе, и в прибалтийских странах особенно, твердят о неоправданной оккупации советскими войсками Латвии, Литвы, Эстонии. Но какова была бы их судьба, не сделай СССР подобного? Вот фрагмент ноты И. фон Риббентропа, министра иностранных дел Третьего рейха, своему литовскому коллеге: «Если литовское правительство склонно вернуть Клайпедский край путём соглашения, то правительство Германии готово пойти навстречу... Если литовское правительство не пойдёт этим разумным путём, то Клайпедский край будет возвращён Германии по-другому»¹.

Вместе с тем Германия последовательно прибирала к своим рукам экономику и военный потенциал европейских государств. Англия, а также Франция серьёзно этому не возражали. Такое фактическое поощрение германской агрессивности, удивительное особенно для этих стран, скорее всего, было связано с надеждами на войну против СССР. Германия, жёстко ограниченная Версальским договором,

¹ Цит. по: Шумейко И. Гитлеровская Европа против СССР // М., 2009.

не позволявшим иметь армию численностью более 100 тыс. человек, тяжёлое вооружение и оборонную промышленность, к осени 1938 г. имела: вермахт численностью 2,2 млн военнослужащих; 720 танков, 2500 боевых самолётов плюс динамично развивающийся военно-промышленный комплекс. Державы-победители в Первой мировой войне претензий по данному поводу не выставляли и позволили Гитлеру осуществить сначала аншлюс Австрии (март 1938 г.), а затем — через Судетскую область — и Чехословакии (октябрь 1938 г. — март 1939 гг.). Попытка Советского Союза встать на защиту Чехословакии в 1938 г. не удалась: сначала Франция отказалась выполнить обязательства по совместному с СССР договору о защите Чехословакии, затем Польша, получившая по сговору с Германией Тешинский округ (Чехословакия), отказалась пропустить советские войска через свою территорию (угрожая даже войной). В конце концов Прага не пожелала вооружённого конфликта и мирно сдалась Гитлеру. Чехословакия передала свой военный и экономический потенциал Третьему рейху и всю войну добросовестно, без единой забастовки работала на нужды вермахта.

Советский Союз по-прежнему оставался главным объектом в геополитических построениях Западного мира. И главную роль здесь играл цивилизационный фактор, усиленный социалистическими преобразованиями и быстрыми темпами развития СССР, который не только сохранял традиционную для исторической России с момента принятия восточно-христианского наследия Византии культурно-цивилизационную антитезу западному сообществу, но и придал ей новую, социалистическую динамику.

Советская система в качестве идеологической основы опиралась на марксистско-ленинскую теорию построения социализма, общества социальной справедливости. На Западе же англосаксонская система базировалась на рационально-монетаристской идеологии, а германская — на расовой теории нацизма и отрицании власти банков (финансовой олигархии).

США в преддверии Второй мировой войны и даже в ходе её первой фазы (с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.) устранились от активного вмешательства в европейские события. Более того, США наращивали конкурентную борьбу с Англией за контроль над морскими коммуникациями и колониальными территориями, а в ходе начавшейся войны в Европе осуществляли поставки военной продукции

всем воюющим сторонам, не исключая Германию. США с нетерпением ожидали ослабления евроконкурентов, хищным взглядом посматривая на британские, немецкие и французские колонии.

Что было (и остаётся по сей день) общим в геополитическом поведении Запада, так это отношение к России (имперской, советской или РФ) как к своему извечному сопернику и военному противнику. Даже официально атеистическая Советская Россия рассматривалась Западом в качестве совершенно иной цивилизационной матрицы, антитезы западному христианству. Причины тому кроются, прежде всего, в фундаментальных различиях двух христианских основ, несовместимости духовно-нравственных систем ценностей, иных мировоззренческих взглядов на смысл бытия. Поэтому формирование единого антисоветского фронта накануне Второй мировой было вполне возможным. И не состоялось, скорее всего, в силу непримиримых разногласий в стане западных стран (немцы не могли простить англичанам, и особенно французам, версальское унижение), а также благодаря высокому искусству советской дипломатии.

К тому же Гитлер действовал вопреки политической логике и военной стратегии: он «кинул» всех и развязал войну против ведущих государств мира (кроме Японии), против двух мировых, причём противостоящих друг другу, геополитических систем, вынудив их стать союзниками. 22 июня 1941 г. геополитическая ситуация изменилась коренным образом. Уничтожение японцами в декабре 1941 г. главных сил американского флота в Пёрл-Харборе привело к тому, что США задействовали весь свой потенциал для борьбы со странами «Оси». Война после 22 июня 1941 г. приобрела глобальный размах и превратилась в мировую войну. Но именно советский народ, советский солдат и лично И.В. Сталин стали сакральной надеждой всего человечества. Мир молился на русского солдата и Сталина. Такое случилось впервые в мировой истории — человек заменил Бога.

Советско-германский фронт стал главной составной частью Второй мировой войны, втянувшей в свою орбиту 61 государство мира и 80% населения планеты, поставившей под ружьё 110 млн человек. Лондонская «Таймс» 22 декабря 1941 г. писала в редакционной статье: «Битва на восточном фронте является стержнем всей войны. В конечном счёте всё зависит от неё». От советского народа и советского солдата в полной мере зависело будущее человечества.

В ответ на панические заявления Лондона и Вашингтона из Москвы твёрдо прозвучало: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Мессианская направленность русской геополитической мысли оказалась пророческой: всечеловеческая, вселенская сущность русского человека, о чём писал Ф. М. Достоевский, была востребована летом 1941 года и восторжествовала уже весной 1945-го.

Вынужденно сложилась новая геополитическая система, основу которой составляли центры противостоящих цивилизаций: морской и континентальной. Было также очевидно, что этот союз не может оказаться долгосрочным в силу фундаментальных цивилизационных противоречий. Он формировался под конкретную задачу, в решении которой были заинтересованы в равной степени все его участники, и всем им угрожала общая опасность — угроза порабощения и уничтожения. Вновь России предстояло «вытаскивать» из пропасти весь мир, включая тех, кто планомерно планировал и готовил эту кровавую бойню. И они же сегодня, в XXI веке, пытаются обвинить Россию в её развязывании.

«Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты и их попутчики могли её обеспечить», — пишет серьёзный западный авторитет по истории Второй мировой войны А. Тейлор². В этой фразе звучит и подтверждение вывода русских специалистов, что геополитической сущностью Запада является агрессия, России (СССР) — безопасность. «Агрессия на протяжении столетий является единственной формой общения Запада с внешним миром... хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами»³. В ходе Второй мировой произошло перестроение геополитических систем, сложившихся после Версальского мира. В преддверии 1 сентября 1939 года (общепринятая дата начала Второй мировой) сложилась следующая группировка геополитических сил: Советский Союз, сохранивший геополитические устремления Российской империи (мессианская идея «Третьего Рима», перевоплощённая в идею построения социально справедливо-

² Тейлор А. Вторая мировая война. М., 1955. С. 539.

³ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106–107.

го мира на глобальном уровне, ликвидация колониальной системы, защита и развитие срединной территории, хартленда, Евразии, противостояние ценностной системе морской цивилизации и Западу в целом); англо-саксонская геополитическая система как основа морской цивилизации, сохранившая в качестве внешней стратегии геополитические доктрины Х. Маккиндера и А. Мэхэна (враждебное отношение к странам континента, установка на мировое господство через покорение хартленда — России; геополитическая система стран «Оси» во главе с континентальной Германией, ставившая целью реализацию теории немецких геополитиков (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер) о государстве как живом организме, требующем в своём развитии расширения жизненного пространства, вплоть до планетарных масштабов, т. е. опять же установка на мировое господство. Союзники Германии: фашистская Италия и милитаристская Япония, — также разделяли немецкий геополитический подход о необходимости расширения жизненного пространства для своих стран.

Для каждой из этих трёх систем в качестве социальной основы предусматривалось воспитание особой сущности человека: в СССР человек — всесторонне развитая личность в бесклассовом обществе, человек-интернационалист, с уважительным отношением ко всем народам мира, чувством сострадания к угнетённым нациям и высокими патриотическими чувствами к первому в мире социалистическому государству, с приоритетом интеллектуально-идейных и коллективистских начал перед материально-потребительскими. Англо-саксонская модель геополитической системы базировалась на человеке — экономическом индивиде, строившем свой жизненный смысл на обретении материальных благ прежде всего за счёт эксплуатации «варварских и диких» народов». Идеалом человека стран «Оси» являлся человек-порядок (человек-солдат), безоговорочно преданный фюреру, дуче, императору.

Объективный культурно-цивилизационный анализ показывает, что в советском человеке истинных христианских (и языческих) начал было гораздо больше, чем у западного человека.

Конфигурация вышеописанных геополитических систем не являлась жёстко фиксированной конструкцией. Так, например, создавались геополитически «нелогичные» альянсы типа мюнхенского (1938 г.) и советско-германского (1939 г.). Выпадала из системы Франция, не сумевшая вписаться в предвоенную конфигурацию сил и/или создать свою эффективную геополитическую структуру, в результате чего потерпела сокрушительное военное поражение от Германии и уничтожение военно-морского флота со стороны Англии, поставки военной продукции воюющим сторонам, в том числе Германии.

Как можно сегодня обозначить цели и замыслы главных участников Второй мировой:

Германия — мировое господство арийской расы во главе с «чистокровными» арийцами-немцами, построение иерархической структуры мира по расовому принципу: верхушка — «арийские» народы и система государств «Оси» фашистского типа, второй уровень — народы не вполне «чистокровные», но с фашистскими режимами во главе государства (Англия, США, Норвегия, Испания и др.), третий уровень — «неарийские» народы, для обслуживания мировой арийской «элиты», четвёртый уровень — народы-«недочеловеки», рабы, часть из которых подлежала уничтожению;

Англия — столкновение Германии и России в смертельной схватке, ослабление Франции через войну, установление контроля над послевоенной Европой, сохранение колониальных владений, усиление своих позиций в отношениях с США;

Франция — стремление избежать войны с Германией, лихорадочный поиск союзников и надежда на союз с Британией, готовность на любые уступки Гитлеру в европейских делах, подготовка к войне с Германией (линия Мажино);

США — предвоенная политика «невмешательства» в дела Европы, занятость внутриамериканскими делами и наращиванием военного и экономического присутствия в АТР, ожидание европейской войны для расширения сферы приложения своих капиталов;

«Мировая закулиса» (альянс крупного финансового и промышленного капитала, политических и военных элит стран Западного мира) финансировала подготовку к войне, подталкивала европейские элиты к развязыванию военных действий, жила ожиданием огромных военных прибылей и надеждой на ослабление в войне всех европейских государств, готовила почву для перехвата мировой власти международными финансистами.

Советский Союз — настойчивые попытки избежать войны и создать в Европе систему коллективной безопасности, подготовить страну к отражению агрессии, не допустить создания единого антисоветского фронта западных стран и Японии.

22 июня 1941 года нейтралитет СССР закончился. Практически вся Европа за пределами новых советских границ находилась под властью фашистов, за исключением Англии. Для Советского Союза было выгодно, что Англия и Германия сражались друг с другом, но быстрый вывод из войны Франции (за 40 дней) явился для Москвы неприятной неожиданностью. К тому же Германия получила в своё распоряжение значительную часть французского военного и экономического потенциала. Французский флот, намеревавшийся уйти в порты дружественных стран, был потоплен в жестокое сражении англичанами.

В сложившейся ситуации стал очевиден замысел немцев: быстрым ударом покончить с советской Красной армией до наступления зимы 1941 г., затем обрушить военную мощь на Англию и принудить её к капитуляции. Затем совместно с Японией разгромить военно-морские силы США, установить контроль над океанскими коммуникациями, захватить военно-морские базы США и Англии, поделить колонии между странами «Оси». Естественно, такое развитие событий не устраивало ни СССР, ни Англию, ни США, поскольку на повестке дня стоял вопрос о самом существовании этих государств. Поэтому антигерманский союз трёх государств и сил сопротивления Франции стал естественным. 22 июня 1941 г. У. Черчилль выступил с речью по радио и заявил: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я... Но сейчас всё это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, это опасность, угрожающая нам и Соединённым Штатам». Американский президент Ф. Д. Рузвельт заявил 24 июня 1941 г. «Жизненно необходимым для безопасности Америки является оказание всей возможной помощи России, пока она продолжает сражаться со странами «Оси». 12 июля 1941 г. было заключено советско-английское соглашение о совместных действиях против Германии. Уже 31 июля в Архангельск прибыл первый британский корабль с боеприпасами.

7 декабря 1941 г. японская авиация практически уничтожила Тихоокеанский флот США на его главной базе Пёрл-Харборе. В тот же день США объявили войну Японии, а Германия

и Италия — через 4 дня войну Соединённым Штатам. Боевые действия охватили Балканы, Северную Африку, Ближний Восток, Атлантику и Тихий океан. 29 сентября 1941 г. состоялась московская конференция трёх держав, на которой США обязались поставлять СССР и Англии военные материалы. От обязательств о непосредственном участии в военных действиях США отказались, вопрос об открытии второго фронта встал на повестку дня только в 1942 году. США и Англия обещали открыть второй фронт сначала в 1942 г., затем — в 1943 г., но по мере успехов Красной армии дата открытия откладывалась.

Победы над немецко-фашистскими войсками под Москвой, Сталинградом и Курском фактически определили, кто победит во Второй мировой, и встал вопрос о будущем мироустройстве. Ему были посвящены конференции «Большой тройки»: ноябрь 1943 г. — в Тегеране, февраль 1945 г. — в Ялте, июль 1945 г. — в Потсдаме. В Ялте стороны согласились разделить Европу на зоны влияния и контроля. Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали Декларацию об освобождённой Европе, где провозглашалось, что они будут согласовывать свою политику, чтобы помочь освобождённым народам уничтожить последние остатки нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их выбору. Ещё в Ялте была достигнута договорённость о вступлении СССР в войну против Японии, за это участие Советский Союз получал Южный Сахалин, Курильские острова и военно-морскую базу в Порт-Артуре.

Уже в ходе войны, особенно на её завершающем этапе, стало очевидным возвращение стран антигитлеровской коалиции к прежней геополитической стратегии с учётом сложившейся ситуации. США и СССР становились сверхдержавами. Но при этом СССР понёс тяжелейшие людские и материальные потери, а США разбогатели на войне (к маю 1945 г. более половины золота капиталистического мира находилось в США). Плюс США в 1945 г. стали первой ядерной державой. Великобритания была серьёзно ослаблена войной, отрезана от своих колоний, зависела от поставок боеприпасов и американского вооружения. Франция пострадала от поражения и оккупации. Германия и Япония оказались разгромлены и капитулировали. Но решать международные вопросы без СССР, как это было до войны, уже было невозможно. Поэтому победители искали компромиссы, готовя почву для новой геополитической конструкции послевоенного мира.

В Потсдаме был образован Совет министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая (два последних — по предложению СССР). Эти же страны стали впоследствии постоянными членами СБ ООН, что подчёркивало новую геополитическую структуру мира, сложившуюся после Второй мировой войны.

После капитуляции Японии интересы сторон вновь стали несовместимыми, и послевоенные договорённости зафиксировали сложившееся фактическое соотношение сил. Следует при этом подчеркнуть, что успех советской стороны в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций, безусловно, определялся вкладом СССР в общую победу, могуществом его вооружённых сил и ростом международного авторитета. Но успех мог быть значительно меньшим, если бы не разногласия между США и Великобританией. Во-первых, Лондон претендовал на роль лидера не только Европы, но и всего Западного мира. Во-вторых, он же стремился сохранить статус Британской империи как великой морской державы и контролировать стратегические океанские коммуникации. Однако накачавшие в ходе войны военные и экономические мускулы Соединённые Штаты, к тому же понесшие в ходе войны минимальные потери, претендовали на те же самые роли. Поэтому на переговорах в Тегеране и Ялте президент США Ф.Д. Рузвельт и лидер СССР И.В. Сталин нередко совместно выступали против позиции британского премьера У. Черчилля. Это обстоятельство способствовало достижению компромиссов в решении сложнейших проблем послевоенного мироустройства.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ СОВЕТСКОЙ ПОБЕДЫ

«Мир поддерживается присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака».

Т. Фридмен,
американский политолог

В результате победы советского народа в Великой Отечественной войне мир стал качественно другим, в мировом устройстве человечества произошли следующие изменения:

- ушла в историю неустойчивая многополярная, европоцентричная модель мироустройства;
- рухнула колониальная система мира, деление человечества на «дикие», «варварские» и «цивилизованные» народы прекратило своё существование;
- геополитическая структура мира обрела классическую (естественную) форму: два устойчивых, балансирующих друг друга мировых центра плюс менее устойчивый, формирующийся третий полюс в лице сообщества государств, становящихся на путь самостоятельного развития, и нейтральных стран;
- изменилась качественная сущность человечества: у народов планеты появился выбор пути развития, три типа государств (капиталистическое, социалистическое, смешанного типа) стали определяющими в структуре геополитических систем мира;
- геополитические системы (капиталистическая, социалистическая и третий мир) стали формироваться на культурно-цивилизационной основе;
- произошли качественные и структурные преобразования в западном ареале: однозначной стала доминанта стран морской цивилизации, а в англо-саксонском противо-

стоянии произошла смена лидера, Британия уступила первенство Соединённым Штатам, сформировался также исторический феномен в лице единого Запада, включая Японию и Южную Корею;

- в западном сообществе государств в результате Второй мировой войны заметно усилилась роль частных финансовых структур, ТНК, теневых органов скрытой власти, а роль государств и степень независимости их политики резко снизилась;
- изменились основы геополитического противоборства, поскольку главной сферой борьбы стали не территории и ресурсы как таковые, а смысл жизни, духовно-цивилизационная среда; главным объектом — сознание людей;
- впервые в истории сложилась система международной безопасности, основанная на принципах баланса сил, управляемая наднациональными структурами планетарного масштаба.

Произошли серьёзные качественные изменения в Советском Союзе:

- СССР «надел майку лидера» большей части человечества и возглавил строительство другого, ранее неизвестного народам мира типа общества, с иным смыслом жизни, характером межгосударственных отношений, с priori-

тетом интеллектуально-духовных ценностей над материально-потребительскими:

- в основном закончилась борьба двух линий на построение социализма в СССР: «русская партия» одержала победу над космополитизмом, о чём объявил И. Сталин в тосте по случаю Победы 24 мая 1945 года.

В результате решающего вклада советских людей в разгром германского фашизма мир кардинально изменился. Но его геополитическая сущность не изменилась, законы геополитики работали беспрекословно. Особенно законы фундаментального дуализма, цивилизационной предрасположенности и несовместимости цивилизаций. После кратковременного союза по интересам в годы Второй мировой с её окончанием всё вернулось на круги своя. Были лишь скорректированы геополитические проекты сторон «в связи с изменившимися обстоятельствами».

В чём состоял послевоенный геополитический проект Советского Союза?

Первое, к чему стремилось советское руководство, — обеспечение военной безопасности страны. С этой целью важно было на международно-правовом уровне закрепить внешние границы СССР, создать зону безопасности на западном стратегическом направлении, сфор-

мировать систему коллективной безопасности в Европе, используя для этого наработанный за годы войны потенциал союзнических отношений с США, Англией и Францией. Второе направление внешнеполитической деятельности советского руководства заключалось в создании геополитической системы государств, ориентированных на СССР и подконтрольных ему, с целью поддержания баланса сил на международной арене и сохранения результатов Второй мировой войны. Действуя на этом направлении, руководство СССР приступило к осуществлению проекта по созданию стран народной демократии как переходной стадии к социализму. Третьей составляющей советского проекта явилась политика борьбы против колониальной системы. К моменту окончания войны в колониальных и полуколониальных странах проживало более 270 миллионов человек. Освобождение их от колониальной зависимости было продолжением той мессианской миссии российского государства и общества, которая сформировалась после принятия на себя функций «Третьего Рима». Следует при этом учитывать, что Советское государство большей своей частью располагалось в Азии, значительную часть населения СССР составляли мусульмане, а также восточные народности,

а наиболее колонизированной частью света являлась именно Азия, где в колониальной зависимости проживали 90 процентов населения. Да и по духовно-цивилизационной близости народы Востока были более родственными культурно-историческими типами, чем народы стран Запада..

Таким образом, сущность послевоенного проекта СССР выражалась в строительстве геополитической системы, балансирующей устремления к мировому господству западных стран морской ориентации. Эта система предполагала не только создание биполярного баланса сил, но и альтернативу западному образу жизни. При этом советское руководство не отрицало возможности тесного взаимодействия и сотрудничества со странами Запада по всему спектру международных проблем и двусторонних отношений.

Западный проект, где уже к концу войны чётко обозначилось доминирование США, выстраивался в условиях серьёзного ослабления Европы в целом и континентальной её части особенно. Разбогатевшие на войне американские корпорации оказались готовы к вторжению в послевоенную Европу и Японию. Перед политической и финансовой элитой США и англосаксонского мира в целом отчётливо обозначились перспективы поэтапного установления мирового господства. Поэтому первой частью послевоенного западного, по сути — американского, проекта являлось установление экономического и финансового контроля над промышленно развитыми Европой и Японией. И первое, что сделали американцы, — привязали всю экономику Западной Европы, а затем и других стран к доллару США (Бреттон-Вудские соглашения 1944 г.). Второй задачей ставилось политическое и военное объединение стран Запада под американо-британским началом. Сделать это было непросто. Страдания Второй мировой войны ощущались повсюду, европейские народы, как и советский народ, решали важнейшую задачу восстановления своих стран, возвращения к нормальной, мирной жизни. Тем более что главный противник, германский нацизм, — был повержен. Третья задача выражалась в стремлении переидентифицировать (перевоспитать) континентальные страны Европы и Японию, навязав им морскую систему ценностей, геополитические установки англо-саксонской школы. Перед англо-саксонской элитой и финансовой олигархией встала задача найти мотивы для объединения Запада в единую геополитическую

систему, подконтрольную господствующим силам США и Великобритании. Выход был найден в формировании образа нового противника, угрожающего всем странам Запада одновременно. Таковым стал демонизированный образ Советского Союза, а идеологической основой объединения — жупел коммунистической угрозы, якобы посягавшей на западные ценности, угрожавший свободе и самому существованию Западных стран. Реальна ли была такая угроза? Оснований утверждать подобное нет абсолютно никаких. Да, действительно, международный авторитет первого в мире социалистического государства после Второй мировой войны был исключительно высок и непререкаем. Однако именно советский народ понёс самые тяжёлые потери: 27 миллионов погибших, значительная часть из которых — производительные силы государства. Плюс сотни разрушенных городов, экономика, полностью реорганизованная на военные нужды, деформированная в результате войны география размещения производств, десятки миллионов беженцев и т.д. Для советского руководства не имело никакого смысла втягиваться в новое противостояние и тем более в гонку вооружений. В ходе войны И. В. Сталин, в целях укрепления союзнических отношений со странами-победителями, ликвидировал штаб международного коммунистического движения — Коминтерн, изменил гимн Советского Союза, установил деловые отношения с президентом США Ф.Д. Рузвельтом, делегация СССР активно работала над проектом ООН, добиваясь прежде всего создания международной системы предотвращения войн. Поддержка мирового коммунистического и национально-освободительного движений в первые послевоенные годы отошла для Москвы на второй план. Скорее всего, по причине того, что СССР уже в 1945 г. был втянут бывшими союзниками в новый фронт противостояния — ядерный. Угроза атомного удара стала реальной, и, направляя все силы и сохранившийся интеллект, Советское государство совершило ещё один подвиг, не менее значимый, чем тот, который был совершён на полях Великой Отечественной войны: в августе 1949 г. испытало ядерное устройство, а затем создало атомную отрасль, построило государство в государстве. Результат этого подвига и сегодня является гарантией безопасности России. Через 10 послевоенных лет, уводя мир от новой мировой войны, СССР увлёк человечество в космос и мирный атом. Подобного в истории человечества не совершал ни один народ.

«Победа, холодная война и евразийство»

*Выездной «круглый стол» Изборского клуба
в Оренбурге*

Юрий БЕРГ,
*губернатор Оренбургской
области:*

— Уважаемый Александр Андреевич, я приветствую вас и ваших коллег по Изборскому клубу, деятельность которого я знаю и высоко ценю, у нас, в Оренбургской области. Уверен, что нынешний медиафорум, а такие мероприятия мы проводим ежегодно, бла-

годаря вашему участию в его работе войдёт в историю области.

Нельзя забывать, что в нашей истории, в той эпохе, в которой мы с вами жили, было много хорошего. И мы, старшее поколение, — связующее звено прошлого и настоящего. Я всегда говорю журналистам: надо писать только правду. И о прошлом, и о настоящем. Правда — на всех

одна и всегда одна. И нужна нам — правда.

Александр ПРОХАНОВ,
*писатель, председатель
Изборского клуба:*

— А я говорю своим коллегам: нам нужна не правда, а нужна победа. Мы связываем прошлое и настоящее, а молодые, которые есть и в нашем клубе, немало молодых

интеллектуалов и в вашей области, будут связывать настоящее с будущим. А все вместе мы будем связывать небо с землёй.

Юрий БЕРГ:

— Конечно, нужна победа. Победа и правда. Я внимательно читаю все областные СМИ. И много беру для себя: журналисты мне помогают увидеть и проблемы, и достижения. Область большая — сам всего не увидишь. К тому же мы стали пограничной областью. По протяжённости сухопутных границ — это 1882,6 километра — мы на первом месте среди субъектов Российской Федерации. Особенно возрастает роль нашего субъекта в связи с образованием Евразийского союза. Мы называем себя сердцем Евразии. И на встрече с Владимиром Владимировичем Путиным в 2013 году я предложил ему сделать Оренбург столицей Евразии. Он улыбнулся и сказал, что Нурсултан Назарбаев тоже этого хочет. Но мы постараемся, чтобы стать такой столицей.

Через нас идут миграционные, транспортные потоки из Средней Азии — мы первые на их пути на российской территории. У нас хорошие контакты с нашими соседями — Казахстаном. Проводим совместные мероприятия по разным направлениям, и у нас полное взаимопонимание и взаимодействие. Мы выстраиваем отношения к взаимной выгоде наших стран.

В области проживает порядка 126 национальностей. Все религиозные конфессии представлены. Много мусульман. Но религиозного экстремизма нет: согласно исследованиям, всего несколько процентов к этому склоняются, а 90 % довольны существующим положением и раскачивать ситуацию не намерены. Люди не только разных вероисповеданий, но и национальностей очень дружны. Это идёт из прошлого

нашего, когда мы все жили одной семьёй и не смотрели, кто какой национальности. И наша задача — сделать всё, чтобы последующие поколения только приумножали такие отношения, берегли.

Александр ПРОХАНОВ:

— Надо найти такое слово, которое одинаково бы зажигало любовью и радостью сердца и мусульман, и православных, и буддистов. Поиск этого слова — это насущная идеологическая задача, и мы, изборяне, этим занимаемся. Мы часто ошибаемся, но это и есть поиск.

Дмитрий КУЛАГИН,

*вице-губернатор
Оренбургской области:*

— Александр Андреевич, посещение Оренбургской области Изборским клубом — знаковое событие, поскольку даёт нам возможность послушать ваши взгляды и мысли, поделиться своими размышлениями. Оренбуржье справедливо называют «сердцем Евразии», и мы намерены быть в авангарде процессов российско-азиатской интеграции, взаимопроникновения наших культур и экономик.

Александр ПРОХАНОВ:

— Дорогие друзья, Изборский клуб — это содружество, товарищество патриотически настроенных интеллектуалов. Клуб являет собой ансамбль различных воззрений, взглядов, интересов, судеб, проекций. Это православные и мусульмане, русские и татары, конфликтологи и художники, поэты и публицисты. Нас объединяет идея государства Российского. Всем нам страшно потерять наше государство. Все мы дорожим нашим молодым, ещё весьма хрупким государством и стремимся ему помочь. Каким образом?

Сегодня в мире происходит жесточайшая схватка идеологий. Конечно, на земле сражаются танки, пушки, разведывательные сообщества. Но сражаются и иде-

ологи. В беспощадной схватке сошлись концепции мира, концепции будущего. В зависимости от того, какая из этих идеологий победит, таким и будет мир — каким его сделает взгляд на мир, взгляд на будущее.

К сожалению, в этой схватке идеологий, как сказал Путин, России нет места, потому что в 1991 году мы потеряли великую «красную» идеологию. И мы питаемся обрывками либерального проекта, который был нам спущен победителями-либералами. Потому создание государственно-патриотической идеологии — задача не менее важная, чем создание новых систем оружия, новых лодок, новых биотехнологий.

Эту идеологию нельзя создать на круглых столах или в докладах, дискуссиях. Великие идеологии создаются народом в часы испытаний: военных испытаний, в часы величайших трудов, преобразований и преображений. Но несколько основных тезисов, постулатов новой идеологии просвечивают, они явились результатом изучения нашей традиционной истории, наших традиционных форм.

Первый постулат. Государство Российское во все периоды своей истории — это империя. Империю нужно понимать как симфонию: пространств, народов, религий, симфонию потенциалов каждого из отдельно взятых народов, которые складываются в единство. И этим достигается не арифметический, а гораздо более мощный синергетический результат.

Разрушенное в 1991 году великое «красное» государство после «чёрной дыры» начинает медленно и мучительно восстанавливаться. Восстанавливаются пространства, восстанавливаются народы. Мы прекратили «парад суверенитетов», который грозил разорвать оставшуюся после катастрофы 1991 года Россию. В мучительных кавказских вой-

нах остановили отпадение от нас Кавказа. Создали и продолжаем совершенствовать Евразийский союз. Евразийский союз — это ответ на пространственно-культурно-энергетическое разорение, свершившееся после 1991 года. Пространства, осиротевшие после великого «красного» интеграла, вновь начинают двигаться, стремиться друг к другу, хотят срастись, соединиться в каком-то новом качестве. Поэтому евразийская идея — это идея, прежде всего, имперская, или квазиимперская, когда народы опять сочетаются в новый синтез: без метрополии, без главенствующей державной столицы, — в новое сложное сетевое единство.

Второй постулат — идея справедливости. Русское сознание связывает свою историческую судьбу с идеей справедливости. Сегодня мир построен на несправедливости, и российское общество крайне несправедливо. Всё человечество нуждается в справедливости. Поэтому в имперский синтез должен быть внесён светоч справедливости. Не только социальной, не только в отношении человека к человеку, человека и государства, но и божественной справедливости. Которая сочетает всё — тварь и Творца, природу и машину, цивилизацию и культуру, человека и государство.

Принцип справедливости сформулирован в недрах наших великих религий. Ведь ключевым словом в Коране является «справедливость». Под справедливостью Коран понимает божественный замысел. Новый Завет, Нагорная проповедь, Христовы заповеди, православное учение — это идея божественной справедливости. И принцип справедливости нам предстоит сформулировать и внедрить в наш социум.

Третий постулат — это развитие, рывок. Мы перестали заниматься великими трудами.

Катастрофически отстали от человечества. Нам предстоит в кратчайшее время перенестись из одной цивилизационной формации в другую. Для этого нужен порыв, рывок, нужна модернизация, может быть, надрывная и сложная, без которой мы просто не выдержим под натиском соседних цивилизаций.

Либеральный проект, который был задуман и сформулирован не в наших лабораториях, не в наших интеллектуальных штабах и свалился на нашу голову в 1991 году, отрицает роль государства в экономике. Он предполагает игру свободных рыночных сил. Экономические группировки, которые до сих пор главенствуют в нашем экономическом сознании, в правительстве, эти маги и колдуны гайдаровского разлива предложили нам такую экономическую модель, что уже трижды повергала нас в кризисы, открыла перед нами бездну, и мы в эту бездну падаем.

А контрмодель — новая экономическая модель, которая сформулирована, — до сих пор отвергается. У этой модели есть великие теоретики, такие как Сергей Глазьев, есть замечательные практики — губернаторы, которые добились восхитительных результатов в своих регионах. Поэтому рывок, преодоление уже исчерпавшей себя гайдаровской модели является насущным компонентом новой цивилизационной программы.

После присоединения Крыма и после событий в Новороссии нам объявили новую холодную войну. Холодная война-2 предполагает не просто изменение политического курса России. Она предполагает трансформацию российской государственности в том виде, в каком государство начинает возрастать после катастрофы 1991 года. Предполагает срез этой государственности, срез президентских устремлений. Она

направлена персонально против президента и против всех ценностей, из которых состоит наша молодая, еще хрупкая государственность.

Одно из самых мощных воздействий, которое наше общественное сознание испытывает, связано с изменением представлений о Родине, с выдавливанием из нашего сознания положительного образа Родины. Если в сознании народа образ сегодняшней России: любимой, ненаглядной, восхитительной, — будет заменён образом России отвратительной и жестокой, то народ отвернётся от идеалов собственной страны и сдаст её без боя, как это произошло в 1991 году. Ведь перестройка была спецоперацией, направленной на разрушение положительного образа Родины. И государство, лишённое своих констант, своих привлекательных черт, пало.

Но одна константа уцелела. Победа 1945 года! Образ Победы был перенесён через катастрофический рубеж 1991 года, перелетел из советской эры в нынешнюю. И сегодня Победа — не просто праздник, не просто историческая категория. Это таинственная чаша, из которой наше государство черпает творческие энергии для своего возрастания. Идёт схватка за Победу. Победу стараются выбить из наших рук, опрокинуть эту чашу. Поэтому интеллектуальные и духовные силы сегодняшней, именно сегодняшней России, сплотились вокруг Победы.

Категория Победы из XXI века смотрится иначе, чем из середины XX века. Возникают новые смыслы, новые оценки. Победа представляется сегодня как величайшее мистическое событие не только XX века, но, может быть, и всей истории человечества. Потому что во время этого сражения сражались не просто армии, не просто идеологические системы,

а сражались высшие космогонические категории — Добра и Зла, Света и Тьмы. Примерно такая же битва, по-видимому, проходила две тысячи лет назад, когда человечество впало в такой тёмный грех, в такую погибель, что уже не было места ему на земле. И Господь Бог принёс самую страшную, таинственную жертву — принёс самого себя в жертву, то есть своего Сына. Той сакральной жертвой были искуплены тёмные грехи, накопившиеся в человечестве, и оно стало развиваться прежними путями — путями Господа.

То же самое было и в середине XX века, когда крошечная тьма хлынула в мир, и эту тьму отбивал наш народ: русский, татарский, башкирский, — все народы, которые были соединены в огненный, пылающий сгусток

советской энергии. Мы отбили врага ценой громадных потерь. 30 миллионов погибших наших людей — это святомученики, потому что они погибли на священной войне. Война увенчалась священной Победой. Поэтому, сражаясь сегодня за Победу, мы сражаемся за самое священное, возвышенное, из чего состоит мир, состоит человеческая история и наше русское, российское время.

Наша Родина отождествлена с Победой. Образ России: образ полей, заводов, прекрасных лиц, образ чудесных семей, — всё это соединено в категорию мистической божественной Победы. В Победе — смысл нашего бытия, смысл русского мессианства, смысл всех жертв, которые мы постоянно приносим и ещё будем приносить, искупая этими

жертвами великую драму **сотворения** рода земного. Поэтому образ Родины, образ Победы есть объект, вокруг которого вращается мировая мысль, мировая историческая драма.

Новороссия сегодня — это продолжение той же вселенской схватки. Новороссия не может быть побеждена и опрокинута. Новороссия, Донбасс не могут быть отданы на растерзание врагам рода человеческого. Победа, которую мы одержали 70 лет назад, будет непременно одержана и там. И наша сегодняшняя идеология российского возрождения, идеология, которую исповедуют атеист и верующий, православный и мусульманин, буддист и носители других вероисповеданий, — эта вера лежит в основе нашего будущего спасения и процветания.

Михаил КИЛЬДЯШОВ,
*председатель Оренбургского
отделения Союза писателей
России:*

— Если взять диахронную идею евразийства, то здесь можно выделить период первый — эмигрантский, представленный Савицким, Сувчинским, Трубецким. Тогда евразийство было нацелено на то, чтобы выработать самое понятие евразийства. Второй период связан с Львом Николаевичем Гумилёвым, который разработал евразийство в плане историко-этнографическо-географическом. Нынешний период развития евразийской идеи — период метафизический и одновременно политически-прикладной. В политике мы видим образование

Евроазиатского союза. А метафизическое евразийство в первую очередь направлено на то, чтобы определить категории евразийского пространства в их сверхприродном, сверхчеловеческом усилии для созидания того заветного кристалла, когда необходима не только человеческая энергия, человеческий вектор усилий, но и некая синергия с божественными силами.

И хотелось бы сказать о пространстве как географическом, так и мессианском, современного евразийства. Под географией мы понимаем территорию, которая определена границами государств, определёнными ландшафтами. Наша область в этом смысле является многоландшафтной. А в том

или ином смысле ландшафт формирует национальный характер. Степь формирует один национальный характер, горы формируют другой, вода — третий. И географическое пространство Евразии является неким плавильным котлом, где разнообразные характеры обретают некое единство.

Но у евразийского пространства есть и мессианское пространство, то пространство, куда сегодняшняя Россия транслирует свои божественные и мессианские смыслы. Это, прежде всего, идея Божественной правды и идея Великой Победы.

Валерий КОРОВИН,
*член Общественной
палаты РФ:*

— Холодная война возникает тогда, когда происходит битва идеологий. Первая холодная война закончилась поражением для нас, потому что мы не удержали свой метафизический эсхатологический проект, не достроили коммунизм, который провозглашали в качестве конечной цели. Этот эсхатологический проект был нами не завершён, в то время как наши оппоненты свой проект навязали всему миру.

Так возник сегодняшний мир — однополярный, американоцентричный, западнический в своей сути. И одна из главных, убийственных характеристик этого мира заключается в том, что он предлагает всем народам единый формат развития. Запад высокомерно решил, что его опыт является идеальным и абсолютным, он возложил на себя мессианскую задачу навязать этот образ будущего, образ своего развития всему человечеству, не обращая внимания на многообразие мира.

Если Ялтинский мир базировался на некоем балансе безопасности, и два полюса этого мира предлагали два альтернативных метафизических образа будущего, которые конкурировали друг

с другом, то сегодня конкуренция прекращена. Холодная война закончилась нашим поражением, победой Запада, и однополярный мир угрожает сложности мира, которая пока сохраняется. В первую очередь западная однополярная модель угрожает России, которая представляет собой эталон многообразия: культур, этносов, языков и традиций.

Это действительно метафизическая битва, потому что если Запад уничтожит Россию с ее цветущей сложностью, то история закончится либеральным кошмаром, который мы наблюдаем по всему западному миру, насаждаемым среди всех народов, государств и цивилизаций.

Евразийство являет собой именно глобальную мировоззренческую, в каком-то смысле метафизическую альтернативу. Война, которая сегодня развивается, является холодной войной — поскольку это битва прежде всего за метафизические образы. И если реальная война развивается в категориях сражений за сиюминутные физические ценности, то новая холодная война — это битва за образ будущего. И евразийство выдвигает понятные, конкретные категории, от которых и надо отталкиваться.

Однополярный мир является несправедливым, вероломным и волюнтаристическим. И евразийской альтернативой однополярному миру является мир более справедливый, многополярный, в котором будет не один, а несколько цивилизационных полюсов, и они вместе станут на основании консенсуса определять образ истории, образ будущего для всего человечества, а не принимать волю одного центра, который безапелляционно считает себя правым. Многополярный мир по определению более справедлив. Но это не мир множества национальных государств, каким он был до сегодняшнего дня, — это мир,

состоящий из нескольких культурно-цивилизационных полюсов.

Евразийская геополитика определяет примерно пять-шесть цивилизационных полюсов, пространств, которые будут складываться на основе культурной и цивилизационной близости. Одним из таких пространств является евразийское, и тот Евразийский союз, который мы вместе создаём на базе постсоветских государств: переживших с нами общую историю, имеющих общие культурные корни, всё ещё говорящих с нами на одном языке, видящих свою историю и развитие как альтернативу западному образу будущего.

Наш евразийский мир, евразийский полюс представляет собой стратегическое единство многообразия. Большое пространство отличается тем, что допускает внутри себя плюрализм, цветущую сложность культур, народов и этносов, языков, — в отличие от Западного мира, который ставит своей задачей унификацию, создание единого стандарта, единой матрицы, где будет растворено всё множество народов, культур и цивилизаций нынешнего человечества. Это варварский проект, созданный на основе этноцида, уничтожающий народы, языки и культуры.

Сегодня народы Европы лишены идентичности, и в этой связи перестали быть народами. Последнее, что придавало народам Европы целостность, — это национальные государства, европейские государства наций, но и они сегодня растворены в мондиалистском, единообразном проекте Евросоюза. И стирание идентичности превратило представителей народов Европы с величайшей историей в некую биологическую массу — атомизированных, унифицированных, бесполой людей без качеств, без характеристик и без свойств.

Тот же проект, та же перспектива предлагаются и нам. Но наша

ценность, наша сила и могущество — в нашем многообразии. И не смешение, не «плавильный котёл» являются базовой характеристикой евразийства. Проект «плавильного котла», всеобщего смешения — проект западный, глобалистский, мондиалистский, уничтожающий всё живое и перемалывающий человеческую биомассу. Наша множественность, наша поликультурность, мультиконфессиональность и многоэтничность — вот ценности, которые позволяют нам, познавая друг друга, оставаться самими собой и развиваться.

Именно в познании друг друга, в уважении своей традиции, традиций тех, кто живет рядом с нами, заключается наша сила, дающая нам возможность на протяжении всей тысячелетней истории: от Великой Руси до нынешней России, — сохранять это пространство в целостности и неизбылемости традиций и базовых социальных и культурных основ.

Предлагая евразийскую альтернативу, мы осуществляем глобальную битву за историю. Проиграв один раз, мы не можем проиграть вновь, ибо тогда мир погрязнет в несправедливости. Поэтому новая холодная война должна быть завершена утверждением евразийского проекта глобальной справедливости и многополярного мира.

Георгий ГОРЛОВ,
*протоиерей, ректор
Православной гимназии
города Оренбурга:*

— Только с возрождением духовности возможно возрождение Руси, возрождение Высшей, Божьей справедливости. Божья справедливость проявляется и через милосердие, которое мы должны оказывать друг другу. Нам надо научиться уважать и защищать интересы друг друга.

А когда мы сможем возвыситься до высшего духовного смысла,

тогда, наверное, перестанем быть просто соседями, а станем единой семьёй. Той семьёй, которая есть у нас, в Оренбургской области, где сохранилась мультикультурная атмосфера — огромный конгломерат всех культур, который создал свою оренбургскую культуру, наш оренбургский дух. Который, на мой взгляд, может послужить основой, базой для возвращения нового евразийского духа, поскольку у нас отношения межконфессиональные — между мусульманами и православными — добрые, близкие. В нашей гимназии дети изучают предмет «История религий», и мы приглашаем к нам мусульманских проповедников, чтобы они рассказали о своей культуре, поскольку мы должны знать и понимать друг друга. И научить правильному пониманию, знать основы о веровании другого человека, чтобы не оскорбить его чувств, чтобы мы могли вместе трудиться и идти по пути спасительному.

Церкви сложно существовать в современном либеральном обществе, поскольку либеральное общество стало противником церкви. В своё время, когда был процесс возрождения, либеральная общественность Церковь поддержала, надеясь на то, что церковь станет источником противостояния с государством. Но Церковь государство поддерживает в его лучших побуждениях. И Церковь всегда почитала два Отечества: Отечество небесное и Отечество земное.

Максим ШЕВЧЕНКО,
журналист:

— Я исхожу из того, что государство является только вспомогательным инструментом развития человека, и не человек подчинён интересам государства, а государство должно служить человеку.

Несколько сотен лет на территории Российской империи или Советского Союза народу

предлагалось приносить себя в жертву. Наши прадеды приносили себя в жертву, наши деды, наши родители, нам предлагалось приносить себя в жертву — очевидно, нашим детям, внукам и правнукам тоже предложат приносить себя в жертву. Возможно, это соответствует каким-то высшим духовным ценностям евразийства, но отцы евразийства, напомним, почти все закончили свою жизнь в ГУЛАГе. И не знаю, были ли их жизни принесены в жертву чему-то высшему. Но на развалинах того, чему, тогда казалось, всё это правильно приносится в жертву, мы, собственно, живём, наблюдая, как в романе Стивена Кинга из цикла «Тёмная башня», обломки великих древних цивилизаций, остатки великой сталинской технократии, насоздававшей объекты, многими из которых мы разучились уже управлять.

Моя концепция развития государства и развития России состоит из двух составляющих. Я, безусловно, являюсь сторонником сильного государства, которое отвечает на этих огромных пространствах за безопасность, за развитие, и это его две главные функции. Но не надо, чтобы государство мне указывало, как думать и как дышать. Я хочу, чтобы государство обеспечивало защиту от внешних врагов и создавало условия для развития капитала во всех его значимых формах: финансового, социального, личного, человеческого. Хочу, чтобы государство защищало свободу в её базовых принципах: свободы религии, свободы слова, свободы торговли, свободы перемещения.

Мне кажется, будущее успешного развития — не в том, чтобы построить очередного монстра, который будет опираться на идеологические утопии и потом рухнет. Никакой враг не победил Советский Союз, от него просто устали. Устали от речей партийных секретарей, от лице-

мерия на партсобраниях, от того, что тяжёлая работа людей не находила достаточного оправдания: экономического, финансового, социального.

Да, мы чествовали героев: тех, кто осваивал целину; тех, кто летел в космос, кто создавал новые системы вооружений. Системы вооружений у нас потрясающие. Я часто бываю на Донбассе и вижу, как эти великолепные системы вооружения убивают теперь моих братьев, русских и украинцев, по обе стороны фронта. Это гражданская война. В ней, конечно, есть злые силы, которые сегодня находятся на стороне Киева, желающего отобрать свободу у интернационального и трудового народа Донбасса, подчинить его неофашистской парадигме либерал-националистического свойства.

Нужно сопротивляться тем, кто хочет нас захватить и поработить. Мы показали себя слабыми, а как сказал Путин в 2004 году в своей великой речи: «Мы были слабыми, а слабых бьют. Слабыми быть нельзя». Современный мир — это мир жестоких и циничных отношений. Когда государства: хорошие ли, плохие ли, — если они обладают ресурсами развития и эти ресурсы развития не могут защитить, уничтожаются, превращаются в добычу для транснациональных корпораций, в добычу для тех, кто может себя защитить и может уничтожить другого.

Украина — это пример. 40-миллионная страна с огромным экономическим, научно-техническим, человеческим потенциалом ввергнута в состояние неимоверной деградации. Поэтому мой вывод — мы должны защищать ценности, а не формы.

Великие государства строятся на ценностях, а не на силе и не на заклинаниях. Свобода должна лечь в основу нашего будущего. Государство, которое содержит в себе духовную состав-

ляющую, одновременно отстаивает принципы свободы и способно создавать высокоорганизованные технические и управленческие цепочки, — такое государство будет иметь лидерские позиции в мире.

Александр ПРОХАНОВ:

— Мне кажется, когда мать перестает жертвовать собой ради ребёнка, погибает семья. Когда человек перестает жертвовать собой ради государства, погибает государство. И когда погибает государство, необратимо гибнет человек. Бойня на Украине — это результат гибели сильного советского государства в первую очередь.

Максим ШЕВЧЕНКО:

— Оно не было сильным, оно было слабым.

Александр ПРОХАНОВ:

— Слабой была фашистская Германия. Хотя она была очень сильная, её раздавили танки. И Советский Союз разгромили танки — невидимые танки холодной войны. Один из этих «танков» назывался Михаил Сергеевич Горбачёв. Украинцы повергнуты в катастрофу, потому что на Украине не было сильного государства, это государство разворовали януковичи. Примат сильного государства — это примат сохранения народов. Государство не обслуживает народы, оно — не нянька, которая подносит соску или вытирает соплю неряшливому воспитаннику. Государство обеспечивает историческое творчество народа. Как только падает государство, у народа исчезает способность реализовать себя. И тогда на смену слабому павшему государству приходит другое, которое навязывает погибшему народу свой исторический проект.

Холодная война — это война на истребление субъекта, истребление государства. Поэтому, дорогой мой, высоколюбимый, вы-

сокочитимый, обожаемый Максим Леонардович, конечно, в период войны, холодной войны, особенно государство — это примат. Примат государства над личностью, увы. Когда мы победим, когда у нас будет большой отпуск, когда мы будем сажать сады по всей земле, тогда, конечно, садовники, люди будут важнее государства.

Веналий АМЕЛИН, профессор, доктор исторических наук, председатель организации «Содружество народов Евразии»:

— Евразийство для нас — это сочетание внешнеэкономической трансформации с межкультурным и межкультурным диалогом. Промышленность Оренбуржья была интегрирована в промышленность Казахстана, а промышленность Казахстана — в Российскую Федерацию, в частности, в Оренбургскую область. Советский Союз распался. Хватило мудрости у руководителей Оренбургской области и руководителей приграничных регионов

Казахстана, чтобы заключать договоры, чтобы экономические связи начали налаживаться.

Второй посыл — это межкультурный и межкультурный диалог. Оренбуржье — приграничный район, 1876 километров — граница. Это миграционные потоки. Но меняется этническая структура населения, появляются новые этнические общности, а в процентном отношении не меняются только две национальности и этнические общности — это русские и казахи. Как казахи были 20 лет назад 5%, так и остались. Русские — 73%. И для Оренбуржья межкультурный диалог очень важен. Для нас Русский мир — это те русские, которые остались после развала Советского Союза в странах Центральной Азии. В Казахстане их, по переписи 2014 г., 3,6 миллиона. На севере — Акмолинская область, Павлодар и Кустанай. В Кустанае 43% — русское население. И евразийство может решить проблемы гуманитарного свойства, экономического свой-

ства. Ведь инициатором новой Евразии стал Нурсултан Назарбаев: в 1994 году он высказался за создание экономического союза, который сейчас создан, — это Таможенный союз, это Евразийский экономический союз.

В Казахстане в плане межкультурного диалога делается очень много: у нас налажены гуманитарные связи. Кафедры Ассамблеи народа Казахстана

созданы во всех университетах. Изучают, что такое идентичность, этничность, толерантность, межкультурное взаимодействие, миграционные процессы. Это важно. Потому что мы-то рождены в Советском Союзе, а новое поколение не знает обычаев соседа, его религии. Что приводит к негативным последствиям, в том числе в Казахстане. И там понимают, что надо заниматься удовлетворением национально-культурных потребностей этнических общностей, которые проживают на территории Казахстана.

Вот за круглым столом мы общались с религиозными лидерами Актюбинской области. И, знаете, у нас одни и те же проблемы. Говорили о том, что ислам — это религия мира и добра, что надо сохранять традиционные основы ислама и противостоять радикальным, экстремистским течениям.

Татьяна ДЕНИСОВА,
политолог:

— Да, в 1994 году Назарбаев объявил о евразийском проекте. Но 1994 год — это год величайшего исхода русскоязычного населения из Казахстана. Кроме русских, там жило много этнических украинцев. Немцев принимала Германия, русскоязычных принимала только Россия. Потому что тогда было уже понятно, что казахов украинцев не ждут в Украине.

Да, в Казахстане прекрасные научные конференции, прекрасные кафедры открывают. Но попробуйте обсудить роль в истории Казахстана уральского, сибирского казачества. Нет, ничего мы туда не принесли, мы — колонисты и угнетатели. Постсоветская историческая истерия как в России, так и на постсоветском пространстве играла и играет прискорбную роль. Очень хочется, чтобы у нас было меньше бродячих политологов и бродячих историков, которых с избытком появилось в последнее время.

Олег РОЗАНОВ,
*руководитель
аналитического центра
«Копьё Пересвета»:*

— В 1991 году Россия в прежних её границах необходима была Западу исключительно с одной целью: вывезти ядерное оружие и уничтожить его. После этого Россия должна была распасться на несколько частей.

В 2007 году Владимир Путин, отбросив все иллюзии, выступил в Мюнхене со своей знаменитой речью. После этого судьба России была предreshена: Россия подлежала полному уничтожению. Сейчас мы переживаем наиболее острый момент, когда Запад идёт ва-банк. Дело в том, что, по расчётам западных аналитиков, к 2017 году США уже не смогут победить КНР в прямом военном столкновении. Поэтому в запасе у них всего лишь 2 года. Чтобы решить «китайскую проблему», Штаты сначала попытались решить «русскую проблему». События на Украине были идеальной провокацией для начала масштабного наката на Россию в надежде на то, что Россия отступит, как это и было на протяжении более двадцати лет.

Чем же виновата Россия? Тем, что XXI век знаменуется «главным призом». «Главный приз» XXI века — это север Евразии, то есть территория России. Неприкасаемым «золотым тельцом» для Запада является доллар, а Россия бросила ему вызов, предложив своим странам-партнёрам перейти к расчётам в национальных валютах. С потерей гегемонии доллара Америка неизбежно теряет свою мировую военно-политическую гегемонию. В этой ситуации наиболее уязвимым местом России, по расчётам аналитиков, была Украина.

И на первом этапе у них там всё получалось довольно складно. «Крымнаш» они посчитали досадным недоразумением

и думали, что через санкции нас дождут. Но возникла Новороссия, возник Донбасс — и тут русские упёрлись. Да так, что, не воюя напрямую на территории Донбасса, нанесли поражение регулярной армии государства Украина. В этой ситуации нас попытались взять на испуг. Но мы не отступили. И выяснилось, что русская сухопутная армия является в данный момент, пожалуй, самой сильной сухопутной армией в мире. Армия США разбросана на более чем 750 базах по всему миру. То есть, чтобы создать массированный армейский кулак и перебросить его в предполагаемый театр военных действий: в Европу или на Украину, — требуется от полугода до года. За это время русская армия при необходимости может дойти до Ла-Манша.

И тут извечные страхи европейцев о глобальной европейской войне, «большой войне» сыграли на руку России. И Олланд, и Меркель осознали, что театром военных действий может стать Европа, могут стать их страны. А в этой ситуации у них шансы на победу минимальны. Поэтому и состоялись минские переговоры.

Некоторые оправдывают разгром Советского Союза тем, что якобы все от него устали. Но я хочу напомнить, что и в 2011–2012 годах некоторые тоже устали от своего государства, в связи с чем и вышли на «болотные» протесты. Только у этой «усталости» были конкретные имена, фамилии и отчества. На Болотной площади эту «усталость» звали Ксения Собчак, Гарри Каспаров, Борис Немцов. В 1991 году эту «усталость» звали Александр Яковлев, Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Анатолий Собчак. Не думаю, что нам надо уставать от своей страны. Да, мы нация рывка: у нас рывок, потом усталость. Но всё-таки давайте дорожить своей страной.

Владимир КУРЫЛЕВ,
доктор философских наук, член Центрального совета движения «Россия Православная»:

— Обострение отношений с Западом происходит одновременно с гражданской войной на территории братской нам Украины. Согласно теории перерастания локальных войн в мировую, всё может начаться с незаконной борьбы за власть, захвата этой власти именно преступным путём, что в дальнейшем вызывает провокацию, и народ начинает воювать, то есть возникает гражданская война. Видя, что происходит на Украине, надо готовиться к худшему. Проблема в том, что нас становится с каждым годом всё меньше, врагов у нас всё больше, и они всё ближе к нашей границе. А какие мы можем мобилизовать резервы, чтобы отразить нападение врага?

Враг России Наполеон два века назад говорил: «Успех в любом сражении, независимо от масштаба боевых действий, на три четверти зависит от силы духа воинов, проливающих кровь на поле брани, и только на одну четверть — от количества личного состава, боевой техники и вооружения».

Но как определить, какой дух крепче? Члены Центрального совета движения «Россия Православная» нашли подход. Это духовно-нравственные исторические традиции русской армии, которые способствовали тому, что наши воины были непобедимыми.

Мы взяли для исследования положительный опыт истории: выявляли полководцев, которые провели большое количество сражений и ни одного не проиграли. На следующем этапе выявляли их личностные качества как воина, личностные качества как полководца. Главным был последний этап исследования — выработка

форм и методов воспитательной работы. Воспитать такого воина, который умирает, но не сдаётся, — главная задача любой армии.

Приведу цифры: большие сражения такие полководцы, как Ушаков, Скобелев, Суворов, проводили тогда, когда у противника было преимущество по всем показателям в 3, в 4 и в большее количество раз. И на одного убитого русского воина приходилось 10, 15, а то и 20 поверженных противников. А в Итальянскую кампанию, которую провёл Александр Васильевич Суворов, соотношение потерь достигло 1:75. Тогда наши полководцы ставили на первое место духовно-нравственное воспитание воина.

И вот за три-четыре года нашей совместной работы с Софринской бригадой оперативного назначения потери у них уменьшились в 5–6 раз. В русской армии бок о бок сражались, одерживая победы, мусульмане, протестанты, католики и православные. Это и есть воплощённая идея евразийства.

Юрий ТАВРОВСКИЙ,
*востоковед, профессор
Российского университета
дружбы народов:*

— На сегодня существуют два евразийства и две холодные войны. Китай осуществляет колоссальный евразийский проект под названием «Экономическая зона Великого шёлкового пути», который начинается в Китае и должен закончиться то ли в Германии, то ли даже до Англии дотянуться. Он может растягиваться, поглощая, скажем, всю Западную Европу. Это колоссальный комплекс инфраструктурных проектов: газо- и нефтетранспортных, промышленных, аграрных.

У России свой евразийский проект — Евразийский экономический союз. Но китайский проект, наверное, будет помасштабнее. Его провозгласил китай-

ский руководитель Си Цзиньпин в 2013 году. И поначалу это было похоже на китайскую живопись гохуа: когда берется кисть с тушью, и на белом фоне одним росчерком пишется красивый большой иероглиф. На нём ничего больше нет, а все говорят: «Вот это да! Это иероглиф Путь или иероглиф Будды...»

Но вот уже какие-то детали стали появляться. Стало понятно, что данный проект — не просто слова. Си Цзиньпин лично взял его под контроль, потому что в Китае есть влиятельные силы, которые считают, что нужно поступать так, как говорил Дэн Сяопин: оставаться в тени, накапливать ресурсы и ждать удобного момента. Похоже, Си Цзиньпин считает, что момент наступил, силы накоплены, и пора в путь.

Есть точка зрения, что это — экспансионистский проект, что Китай хочет распространить свое влияние в первую очередь на сопредельные страны Центральной Азии, включая Казахстан. Дальше — Россия и Восточная Европа. Мне кажется, что это не наступление, а контрнаступление, это вынужденное решение, потому что Китай испытывает колоссальное давление со стороны Соединённых Штатов. Ведётся вторая холодная война. Мы думаем, что мы — единственные, кого давят: евроПРО, Украина, «пятая колонна» и т.д.

Но у китайцев, может быть, в несколько меньшей степени, но те же проблемы. Они отказались ревальвировать юань, то есть повысить курс юаня, после чего китайская экономика стала бы менее конкурентоспособной. Обама в начале своего первого президентства ездил в Пекин, чтобы поставить такое условие «глаза в глаза». Ему отказали, и после этого госпожа Клинтон, которая была в 2011 году госсекретарём, провозгласила стратегию «Поворота к Азии». Согласно этой

концепции 2/3 американских вооружённых сил должны быть стянуты к границам Китая. Поэтому им нужно было уходить из Афганистана, сокращать базы в других частях света... Были ратифицированы военные договоры с Японией, с Южной Кореей, появились базы в Австралии, корабли американской береговой охраны непрерывно крейсируют в Малаккском проливе, в Сингапуре. А Малаккский пролив — это «бутылочное горлышко», через которое идут все транспортные пути, соединяющие Китай с внешними рынками: от Индии до Ближнего Востока и Европы. 90% китайского экспорта и импорта проходит через Малаккский пролив. И если американцы занимают враждебную позицию в отношении Китая, то они в любой момент могут сжать горло китайской торговле, китайской экономике, а значит — китайцам нужно искать альтернативные пути.

Такой путь найден. Это концепция Шёлкового пути — такого канала для выхода китайских товаров на мировые рынки и получения сырья, который неподконтролен Америке. Потому что есть дружественные Китаю Россия, Казахстан и другие страны Центральной Азии. ШОС нужна, чтобы обеспечивать это дружелюбие.

Поэтому мы имеем два вполне конкретных евразийских проекта и две вполне конкретные холодные войны.

И так совпало, что на руководящие места в России и в Китае пришли два великих деятеля. Путин вернулся в Кремль, накануне своего возвращения опубликовав серию статей, одна из которых была евразийская — по внешней политике: был провозглашён курс разворота на Восток.

А в конце 2012 года председателем КНР стал Си Цзиньпин. Си Цзиньпин — особая личность, человек масштаба Мао Цзэдуна. И свой первый зарубежный вояж

он совершил в Москву. Это символ того, что он собирается делать в годы своего руководства.

Осознавая свои национальные интересы, наши страны будут продолжать сближаться. Так что у нас есть мощный союзник, у нас есть мощный тыл, и, с Божьей помощью, устоим, а может, ещё и победим в этих холодных войнах.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук,
исполнительный секретарь
Изборского клуба:

— Многие из нас считают, что истинной ценностью, которая объединяет евразийцев на территории России, является сама историческая Россия. Сам катехизис евразийства, который назывался «Европа и человечество», написанный Трубецким, фактически вырос как идея в условиях квазихолодной войны. Мы ведь, как цивилизация, не впервые столкнулись с этим явлением 70 лет назад. Квазихолодной войной, безусловно, было то, что мы переживали накануне Крымской войны в XIX веке. Во всяком случае, идеология Трубецкого, из которой родилось евразийство, идеология, которая называлась «Европа и человечество», эта его работа — не что иное, как моделирование сопротивления элит разных народов и государств глобализации. А холодная война есть не что иное, как форма жёсткого навязывания глобализации.

И евразийство даёт нам многие актуальные ответы. Во-первых, это чрезвычайно ценная для нас идея страны-наследницы — что нынешняя Россия является наследницей многих цивилизаций и культур: от Римской империи до империи Чингисхана, от Аркаима до Советского Союза. Кроме того, она даёт модель идеократии, которая ныне востребована. Сегодня звучали справедливые мысли о том, что в нашей истории, бывало, мы

уставали от засилья догматической идеологии. Но это не значит, что нужно впадать в противоположную крайность: лишь бы не было никакой идеологии или, по крайней мере, открытой идеологии. Евразийская идеократия в условиях новой холодной войны — это абсолютно необходимое требование времени.

Сама тема нашего круглого стола заставляет думать о евразийском пространстве, о нашем родном пространстве, о нашем «месторазвитии» как о некоей ценности, которую необходимо защищать. Потому что сегодня холодная война переходит в свои горячие очаги (мы это видим на примере Украины), но при развитии, при обострении холодной войны эти очаги будут умножаться. Где они ещё могут появиться? В Центральной Азии. А это очень больно может затронуть оренбургскую землю. Они могут появиться на Кавказе и в других прирубежных регионах России, всего нашего евразийского пространства.

Сегодня необходимо на государственном уровне и на уровне «мозговых центров» разработать подход, связанный с тем, чтобы не допускать появления очагов хаоса на наших рубежах, и, если это потребует, самим создавать такие очаги подальше от наших границ. Только связывая силы нашего противника пожаром в его собственном доме, мы сможем себя обезопасить. В таком деле, как холодная война, оборона всегда бесконечно дороже, чем нападение. Значит, надо нападать. Я считаю, что это одна из ключевых идей, связанных с темой данной дискуссии

Наша земля — это чаша, доставшаяся нам от Бога и от наших предков. И эту чашу, эту экологическую нишу, которую русский народ и братские ему народы Евразии сберегли для своих потомков, нам нельзя потерять.

Дмитрий КУЛАГИН:

— Дорогие друзья, коллеги! Считаю, нам удалось поговорить, как преодолеть имеющиеся

проблемы и сложности, как достойно ответить на вызовы, которые потрясают сейчас не только нашу страну, но и весь мир; как сохранить нашу самобытность и как оставаться одним из ведущих государств, цивилизаций, культур, экономик на земном шаре. На встрече с губернатором Юрием Александровичем Бергом была выдвинута идея создать подразделение Изборского клуба в Оренбургской области. Думаю, мы найдём материалы для строительства такого гнезда и от правительства области выделим программу, которая поможет это гнездо свить.

Александр ПРОХАНОВ:

— Оренбургская интеллигенция, оренбургское аналитическое сообщество, на мой взгляд, способны не только воспринять идеи, мысли, но и предложить свои взгляды и концепции. И надеюсь, что Оренбургское отделение Изборского клуба станет интеллектуальным очагом вашего удивительного края.

/ Александр АГЕЕВ /

Мистика и прагматика Победы

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕЛОМЫ — КАНУН ВОЙНЫ

К июню 1941 года мало кто в СССР сомневался, что война не за горами. Это знало или предчувствовало высшее руководство, военачальники, курсанты, население. Страна после Русско-японской, строго говоря, и не вылезала из сменяющих друг друга войн, революций, подготовки к ним и расхлёбывания последствий. Сначала Порт-Артур и Цусима, потом московское восстание и почти два года бунт за бунтом, террор, жёсткое подавление. Период 1907–1914 гг., с «революционным террором», включая убийства Столыпина, многих тысяч представителей власти и её оппонентов. Затем 1 августа 1914 г., февраль и октябрь 1917 г., Гражданская. Иностранная интервенция. Тиф и голод. Кронштадт. Тамбовское восстание. Яростная борьба в верхах, в том числе за то, чтобы вести или не вести курс на мировую революцию.

Одними разговорами, ясное дело, не ограничивалось. За решениями ВКП (б) и Коминтерна следовали действия, растрата сил и ресурсов страны, которую не всем было жалко. Речь шла о судьбе России, того пусть и немало, но все-таки обрубка от империи: быть ей топливом для разжигания мировой революции, жертвенным ресурсным резервуаром или попыбовать выстроить свою судьбу, свою субъектность. Это была битва очень больших сил. Они, в союзе и походя, ради и очень больших, и очень низменных целей не ограниченными ничем средствами «расказачили», «раскрестьянили», «расхристианили», «разбуржуазили» десятки миллионов послушного, но и вольнолюбивого населения. Но в начале 1920-х эти силы столкнулись между собой.

А за пределами России её, заплатившую миллионами жизней за спасение французских и английских союзников от поражения, ждал иск на 18,5 миллиарда золотых рублей. Выход из войны обнулил все ожидания выгод, вроде вожделенного контроля над проливами. Союзники отказались от своих обещаний, воспользовавшись русским форс-мажором. Страна-победитель стала страной-должником, страной-изгоем, страной-парией. Россию-победителя в дипломатическом и экономическом статусе сравнивали с проигравшей Германией. Иск превысил размер её годового дохода, без погашения долгов, включавших проценты и неустойки от национализированной собственности. Сегодня победа советской дипломатии на Генуэзской конференции в 1922 году,

прорвавшая блокаду страны, как-то выветрилась из исторической памяти потомков. Между тем тогда, в ответ на иск, Россия предъявила свои претензии, оценив ущерб от иностранной интервенции в 39 миллиардов рублей золотом. Урегулирование этой истории затянулось вплоть до конца XX века.

Однако для большинства уставшего народа НЭП все-таки стал передышкой. Очень большие силы в «верхах» продолжали, вплоть до 1928 года, жёстко сводить счёты между собой, дав утомлённому народу шанс чуть отдышаться и восстановить силы, родить детей, начать обустривать быт и привыкать к новым флагам, лозунгам, начальникам, словом, — ко всей злобе дня.

В 1929 г. начался новый перелом, названный «великим». Сталин, спустя десять лет, назвал его также и «второй гражданской войной». Коллективизация и индустриализация были процессами колоссального масштаба, вызвавшими новое, до самого основания потрясение основ народной жизни. Кто их пережил, перетерпел, перестрадал, тот потом уже мудрее относился к событиям Гражданской.

В 1931 г. началась и Вторая мировая война — сначала на Дальнем Востоке. Правда, до сих пор даже многие эрудированные люди считают, будто эта мировая началась 1 сентября 1939 года. И ошибаются. СССР пребывал в состоянии военного напряжения с 1922 года, то есть с момента своего образования. И до самой кончины в 1991-м.

1 декабря 1934 года, когда выстрел Николаева поставил точку в жизни Кирова, начинается новая волна напряжения внутри страны. Так продолжился армрестлинг больших сил, менявших маски, но не менявших ни своей сути, ни своих устремлений. Только в короткий интервал 1938–1940 годов мы можем усмотреть признаки новой жизни, проблески благополучия.

Но случился удивительный эффект в жизни страны. В надрыве, колоссальной ломке всего прежнего уклада жизни, с эксцессами и в «головокружении от успехов» страна построила в ходе индустриализации девять тысяч (!) новых заводов и фабрик, сотни новых городов, сеть дорог, новые вооружённые силы и военно-морской флот.

Сегодня это ещё более забытая страница истории, чем Генуя. Это реальное экономическое чудо поддерживалось всеобъемлющей воспитательной и пропагандистской работой: через кино, радио, новые учебники, кампании

борьбы с безграмотностью и беспризорностью и т. п. После репрессий в отношении Церкви, священнослужителей, принудительной отправки за границу пароходами и поездами нескольких сотен философов, писателей, инженеров, после процессов против Промпартии, Трудовой крестьянской партии, меньшевиков, бывших офицеров и других «врагов», на командных высотах в идеологической сфере, а главное — в сфере воспитания молодёжи утвердилась новая идеологическая линия.

Если те, кто был уже взрослым в 1917 году, помнили матрицы ценностей прошлого, то родившиеся в начале 1920-х всего этого не знали и готовы были воспринимать новые социальные истины вне их запутанной логики, интриг, всей предыстории. Все трудности и неувязки было принято списывать на пережитки, козни оставшихся врагов, на короткий срок строительства нового мира. А родители, в нужде, лишениях и бесконечных трудах воспитывавшие в это время детей, из любви к детям и из опасений за их безопасность уже научились помалкивать... Но каждый гражданин СССР видел — идёт не показная, а реальная гигантская стройка нового.

Когда детям 1923, 1924, 1925 годов рождения исполнилось 15–17 лет, они стали поколением, портрет которого так точно и пронзительно дал Борис Васильев в повести «Завтра была война». Именно это поколение принесёт стране Победу, почти полностью отдав себя

ей в жертву, вместе с теми, кто был постарше и моложе, а также с теми, кто остался жив, но стал неизбежно *другим* после войны. Там же, где происходит великое трагическое жертвоприношение, там возникает нечто космического масштаба, Богоподобное, сопоставимое с появлением великих религий. Это явление уловил ещё в августе 1914 года малоизвестный тогда писатель М. М. Пришвин: «Россия вздулась пузырь — вообще стала в войну, как пузырь, надувается и вот-вот лопнет..., если разобьют, то революция ужасающая... Последствием этой войны, быть может, явится какая-нибудь земная религия».

Великая Отечественная для явления «земной религии» была ещё более основательной причиной. Произошёл, однако, невероятный и, пожалуй, беспрецедентный симбиоз земного и небесного. Первая мировая ниспровергла главную религию страны. Великая Отечественная своим великим жертвоприношением переплавляла Веру и Победу, Голгофу и Воскресение.

ЧЕРНЫЙ РЕПРОДУКТОР: ЧЕТЫРЕ ОБРАЩЕНИЯ К НАРОДАМ

Никакая трагедия не уничтожает любовь: к близким, детям, к «родному пепелищу и отеческим гробам». И нравилась ли кому Советская власть, не нравилась ли, обижен ли кто на нее, ненавидит или вдохновлён социалистическими идеалами — всё это 22 июня

1941 года вмиг перестало иметь какое бы то ни было значение.

Черная демоническая огромная сила, заявлявшая, что Бог именно с нею, *Got mit uns*, поставила вопрос предельно обыденный: как поступит обычный, советский теперь человек, которого оторвали от родословия, от сохи, от станка и вышвырнули на фронт, на поле боя, в мир внезапной смерти под двухдольный счёт метронома: «За Родину! За Сталина!»?

А между этими долями в голове бегущего в атаку воина проносился вихрь его личных «за» и «вопреки». За двор у дома, за илистый берег реки, за бегущие волны степной травы, за шершавые руки постаревшей матери, за волнующее дыхание любимой, за искренние глаза детишек, за жизнь. И — вопреки — всему, что ломало эту жизнь в юности и зрелости солдат, призванных на фронт. *Вопреки* власти, перекроившей их традиционный мир и столь беспощадной к своим реальным и мнимым врагам. И за эту власть, ставшую неотъемлемым свойством Родины. Как заметит хромой поручик в довоенном стихотворении К. Симонова: «Нелепая любимая земля».

Война спрямила все объяснения, стёрла нюансы, все вопросы поставила ребром. Для понимания вдруг возникшей новой картины мира и ориентации в том, кто виноват, значение имел лишь один вопрос — кто первый напал. Ответ на него давал великую силу и энергию справедливости и правоты, критерий оценки патриотизма и предательства. Всё остальное «было» теперь стало несущественно.

Эта чёрная сила была страшнее всех страхов и горя, испытанных народом за 27 лет до 1941 года.

Второй в СССР после Сталина человек перечислял: Киев, Севастополь, Каунас... Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской стороны и со стороны Финляндии... Вся ответственность за это нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германское фашистское правительство...

Ранее в тот же день, когда немецкие бомбардировщики уже отутюжили заданные цели на территории СССР и на границе полным ходом шли бои, в большинстве своём крайне неудачные для советской стороны, Геббельс по Великогерманскому радио зачитал обращение Гитлера к немецкому народу и национал-социалистам.

Советскому обществу, естественно, это обращение не транслировали, но весь мир

ждал гитлеровской интерпретации событий, а на столе у Сталина оно было буквально через несколько минут.

Лишь сейчас, спустя три поколения, можно задаваться вопросами о комплексе причин и мотивировок войны.

Как свою агрессию обосновывал враг?

В стиле Гитлера, склонного к обильным разглагольствованиям, обращение давало его трактовку причин нападения и было призвано задать оценки и оснастить фактурой мотивы поведения и армии, и дипломатии, и немецкого общества, и населения оккупированных стран. В обращении было примерно 8 страниц убористого текста, и на его прочтение Геббельс потратил около 20 минут.

Гитлер устами Геббельса начал с обвинения Англии, объявившей Германии войну 3 сентября 1939 года, умолчав, что 1 сентября, после собственной же провокации в Глейвице, Германия первой напала на Польшу. Суть претензии сводилась к тому, что Англия помешала консолидации Европы в борьбе против СССР, «самой сильной в данное время державы континента». Эта политика Англии, по Гитлеру, традиционна и восходит к подавлению Испании, Голландии, Франции. Оттоптавшись на тезисе про во всём виноватую Англию, Гитлер нарисовал картину поверженной в 1918 году Германии, нищеты и нужды, позорного неуважения к народу, вспомнив попутно Клемансо с его словами о 20 миллионах лишних людей в Германии, которых «нужно устранить с помощью голода, болезней или эмиграции». И вывел именно из этого состояния начало национал-социалистического движения «по объединению немецкого народа и возрождению Империи».

Был обрисован и состав противников — «эгоистической всемирной коалиции богатства и власти», и состав союзников из числа народов, «которым тоже не повезло» и которым «даже формально запрещалось право... на свою долю в богатствах этого мира».

В этой картине мира требовалось объяснить и по поводу отношений с «самой сильной державой Востока». Объяснение адресовалось не только немецкому народу, но и особо — национал-социалистам. У партийной и эсэсовской элиты были свои упреки к вождю за известное сближение с СССР. Гитлер объяснил мотивы пакта о ненападении от 23 августа и пакта о дружбе от 28 сентября 1939 года стремлением противостоять британской «политике окружения» и тем, что хотел

«длительного баланса интересов с этим государством», СССР.

Так клещи гитлеровской аргументации сомкнулись: у коварной Англии и наглой Советской России совпали цели — взять в свои руки «важную основу экономической жизни не только Германии, но и всей Европы». Имелись в виду союз с Грецией для англичан и Румыния как мишень для СССР. Румыния действительно была нефтяной базой для рейха, а Греция — ключевым форпостом на выходах в Средиземное море и на Ближний Восток.

Концепция агрессии, таким образом, была выстроена как в сказке о волке и Красной Шапочке. Гитлер в роли последней смущённо помалкивал, пока грозный волк в тайном сговоре с издревле коварными англичанами не только готовил «окружение», но и ненасытно захватывал всё новые и новые куски территорий вокруг Германии под мнимыми предложениями.

Вот и всё. Вся аргументация нападения исчерпывается сказанным!

Чуть раньше это обращение в формате приказа было оглашено солдатам Восточного фронта. Оно, в отличие от публичной версии, заканчивалось словами: «Немецкие солдаты! Вы вступаете теперь в жестокую борьбу и на вас лежит тяжёлая ответственность, ибо судьба Европы, будущее Германского рейха, бытие нашего народа лежит отныне только в ваших руках. Да поможет вам в этой борьбе Господь Бог!»

Для полноты картины важно, что 22 июня сказал Черчилль. Он хорошо помнил заседание кабинета весь день 1 августа 1914 года, не знавшего, что предпринять, пока не пришло известие об объявлении Германией войны России. Не дожидаясь общего решения, морской министр тут же ушёл и отдал распоряжения о мобилизации флота.

Теперь уже премьер-министр, методично расставляя смысловые акценты, Черчилль заявил, что «Гитлер — это злобный монстр, ненасытный в своей жажде крови и грабежа. Не удовлетворившись тем, что вся Европа либо находится под его стопой, либо в страхе вынуждена униженно повиноваться, он хочет теперь продолжить бойню и опустошение на бескрайних пространствах России и Азии. Ужасная военная машина... не может простаивать, не говоря уже о том, чтобы просто заржаветь или распасться на детали. Она должна находиться в постоянном движении, перемалывая человеческие жизни и растапты-

вая жилища и человеческие права миллионов людей».

Далее Черчилль, не отрекаясь ни от одного слова, сказанного против коммунизма, продемонстрировал способность подняться выше старых обид: «Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времён... Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на всё это надвигается гнусная нацистская военная машина... Я вижу серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи... За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий».

Британский лидер заверил весь мир: «У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима... Мы будем сражаться с ним, пока с Божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига...»

Сталин достойно оценил фигуры речи Черчилля. Он знал его основательнее, чем тот мог даже предположить. При этом никаких иллюзий в отношении Черчилля Сталин не питал. Когда ему доложат в 1943 году, когда война будет в самом разгаре, о разработке по приказу Черчилля плана нападения на своего союзника, СССР, Сталин лишь усмехнётся, проговорив: «Сколько волка ни корми...» Но 22 июня 1941 года позиция Черчилля значила для Сталина и для СССР многое. Будь Британия повержена, заключи перемирие с Берлином или присоединись к нему, — такие расклады не сулили ничего хорошего.

Президент США Рузвельт выступил не сразу, а лишь спустя два дня.

Ещё в 1936 году в беседе с советским послом Рузвельт высказал свои предчувствия большой войны в Европе, в которой СССР и США станут союзниками и победят. А после этого перед ними встанет задача реконструирования мира на новой основе. В середине июня 1941 года США и Великобритания договорились помочь СССР в случае нападения на него Германией. Вероятность разгрома СССР американцы считали очень высокой. За несколько дней до на-

падения друзья американцев из германского посольства посоветовали им, по их примеру, отправить из Москвы домой жен. Женщин эвакуировали 21 июня. 22 июня в посольстве жгли бумаги. 23 июня большинство сотрудников были отправлены домой через Сибирь.

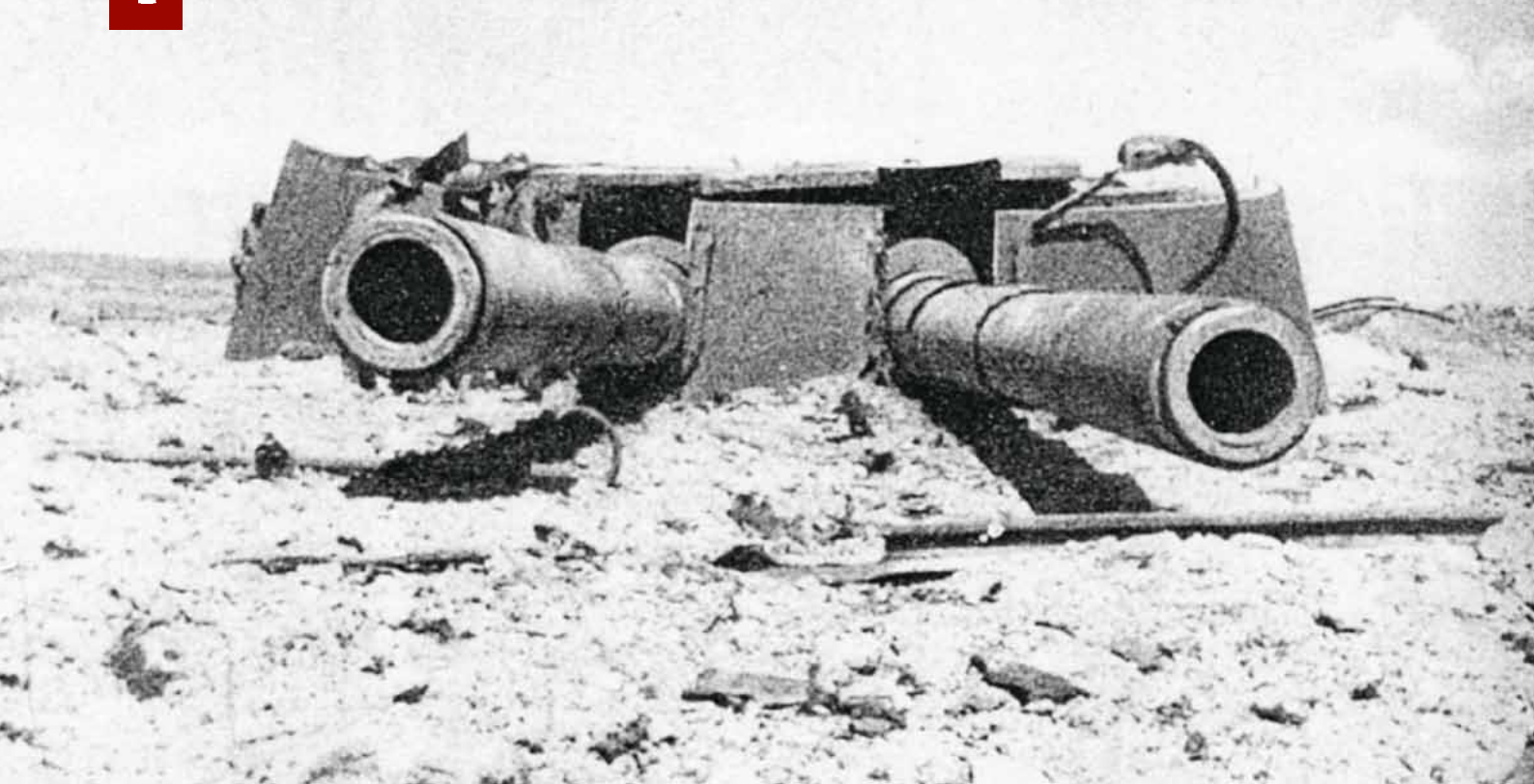
Ближайшие соратники Рузвельта, военный министр и министр ВМС, уверенные в быстром — за 1,5–3 месяца — поражении Москвы, советовали президенту помогать лишь Великобритании. Рузвельт думал, взвешивал. Выбор ему предстояло сделать между отношением к СССР как «временному попутчику» или как серьёзному стратегическому партнёру в войне и будущем мироустройстве.

3 июля к народу обратился Сталин: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..» Это говорил вождь партии, тиран, гений индустриализации и политической борьбы за власть. «Братья и сёстры!» — он обратился так, как обращались к своей пастве православные священники и друг к другу православные христиане. Тем самым Сталин показывал явно и на очень тонких подтекстах максимальную искренность сказанного далее.

Ведь надо было доказать, что война была непредсказуема и нежелательна, что понесённые в первые дни боевых действий потери предугадать было невозможно: «Война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск... Фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении,... не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей».

Однако Сталин не углублялся в геополитические хитросплетения и не оперировал пафосной фразой, переводя разговор с народом на уровень более личностный: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение...»

Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей

целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу».

А ведь именно с землей и хлебом, именно с порабощением и свободой народов всего лишь за 12 лет до 1941-го разыгралась внутренняя трагедия, унесшая и искалечившая миллионы жизней, по сути — новая гражданская война. Можно ли представить, что в сознании многих лишённых хлеба и земли шевельнулась мысль — отольются тебе теперь мои слёзоньки, товарищ Сталин? Сталин предельно ясно предлагает новую картину мира — «война коренным образом изменила положение». Онемечение и рабство — вот пароль и суть врага, суть начавшейся битвы. А обиды мирного времени во время военное — забыть.

«Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникёрам

и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей... Основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов, Красной армии, нашего Красного флота и всех народов Советского Союза».

Строго говоря, «великолепное качество большевика» целиком совпадало с русским боевым характером: и храбрость тут, и отвага, и готовность биться, и незнание страха... Но в эти понятийные нюансы никто во всей стране, наверное, не вдумывался. И слова эти говорились не столько для ума, они были нацелены в самое сердце всего советского народа и каждого советского гражданина. Всем вместе и каждому в отдельности предстояло совершить выбор, возможно, главный в этой жизни: за Родину. Возможно, нелепую, но безоговорочно — любимую.

Известно и абсолютно ясно было одно: эта война — Священная. Стало ясно, что уже погибло, пострадало и уже порабощено много людей, что жертвы будут продолжаться, что это надолго.

Эта война была навсегда.

И Победа, которую принесут неимоверные жертвы и сплочённость, тоже будет навсегда.

ПРАГМАТИКА АГРЕССИИ

Не только планы «Барбаросса» и «Ост» диктовали логику войны. В немецкой секретной «Директиве о борьбе с экономической мощью противника (экономической войне) и о мерах защиты отечественной экономики» определялись вполне прагматические мишени: «Задача сухопутных войск... — в расширении германского жизненного пространства путём захвата территорий противника, имеющих особое значение для отечественной экономики... Вышим войсковым штабам надлежит установить, какие экономические объекты и сооружения службы снабжения на территории противника следует сохранить для их последующего использования в собственных интересах».

Нападение Германии на СССР во многом диктовалось невозможностью её дальнейшего экономического развития на принципах сырьевой самодостаточности. Экономические потребности индустриальных гигантов и спрос силовых корпораций Германии указывали траектории её территориальной экспансии, военные планы были тщательно увязаны с заявками промышленности и деловых кругов на конкретные предприятия и месторождения.

Германии нужны были энергоресурсы, стратегические минералы, чернозёмы, удобные территории для продовольственного снабжения и расселения колонистов. Поражение СССР в этом ключе хоть и было стратегической целью, но отнюдь не самоцелью для Гитлера. За линией Архангельск—Астрахань даже по плану «Барбаросса» СССР мог существовать, пусть и в существенно ампутированном виде. Правда, реакция Японии, Турции и других ближних и дальних соседей на такой исход войны наверняка была бы не самой миролюбивой. О таком сценарии, между прочим, думал не только Гитлер, но и некоторые «неумные люди» в руководящих верхах СССР, о чём было открыто сказано в сталинском приказе «Ни шагу назад!» № 227 от 28 июля 1942 года.

У гитлеровской агрессии против СССР — точно так же, как у всей предвоенной экспансии Германии, — была фундаментальная экономическая подоплёка. Так, для удовлетворения своих нужд в мирное время Германия импортировала 5 млн тонн нефти из Венесуэлы, Мексики, Голландской Индии, США, России и Румынии. В военное время почти все поставщики выпадали. Нужды военного времени составляли порядка 12 млн тонн. Только захват румынских нефтяных скважин,

производивших 7 млн тонн в год, мог покрыть этот дефицит. Добровольно Румыния не готова была бы так переориентировать поставки нефти в пользу Германии. Кроме того, Гитлер был одержим ощущением угрозы советского захвата Плоешти.

Можно указать ещё два сюжета, повлиявших на нефтяное мировоззрение Гитлера. Первый был связан с едва не введённым нефтяным эмбарго против Италии из-за вторжения в Абиссинию. Второй связан с «освобождением» внутреннего нефтяного рынка Германии от господства «Стандарт ойл», «Шелл» и других иностранных фирм, среди которых оказалась и сеть бензоколонок, которой владели большевики. История закончилась резким прекращением советских поставок в 1936 году со ссылкой на «трудности с иностранными платежами».

Неустойчивость ресурсной базы целей экономического подъёма Германии требовала доступа к бакинской и грозненской нефти, углю Донбасса, марганцу, ртути и железной руде Днепропетровско-Криворожского бассейна, чернозёмам Украины, рабской рабочей силе, удобным для расселения ландшафтам и сакральным объектам в Крыму, Поволжье и на Кавказе.

Одним только захватом Чехословакии Германия получила военные предприятия и имущество 35 дивизий, что позволило, например, удвоить её парк тяжёлой артиллерии. Доля контрибуций с оккупированных стран в госбюджете Германии в 1940–1944 годах непрерывно росла, превысив четверть всех доходов.

Помимо энергоресурсов и минералов стратегическое значение имело продовольствие. Как заявил 20 июля 1941 года Розенберг, «немецкое народное питание в эти годы стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке... Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения».

В «зеленой папке» Геринга, директивах по руководству экономикой в июне 1941 года, говорилось: «Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель компании... Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путём приказов,

реквизиций и конфискации... Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука...»

Стоит подчеркнуть, что установление оккупационного режима происходило под контролем военно-экономических штабов, развёрнутых во всей военной структуре Германии.

Но это был ещё более мощный социальный интерес. Многие офицеры и солдаты вермахта в июне 1941-го думали: «Наконец-то Германия будет владычествовать над *untermenschen*; скоро получу весомый надел чернозёма на украинских землях, работников и работниц — рабов и рабынь».

В итоге за разными формами расширения сферы влияния Германии (аншлюс, оккупация, принуждение к союзу) легко просматривается сугубо экономическая логика — формирование необходимого спектра ресурсных запасов и поставок для укрепления экономической и военно-промышленной мощи, осуществления амбициозных технических и социально-экспериментальных программ.

СССР ни по одному виду добычи и производства (уголь, нефть, газ, марганец, железо и др.) в 1928 году, перед массовой индустриализацией, не превосходил даже уровня 1913 года. Но за три предвоенные пятилетки показатели минерально-сырьевой обеспеченности страны выросли в 5–10 раз.

Однако агрессор располагал к тому времени потенциалом всей Европы. В 1942 году союзники Германии обеспечивали ей 93% импорта нефти и нефтепродуктов, 70% бокситов, около половины свинца и цинка. Выплавляя в 1931 году лишь 21 тысячу тонн алюминия, основного металла для самолётостроения, в 1941 году Германия выплавляла в 15 раз больше. Масштаб награбленных запасов металлов, моторного топлива и т. п. в оккупированных странах превышал объёмы годового дохода самой Германии в два раза.

В целом увеличение потенциала Германии за четыре года после аншлюса Австрии составило по нефти и бокситам — более 20 раз, по железной руде — почти 8 раз, по чугуну и стали — более 2 раз. Почти в 4 раза больше стало у Германии людских ресурсов. В итоге к 22 июня 1941 г. Германия превосходила СССР по выплавке стали в 3 раза, по добыче угля — в 5 раз, по выработке электроэнергии — в 2,3 раза.

Всего же страны «Оси» контролировали на 1941 год треть всех ресурсов и населения Земли. Их цель — установление мирового господства — на этом фоне отнюдь не казалась

эфемерной. Не случайно в августе 1942 года, в самый трудный период Сталинградской битвы, и Лондон, и Вашингтон всерьёз рассматривали сценарии «краха русского фронта» с перспективой длительного доминирования держав «Оси» в мире. Поражение СССР означало для США и Англии утрату возможности разгромить Германию на длительный период.

Более того, в 1942 году нефти в СССР добыто меньше на треть, железной руды — меньше в два раза, стали выплавлено меньше вдвое, как и добыто угля. А ведь начавшаяся война была «войной моторов». С авиационным бензином положение было вообще критическим — его хватало только на четверть от нужд, а авиационных масел — лишь на 11%. Это оз-

начало почти полный контроль противником воздушного пространства.

Эти простые факты объясняют категорическую заинтересованность Сталина не только в открытии «второго фронта», но и поставках, прежде всего авиабензина, масел и ряда металлов союзниками, а также некоторых категорий военного имущества.

Ради этого Сталин готов был идти на уступки, даже разыгрывать спектакли, что «всё кончено». Молотов, перелетевший с риском для жизни в США в мае 1942 года для переговоров, рисовал мрачную картину сложившегося положения. Он прямо сказал Рузвельту:

— Мы не выдержим удара этим летом. Мы выдохлись в зимнем контрнаступлении.

Рузвельт поинтересовался конкретным состоянием линии фронта в случае неудачи русских. Молотов без обиняков ответил:

— Немцы займут Москву, Ростов и продвинутся к Баку.

И добавил:

— В итоге Гитлер будет опираться в своей экспансии на часть территории СССР, включая нефтяные районы.

Капитуляция СССР была абсолютно невыгодна ни США, ни Великобритании. Но в 1942 году максимум военной поддержки союзников исчерпывался теоретической возможностью десанта в 8–12 англо-американских дивизий, тогда как с Восточного фронта требовалось оттянуть как минимум 40 немец-

ких дивизий. Не было в достатке и тоннажа для ленд-лиза. Стоит отметить, что на переговорах с Молотовым в мае 1942 года Рузвельт сделал акцент на «приободрении» русских: обещал помощь в восстановлении экономики — «потом», то есть после войны, и предложил доктрину «четырёх полицейских» как основу будущего устройства мира. Имелось в виду создание объединённой вооружённой силы США, Англии, СССР, Китая — для предупреждения любой агрессии. По сути, это было бы повторением формата «Священного союза» в посленаполеоновской Европе. Сталин был готов пойти далеко в реализации идеи. Рузвельт, однако, вскоре отступился от нее.

В целом экономические причины и последствия Великой Отечественной войны Советского Союза как сердцевины Второй мировой войны до сих пор остаются предметом напряжённых исследований и неоднозначных толкований. Однако большинство из них так или иначе следуют оценке, данной в 1939 году на XVIII съезде ВКП (б) главой советского государства. Сталин заявил, что началась «новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии... Экономический

кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идёт уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идёт теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путём военных действий...»

Особое значение имели выгоды, за которые шла битва не только между союзниками и державами «Оси». А именно — право определять правила игры в послевоенной экономике, мировой торговле и валютных расчётах. Именно эти цели «держало в уме» американское руководство, шаг за шагом вытеснявшее Великобританию с позиции «мирового валютно-экономического гегемона».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Три колоссальной сложности и стоимости проекта требовали напряжения сил нашей страны не меньшего, чем и в военные годы: ядерный, ракетный и противовоздушный. А до натурного испытания советской бомбы в августе 1949 года ещё оставалось более четырёх лет. До сооружения вокруг Москвы зaslona зенитных комплексов (система «Беркут») и появления межконтинентальных ракет — 10 лет. До момента, когда шпионские полёты

американцев на больших высотах в советском небе перестанут быть безнаказанными, — более 15 лет. До официального объявления отставным премьером Черчиллем в присутствии действующего президента Трумэна холодной войны — меньше года.

Искушённый в геополитике более чем кто-либо из действующих лидеров стран мира, Сталин в момент, когда страна салютовала Победе, когда казалось, что настал долгожданный мир, знал, что всё теперь начинается сначала. На смену Третьему рейху приходит новый, более сильный, окрепший в войне геополитический соперник. И война эта только на словах будет холодной. В реальности остудить горячие головы и агрессивные планы возгордившихся союзников могла только военная мощь СССР.

Мало кто в стране-победителе разглядывал эти геополитические горизонты.

В массовом советском сознании американцы, англичане, французы были союзниками — и, значит, разделяли нашу радость общей Победы. А других врагов после рейха и Японии ведь не осталось. И, значит, народ заслуживал релаксации — мог по праву посмотреть вдоволь американские фильмы, не бояться сирен воздушной тревоги и подозрительности СМЕРШа. Ведь если народ поддержал правительство провальным летом 1941 года, поверил Сталину и советской власти, доверил им руководить, — значит, теперь они, Сталин и власть советская, могут отпустить вожжи, закрыть глаза на какие-то слабости народа, по крайней мере не сажать за минуты опозданий на работу, за неосторожные высказывания, за какую-нибудь ерунду.

Недолгий срок был отпущен этим заблуждениям.

Мало кто (кроме причастных к государственным тайнам) знал, что лучшие рабочие, инженеры, конструкторы, самые качественные материальные ресурсы в это время были брошены на форсированные работы по трём главным спецпроектам: атомной бомбе, ракетам, ПВО. От успеха в них зависело существование страны. Чтобы компенсировать превосходство США над СССР в ядерном вооружении и экономике, приходилось удерживать контроль над Восточной Европой. Туда направлялся хлеб, шла иная помощь. Там, прежде всего, разрабатывались урановые месторождения, критически необходимые для своей атомной бомбы. На Востоке разворачивалась китайская революция. Ей тоже оказывалась ощутимая материальная поддержка.

Говоря научным языком, норма накопления была равна или выше нормы потребления. Говоря газетно, страна, народ снова «затянули пояса». Победа ведь была не только выстраданной кульминацией Великой войны. Победа была *состоянием*, для сохранения которого требовались и требуются поныне непрерывные усилия, труд и подвиг.

В 1947 году могло казаться, что победа Советского Союза и повседневные хлопоты по восстановлению страны и поддержки союзников оттеснили на второй план бывшие непримиримые страсти Первой мировой, Революции и Гражданской, полностью изменили политическую и повседневную повестку дня руководства и народа. О героях тех времён вспоминали редко. Саднили раны последней войны, превзошедшие уже скрывшиеся в историческом тумане и забвении трагедии. Горе не сравнить, конечно, с другим горем. Но горе, щедро осыпавшее страну в Великой Отечественной, жертвоприношение в 27 миллионов человек и почти полностью выбитым из жизни поколением, в любом случае было ближе по времени.

В тот год изгнанник поневоле, есаул времен Гражданской, поэт, которого называли «Есениным от казачества», Николай Тuroверов выразил едва ли не главную и абсолютно мистическую правду о судьбе страны и её воинов. И правда эта не сводилась ни к политическому «расскачиванию», ни к выбору народом, правильному или ошибочному, *стороны* в каскаде битв за Веру и Волю. Правда эта была в запредельном, неземном пространстве — там, где всё решает Бог.

*Было их с урядником тринадцать —
Молодых безусых казаков.
Полк ушёл. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?*

*Стынут люди, кони тоже стынут,
Веет смертью из морских пучин...
Но шепнул Господь на ухо Сыну:
Что глядишь, Мой Милосердный Сын?*

*Сын тогда простёр над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И всё гуще, всё крупнее книзу
Закружился над развездом снег.*

*Ветер стих. Повеяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь развезд добрался конным строем
Без потери к райским берегам.*

/ Сергей БАТЧИКОВ /

О нашей Победе

Время вернуться к её урокам

*Эти чёрные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?*

А. Вертинский. «Песня о Сталине».

«Н икогда никакая армия в мире, кроме родной Красной армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумлённым взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия», — писал М.А. Шолохов о войне 1941–1945 гг., ставшей для нашего народа Великой Отечественной. В личном послании Сталину 23 февраля 1945 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль отметил: «Будущие поколения признают свой долг перед Красной армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед».

Спустя всего 70 лет после окончания самой кровопролитной и разрушительной войны в истории человечества, когда ещё живы участники тех страшных событий, мы являемся свидетелями попыток «будущих поколений» наших западных союзников переписать историю и результаты Второй мировой войны. Под сомнение всё чаще ставится сам факт победы СССР, на который пытаются возложить вину за развязывание Второй мировой войны, а между гитлеровским и сталинским режимами ставят знак равенства. Чем дальше в историю уходит Вторая мировая война, тем настойчивей в головы обывателей вбивается мысль о том, что войну выиграли наши западные союзники. Даже подходящая формулировка запущена в оборот — «демократические государства освободили Европу от нацизма». Цель Запада очевидна — отобрать Победу, являющуюся одной из главных духовных скреп нашего общества, навязать чувство вины и вычеркнуть Россию как правопреемницу СССР из рядов победителей. Против России начата и ведётся, по образному выражению А. Фурсова, самая настоящая психоисторическая война.

Этим же целям служат и попытки приуменьшить роль И. Сталина в победе над Третьим рейхом и разгроме нацизма, закрепить в сознании людей тезис, что войну выиграл героический народ, причём даже не благодаря, а вопреки плохому руководству страны. Противопоставление Сталина и народа началось со знаменитого доклада Н. Хрущёва XX съезду КПСС в феврале 1956 г. и было продолжено «прорабами перестройки». В последние годы на этом попрании активно трудится профессионал консциентальных войн (от латинского *conscientia* — «сознание») В. Познер, с подачи которого отделение «хорошего народа» от «плохого Сталина» стало общим местом в текстах всех идеологов информационных войн.

ПОБЕДА И СТАЛИН

В апрельской передаче «Времена» 2005 г. Познер получил отпор от генерала армии М.А. Гареева, резко ответившего ведущему, что «Разговоры о том, что победил народ, а не руководство, не полководцы, такие разговоры несерьёзны, несостоятельны, потому что ни один самый самоотверженный народ никакую победу не может одержать без руководства, без управления, без руля и ветрил».

Уместно вспомнить в этой связи работу «О войне» признанного теоретика военного дела Карла фон Клаузевица. В главе «Военный гений» он писал: «До тех пор, пока войска, исполненные мужеством, сражаются бодро и охотно, начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуются чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет идти само собой, как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнёт оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуется от начальника огромная сила воли. Под этим сопротивлением следует разуместь не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания при виде кровавых жертв; начальнику приходится бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчинённых, передающих ему посредственно или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; всё бремя инертности массы постепенно перекладывается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь поскольку он в состоянии это сделать, постольку он остаётся над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечёт его за собой, в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то бремя, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся».

В самые тяжёлые дни Великой Отечественной Сталину всё это удалось! Участники ноябрьского парада на Красной площади 1941 г, с которого войска уходили на защиту Москвы, вспоминают, что к зиме 1941 года в коллективном сознании русского народа появилась твёрдая уверенность в победе. С учётом обстановки на фронтах это было странное и трудно объяснимое чувство — враг подошёл к Москве, а подавляющее большинство даже мысли не допускало, что страна может проиграть войну. Идея овладела народом, и люди жили и боролись как единый организм. Письма солдат с фронта проникнуты любовью к Родине и желанием защитить своих близких и свой народ. «Всё время то здесь, то там рвутся фашистские мины, посвистывают их пули. Настроение у нас всех прекрасное. У меня нет и тени страха, беспокойства или неуверенности, а взамен всего этого есть только одно чувство — горячей любви к Родине, стремление во что бы то ни стало защитить её, защитить вас, мои дорогие, от этих гуннов XX века, отомстить им за все те несчастья и страдания, которые они причинили нашему народу...» — писал своим близким лейтенант-танкист Г. Ландау в 1942 г.

Министр иностранных дел фашистской Германии И. Риббентроп в своих мемуарах приводит слова Гитлера о роли Сталина в войне: «Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твёрдостью этого человека, нестигаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления».

Сам Сталин никогда не отделял себя от народа. Хорошо известен его тост «За здоровье русского народа», произнесённый 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии. «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить

разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»

Сегодня очевидно, что, вопреки стараниям познеров, сванидзе и иже с ними, «ветер истории», как и предсказывал сам Сталин, «развевал кучи мусора» с его могилы. В 1988 г., в разгар горбачёвской перестройки, социологические опросы показывали, что менее одного процента опрошенных полагало, что через 20–30 лет о Сталине будут вспоминать как о крупной фигуре советской эпохи. Но всего через двадцать лет, в 2008 г., когда по инициативе телеканала «Россия» был осуществлён проект «Имя Россия. Исторический выбор 2008», оказалось, что Сталин почти сразу же вышел в лидеры народного голосования и оставался на первом месте до тех пор, пока организаторы не подкорректировали результаты.

В хаосе дня сегодняшнего, когда один кризис сменяет другой, личность Сталина незримо присутствует среди нас. Одни его зовут, другие проклинают, третьи трясутся от страха, но одно несомненно — для большинства населения России он стал центром одной из систем координат. Пережив трагедию распада Советского Союза, мы задаём себе вопрос: чем определяет жизнеспособность страны и народа и почему мы выстояли в Великой Отечественной войне и проиграли войну холодную. КАК при Сталине удалось за 30 лет пройти путь от сохи до космических высот, преодолев послевоенную разруху, массовые болезни, безграмотность, беспризорность, одержать ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ и получить для страны статус сверхдержавы? И ЧТО не позволяет нам сегодня выбраться из матрёшки кризисов?

С течением времени становится всё ясней, что Сталину удалось наполнить жизнь народа великим смыслом созидания и устремлённого в будущее творческого труда, он начал выстраивать образ будущего, который объединил людей общим делом вселенского масштаба. Создать царство справедливости на земле — таким был уровень запросов. Сумев вызвать в душах людей резонанс единого порыва, он подчинил себе пространство и время, и это позволило преодолеть казавшиеся непреодолимыми препятствия. В результате против «нашествия Европы» во главе с Германией СССР смог выставить новый культурный и социальный тип, который оказался более

стойким и творческим, лучше обучающимся, чем личный состав фашизма. Воспитание советского человека того времени было большой программой, в ходе которой было изобретено и построено множество новых социальных форм (от комсомола и пионерской организации до шахматных кружков, ОСОАВИАХИМа и творческих союзов), раскрывших возможности этого человека. Фактически мы первыми начали работы по созданию условий коэволюции человеческого сознания и социальных форм организации жизни.

Разбуженная революцией энергия миллионов была направлена Сталиным на созидание. Его можно назвать конструктором или инженером будущего, поскольку он всегда ставил далёкие цели и потом подчинял все текущие решения масштабным стратегическим задачам. В феврале 1931 г. Сталин выступил на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Спустя десять лет пророчество Сталина сбылось, но поставленная им задача была в основном выполнена.

Разоблачители Сталина обвиняют его в необоснованных предвоенных репрессиях (многократно завышая их реальные масштабы) и в необоснованном перемещении целых народов. Обратимся в этой связи к дневникам Джозефа У. Девиса, работавшего в 1937–1938 гг. послом США в СССР. Вот что он написал в своём дневнике 7 июля 1941 г.: «Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские органы действовали повсюду, даже в Соединённых Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Гелена. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грелль) ... Однако ничего подобного в России мы не видим. «Где же русские пособники Гитлера?» — спрашивают меня часто. «Их расстреляли», — отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток».

Отметим, что борьбу с «пятой колонной» в годы войны вели абсолютно все страны. Так, в США после нападения Японии на Пёрл-Харбор Рузвельт приказал посадить в лагерь всех американских граждан с японской кровью. Для попадания в лагерь достаточно было и 1/8 японской крови. Всего в США были отправлены в лагерь до конца войны 112 тыс.

японцев. Во Франции в лагеря попадали все немцы без разбора, в том числе антинацисты.

Гитлер отзывался о Сталине как о единственном мировом политике, достойном уважения, и отмечал, что «по своим военным и политическим качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта». Как бы подтверждая слова Гитлера, У. Черчилль писал: «Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам». Как показало дальнейшее развитие событий, руки держали по швам, но за пазухой у союзников был камень, и не один...

ПОБЕДА И СОЮЗНИКИ

Один из руководителей советской разведки Л.В. Шебаршин как-то заметил, что «Западу нужно от России только одно — чтобы её не было вовсе». И это не преувеличение.

Вторая мировая война завершилась не только триумфальной победой советского народа, но и началом нового этапа противостояния русской цивилизации и объединённого Запада. Перед самым окончанием войны, в апреле-мае 1945 г., по приказу У. Черчилля был разработан план внезапного удара по СССР (операция «Немыслимое»). Согласно этому плану, 1 июля 1945 г. 47 английских и американских дивизий без объявления войны должны были нанести внезапный сокрушительный удар по советским войскам. Удар должны были поддержать 10–12 немецких дивизий, которых «союзники» держали нерасформированными в Шлезвиг-Гольштейне и в южной Дании, где их ежедневно готовили к войне против СССР британские инструкторы. Объединённые силы западной цивилизации против России должны были впоследствии поддержать также Польша и Венгрия. Война, которую (как и в плане «Барбаросса») планировалось закончить на рубеже Архангельск — Сталинград, должна была привести к полному разгрому и капитуляции СССР. Предотвратило начало Третьей мировой войны решение Сталина о штурме Берлина, продемонстрировавшее возросшую мощь советской армии.

В план «Немыслимое» вписывалась и попытка союзников украсть у нас День Победы, приняв 7 мая капитуляцию немцев в Реймсе. Она была детищем Черчилля и преемника Гитлера адмирала Дёница, который заявлял: «Мы прекратим войну перед Англией и США, которая потеряла смысл, но по-прежнему продолжим войну с Советским Союзом». В тексте капитуляции в Реймсе Советский Союз даже не упоминался! Документ о капитуляции в Реймсе был подписан союзниками и отправлен немцам раньше, чем его отправили в Москву. Сталину стоило огромных трудов вынудить Трумэна пойти на подтверждение капитуляции в Берлине, точнее — в Карлсруэ, 9 мая с участием СССР и союзников.

Сегодня известно также и о многочисленных планах США по нанесению ядерного удара по СССР, разработанных сразу же после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. В директиве Объединённого военного планирования от 14 декабря 1945 г. для атомной бомбардировки были намечены 20 городов и промышленных центров СССР, на которые предполагалось сбросить 196 атомных бомб (план «Клещи»).

Девятого мая 1945 г., наблюдая, как москвичи празднуют День Победы, советник американского посольства в Москве Кеннан

заметил: «Ликут... Они думают, что война кончилась. А настоящая война ещё только начинается».

Ещё в ходе войны Гитлер говорил, что сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба И. Сталина, поэтому он ставил задачу «раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина не появлялись».

После окончания Второй мировой войны реализацией этой задачи занялись наши союзники по антигитлеровской коалиции. Отказавшись от ведения горячей войны против бывшего союзника, объединённый Запад начал войну холодную — экономическую и информационно-психологическую.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Русско-православная цивилизация (какие бы формы она ни принимала в конкретных исторических условиях) по главным вопросам бытия всегда предлагала человечеству свою систему ценностей, рисовала отличный от доминирующего на Западе образ будущего и предлагала иные решения. Она стала не просто конкурентом Запада, но и его экзистенциальным, бытийным оппонентом. Если лицо Западной цивилизации определяют индивидуализм и культ мамоны, а мера счастья людей оценивается по материальному богатству, то русско-православная цивилизация воспринимает общество как единую семью, в которой объединение усилий, взаимоподдержка и взаимовыручка являются нравственным императивом. В русском языке в слове «счастье» корнем не случайно является «часть», подразумевающая, что для счастья необходимо ощущать себя частью своего народа, членом единой дружной семьи. Счастье для человека русско-православной цивилизации — это добрые отношения в этой семье, а не материальный успех, как на Западе. Брукингский институт, входящий в число ведущих американских аналитических центров, в одном из своих исследований отмечал, что российские семьи способны переживать невероятные трудности, даже такие, как в девяностые годы, благодаря неформальным механизмам взаимопомощи. И вот против этих природных инстинктов человеческой солидарности, против основ общества коллективистского типа Запад пошёл после окончания Великой Отечественной войны непримиримую борьбу.

Сталин считал необходимым воспитывать народ на ценностях русской цивилизации и вести жёсткую борьбу с западной идеологией и её носителями внутри страны. По его мнению, в русской философии, изучающей законы развития общества коллективистского типа, есть всё необходимое для отражения западных атак против русской цивилизации. Именно поэтому он инициировал издание полного собрания сочинений русских философов. Понимая, что в грядущих войнах объектом атаки будет духовное единство народа, Сталин принимал и другие меры по его укреплению — при его личном участии было восстановлено Патриаршество (в отличие от троцкистов, он хорошо понимал значение традиционных ценностей), были учреждены ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Хмельницкого; с помощью литературы, кинематографии, изобразительного искусства укреплялась связь времён и поколений.

После смерти Сталина Запад нашёл методы воздействия на Н. С. Хрущёва, который нарушил основные принципы развития коллективистского общества, совершил поворот к ценностям индивидуалистического общества и дал старт постепенному росту в СССР сторонников западного общества потребления. Борьба с репрессиями, многократно преувеличенными Хрущёвым, нанесла удар по советскому государству. В годы хрущёвской оттепели Запад приступил к работе по воссозданию в СССР «пятой колонны». Из диссидентов по идейным мотивам и просто падких на соблазны выращивались будущие «духовные лидеры», авторитет которых раздувался знаками гипертрофированного уважения. Теневыми методами их продвигали вверх внутри СССР. Так была сформирована бригада влиятельных лиц в высшем эшелоне правящей элиты на всех ключевых участках. Без этой группировки, которая контролировала СМИ и влияла на сознание интеллигенции, «успех» перестройки Горбачёва был бы невозможен.

С приходом к власти Горбачёва информационно-психологическая война против СССР усилилась. Идеологическая война на уничтожение советского государства велась против всех его систем: от армии и хозяйства до образования и здравоохранения. Мощным оружием разрушения страны стало внедрение системы потребностей, удовлетворяемых только через Запад, и «вербовка» элиты с её превращением в антинациональную силу, с помощью которой был произведён демонтаж исторической

памяти, причём на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигались антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства. «Перестройка» так и замышлялась — как стирание нашей исторической памяти, возвращение на «столбовую дорогу цивилизации». Дошло до того, что в интерпретации многих событий русской истории доминирующей стала американская точка зрения. Английский историк Кэтрин Меридейл даже написала, что «именно американская интерпретация будет доминировать в будущем образе российской истории. Это исключительно мирная экспроприация, лишаящая нацию собственной истории».

К 1991 г. советский народ был в значительной степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Вплоть до прихода к власти Путина российская правящая элита была де-факто «пятой колонной» и действовала не в национальных интересах, а как инструмент внешнего управления. Запад считал задачу практически выполненной и готовился к праздничным мероприятиям на обломках России. В 1997 г. Зб. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» написал, что из сверхдержавы Россия превратилась в региональную державу третьего мира и стала слишком слаба, чтобы выступать каким-либо партнёром Америки.

Путин остановил процесс внешнего управления и начал постепенно отстранять наиболее радикальных агентов влияния от власти. Настоящим шоком для Запада стала Мюнхенская речь Путина в 2007 г., в которой он заявил, что США не удалось выстроить мир под одного суверена, что эпоха однополярного мира закончилась и что Россия, всегда пользовавшаяся привилегией проводить независимую внешнюю политику, не собирается изменять этой традиции и сегодня. После Мюнхенской речи последовали операция по принуждению к миру Грузии, поддержка Сирии, создание Евразийского экономического союза и, наконец, переполнившее чашу терпения Запада присоединение Крыма.

Путин, отказавшийся быть марионеткой, должен быть уничтожен (отстранён от власти), Россия должна быть наказана (уничтожена?) — таков приговор гиперимперии, присвоившей себе функции мирового жандарма, судьи и палача и постоянно пытающейся легитимизировать свои насильственные действия

в глобальном масштабе. Вылупляющийся у нас на глазах глобальный Гитлер готов начать против русской цивилизации новую большую войну, собственно говоря, он её практически начал. В этих условиях у России только один выход — противопоставить мировому жандарму коллективную волю консолидированного народа. Сегодня у Путина есть беспрецедентный кредит доверия (причем не только в России, но и за её пределами), и на этой основе необходимо объединить нацию, зажечь людей общим делом.

Сказав «а» во внешней политике, президенту нужно произнести и всё остальное. Не может быть независимой внешней политики в условиях проводимого по западным рецептам макроэкономического курса и зависимости от западных поставок по широчайшему кругу стратегически значимых товарных позиций. Куда приводит экономику следование западным рецептам, мы хорошо знаем не только на примере латиноамериканских стран и некоторых ближайших соседей, но и по собственному недавнему опыту. Пока же у руля макроэкономической политики продолжает находиться, по выражению находящегося под американскими санкциями А. Дугина, «шестая колонна» — те, кто, поддерживая Путина на словах, на деле его всячески сдерживают, блокируя все попытки создания самостоятельной экономики, выступают за Россию либеральную и прозападную, за глобализацию и интеграцию в западный мир, за то, чтобы Россия стала государством-корпорацией, в которой правила и законы устанавливает глобальный Запад, разжигающий войну против русской цивилизации. Не отстранив «шестую колонну» от рычагов политической и экономической власти, наша страна не сможет совершить прорыв в своём развитии.

Для консолидации нации необходимо «национализировать» нашу историю и прекратить распространение выполненных за иностранные гранты работ, порочащих наше прошлое. Мы должны защитить нашу Победу в Великой Отечественной войне от потоков лжи, распространяемых бывшими союзниками, и больше говорить о той двуличной политике, которую они проводили, находясь с нами в антигитлеровской коалиции. Пока живы участники Великой Отечественной войны, их дети и внуки, выросшие на рассказах участников войны, потоки лжи вынужденно дозируются. Мы должны не допустить, чтобы правнуки тех, кто воевал, выросли с искажёнными пред-

ставлениями о войне. Воспитать в них чувство гордости за Великую Победу — долг нынешних поколений.

И наконец, надо окончательно развезть весь мусор с могилы Сталина. За годы его руководства в стране были построены тысячи заводов и фабрик, сотни новых городов, созданы непобедимые Армия и Флот, вооружённые самым современным оружием. Он ликвидировал неграмотность и безработицу, дал трудящимся веру в социальную справедливость и завтрашний день.

Опыт деятельности Сталина — это опыт создания новой, альтернативной Западу цивилизации, опыт великих свершений в условиях международной изоляции и постоянной военной угрозы, опыт создания сверхдержавы, опыт Великой Победы. То, что сумел сделать Сталин, не удавалось за такой исторически

короткий срок ни одному мировому лидеру! Дискредитация этого опыта преступна по отношению к настоящему и будущему нашего народа. Запад зоологически ненавидит Сталина ещё с тех пор, когда его лидеры «почему-то держали руки по швам» при его появлении в годы войны. Эта ненависть, однако, не мешает западным странам досконально изучать причины сталинских побед и использовать полученные знания. Архитекторы японского экономического чуда говорят, что по сей день многие крупные японские компании пользуются лозунгами сталинской поры. Гордость за свою историю — необходимые условия для сборки нового типа русского человека, сходного по стойкости и творческой силе с советским человеком эпохи Сталина. И нужно решить эту задачу в короткий срок или, как говорил Сталин, «нас сомнут».

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Проект Сталина: народ-победитель

*Об истоках
мобилизационной стратегии*

«КТО МЫ? И ГДЕ МЫ?»

Народ — совокупность людей, которые осознают свою общую судьбу и которые осознанно хотят оставаться хозяевами этой своей судьбы. Они вместе готовятся к неизвестному завтра: то ли в весенних цветах и запахах, то ли в болотных, сумеречных туманах, то ли в чёрных, нескончаемых штормах, то ли в безмятежности иллюзорного счастья.

Народ — это когда большая часть людей ощущает свою кровную ответственность за это завтра. И не только перед своими детьми и внуками. Но и перед совместным прошлым. Перед своими ушедшими предками.

Ответственность за будущее и ответственность за прошлое. Вот что важно, прежде всего. Только тогда появляется ответственность за сегодняшний день.

Если есть такая ответственность — есть Народ. Нет ответственности — то и соответствующего народа нет. А есть просто некая биомасса.

Народ изначально — не биомасса. А когда он превращается в биомассу, то это уже не народ.

Сталин создал культ «великого народа». Сталина уже давно нет, великого советского народа тоже нет, а незримый культ остался.

...Всё, что рождается, то обязательно умирает. Рано или поздно. Рождение и детство, юность и зрелость, старость и смерть. Это незыблемый закон.

Народы — не исключение.

Если средняя продолжительность жизни среднестатистического человека — 70–75 лет, то средняя продолжительность жизни народа — 350–400 лет. А потом очень многое меняется: язык, базовые архетипы и ценности, модель ответственности, тип доминирующей в социуме личности...

Вроде бы тот же самый народ, но нет — всё уже другое...

Обычно первая стадия народа — героический период. «Жизнь или смерть». Другого варианта в постоянных боях за выживание просто нет. «Народ-орда» — это когда общая судьба или общая смерть. «Орда — это вооружённый народ-государство», то есть органическое единство народа-государства. Нет противопоставления между высшими и низшими. Нет отчуждения между вождями и рядовыми. Всё определяется личными качествами: мужеством, умом, волей, неординарным опытом. Каждый может стать вождём и найти своё место среди лучших. Если он герой. Но вожди и наилучшие гибнут чаще, чем остальные. Ибо это орда. А орда, в конечном счёте, — это справедливость смерти.

Позднее, в официозных исторических хрониках, период «народ-орда» либо стирается вовсе, либо полностью извращается.

Вторая стадия — «народ-государство». С одной стороны, высочайшее самосознание ответственности большинства за свою общую судьбу. Здесь народ не назовёшь толпой. С другой стороны, уже появляется противопоставление оформляющейся элиты, вождей. Наилучшие, опираясь на народ, сдерживают многочисленных тщеславных кандидатов в вожди и тираны. Хотя социальное отчуждение только намечается, народ (не толпа) так или иначе в значительной степени по-своему и достаточно эффективно контролирует государственные институты. В обществе по-прежнему доминирует ощущение общей судьбы.

Третий период — «государство-народ». Или «народ-толпа». Формально и официально — самый длительный период жизни народа. Народ уже не контролирует государство и не может это делать. «Государство — это я». То есть король, царь, хан, президент, генсек. «Государство — это организованное насилие». Окончательно оформляется парадоксальный конфликтный треугольник: т.н. вожди — т.н. элита — народ-толпа. Именно здесь корень неизбежности дальнейшего системного кризиса. Но в любом случае большинство обречено на исторический проигрыш.

Качества элиты, её гомогенность, её способность сохранить ответственность за народ играют решающую роль. Но ответственность за режим вытесняет ответственность и за народ, и за государство. Далее следует неизбежная деградация элиты, превращение её в квазиэлиту неминуемо приводит и к скорой деградации и режима, и государства. При этом абсолютное большинство народа постепенно, незаметно скатывается в скотское, рабское положение, постепенно теряя свои изначальные качества.

Наконец, последний, четвёртый период: системный кризис открыто выступает на историческую сцену, превращаясь в решающий фактор то ли окончательной деградации, то ли неожиданного скачка — через революцию — вверх, в Неизвестность. Главный принцип: «или-или».

Исчезают окончательно остатки реального элитарного мышления и элитарного сознания. Власть переходит к антиэлитам, которые стремятся только к «личному обогащению». Мелкобуржуазность, всеохватывающий партикуляризм воцаряются в общественном сознании. Происходит всеобщая нравственная деградация: «можно всё, лишь бы не попасться». Тотальная деградация государства проявляется, прежде всего, в беспрецедентных формах коррупции

и воровства. Население окончательно и бесповоротно превращается в народ-быдло.

...Это не линейный и не заранее предопределённый процесс. В течение четырёхсот лет появляются исторические шансы. Некоторые — например, китайцы, римляне и византийцы, — ими воспользовались. Другие — нет. В основном из-за низкосортности вождей.

НИКОЛАЙ II И СТАЛИН

К концу 1916 года в Российской империи резко обострился и забурился весь копившийся уже долго сложнейший клубок противоречий: социально-экономических, классовых, политических, идеологических, этнонациональных, внутрирегиональных.

Общенациональный системный кризис неуклонно и драматически приближался к своей финальной фазе.

Ещё вчера, казалось бы, гордый имперский народ неожиданно скукожился, а потом парадоксальным образом куда-то взял и выветрился. Как писал В. Розанов в «Апокалипсисе нашего времени»: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была — эпоха, «два или три века». Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего».

С. Трубецкой приводит поразительный пример. Осенью 1916 года резко усилилось дезертирство из армии. Немногочисленные представители патриотической интеллигенции приходили на вокзалы и, пытаясь как-то воздействовать на толпы прибывающих дезертиров, взывали: «Вы же русские!», «Вы должны защитить русский народ!», «Русский народ надеется на вас!».

А вот типичные ответы, которые приходилось тогда выслушивать этим интеллигентам-идеалистам: «Я не русский, а саратовский!», «Я не русский, а казак!», «Я не русский, а вятчич!», «Ты — русский? Вот и иди на фронт, кормить вшей!».

Всего несколько лет открытого системного кризиса, вкупе с войной, привели к победе регионального, провинциального самосознания над имперским духом, самоощущением большого народа. И это была не сиюминутная эмоциональность, а страшная, глубинная, всё более разворачивающаяся в пространстве и во времени социальная тенденция. В 1919 году, в самый тяжё-

лый год Гражданской войны, страна фактически раскололась на 120 частей.

Вообще надо сказать, что гражданская война — наилучшее средство вытравливания осознания национальной и государственной идентичности.

В 20-е годы, на фоне последствий страшной Гражданской войны, массового голода 1921–1922 годов, резких колебаний во внутренней политике, деградация и фрагментация социума продолжалась. Улетучиванию правового сознания, резкому ослаблению нравственности, отчуждению социума от какого-то непонятного коммунистического государства способствовали многочисленные ультралевые эксперименты в культурной, образовательной и социальной сферах. Ожесточённая внутривнутриполитическая борьба приводила к тому, что ещё вчерашние революционные кумиры, представители «ленинской гвардии» вдруг в одночасье превращались во «врагов партии».

В 1921 году, в условиях действительного экономического одичания, в Советской России была провозглашена «новая экономическая политика». Буквально за несколько лет в стране возродился класс, с которым, казалось, беспощадно боролись на протяжении всей Гражданской войны и который, казалось, был уже уничтожен.

И он не только быстро возродился, но и вновь быстро разбогател, особенно при поддержке соответствующих партийных и силовых кураторов. «Крыша», она и тогда была «крышей». В октябре 1923 года Дзержинский в своём письме к Сталину выделяет основные методы воздействия нэпманов на высокопоставленных представителей советской власти: «подкуп и развращение». Хотя понятно, что подкупить и развратить можно только того, кто хочет быть подкупленным и развращённым. Так стала формироваться коммунистическая коррупционная система.

Напряжение в стране росло, и массовая коммунистическая болтовня только усугубляла ситуацию.

Когда появилась непосредственная угроза перерождения революции, НЭП был отменён. И вот тут появляется очень интересный, вплоть до нашего времени, вопрос: а куда же подевались эти пять или шесть миллионов «нэпманов»? Неужели они стройными рядами пошли на стройки и на заводы? Конечно нет. Или их репрессировали, у них отняли спекулятивно нажитый капитал? Нет, таких оказалось всего лишь несколько десятков тысяч по всей стране.

Так вот, очень многие из этих нэпманов, которые прекрасно знали правило, что надо «делиться», оказались либо в партийных и советских органах, либо в структурах, близких к таким

органам. Короче, ближе к своим негласным коммунистическим кураторам по коррупционной системе. Между прочим, как раз в конце 20-х — начале 30-х годов вывоз коммунистическими бонзами за границу золота, драгоценных камней, произведений искусства и других ценностей достиг своего пика.

Летом 1928 года в основных промышленных центрах Советского Союза вспыхнул острый продовольственный кризис. Несмотря на хорошие урожаи последних лет, в крупные города медленно вползало ещё не забытое отчаяние массового голода. Генеральный секретарь ВКП (б) И. В. Сталин поехал в многомесячную поездку по стране, чтобы убедить крестьян продавать хлеб для голодающих рабочих.

В Красноярском крае высокопоставленная делегация из Москвы направилась на юг, в сторону Шушенского, в одно из наиболее зажиточных и многочисленных сёл. Сталин сам выступил на импровизированном митинге. Он говорил о пухнувших в городах от голода детях, об их родителях, которые за станками теряли сознание, говорил о том, что стране нужен хлеб, чтобы выжить... От имени высшей государственной власти он просил хлеба.

Сотни крепких сельчан, собравшихся послушать «нового красного царя», шумно лужгали семечки и открыто посмеивались над странной,

негромкой, с сильным акцентом речью невысокого грузина. Когда Сталин закончил говорить, один из местных богатых и авторитетных мужиков, сплюнув шелуху от подсолнечника под ноги генсеку, громко сказал: «Вот лично тебе, рябой, я пшеничку дам. Целых четыре мешка. А? Ты вот только того, спляши здесь сейчас...»

...Если бы в 1898 году в это же село приехал Николай II, эти крестьяне или их родители на коленях встречали бы царя и не осмелились бы поднять голову.

...Историки говорят о действительном, глубинном противоречии, существующем в душе русского человека. С одной стороны, он обладает сильным государственным инстинктом. В условиях Великорусской равнины ни семейные, ни родовые, ни племенные связи не могли дать безусловных гарантий безопасности человеческой жизни. Только мощное государство может стать таким гарантом.

Но, с другой стороны, русский человек одновременно есть анархист и революционер. Когда он постоянно сталкивается с «мерзостями каждодневной жизни», с конкретными оскорблениями и унижениями со стороны представителей власти, с ужасающим воровством, аморальностью «государевых слуг», коррупцией, беззаконием, он может стать — и часто становится — бунтовщиком, врагом «мерзопакостного» государства.

КАК ИЗ НАСЕЛЕНИЯ СДЕЛАТЬ ВЕЛИКИЙ АВАНГАРД ИСТОРИИ?

Если честно, то к началу 30-х годов народа в стране как такового не было. Ну ладно, если же он как социально-политическая общность все же и существовал, то в лучшем случае это было весьма жалкое, убогое зрелище. Определения «великий», «героический», «авангард исторического процесса» и т.д. в отношении советского народа сформулировал именно Сталин. В нескончаемых внутрипартийных дискуссиях 20-х годов такого пафоса в отношении народа практически не было. Да и в истории Российской империи образ «народа-героя» никогда не использовался. Великими были государи, сама российская монархия, династия, империя, но никак не подданные, которых с трудом можно было представить в виде некоего совокупного, единого народа.

Соответствует ли нынешний российский народ сталинским критериям «великого», «героического»? Можно ли его назвать «авангардом

исторического процесса»? Мог бы нынешний российский социум выиграть войну у фашистской Германии?.. Это к вопросу о роли личности в истории.

Но ведь именно «народ» в рамках марксистско-ленинской теории является главным историческим субъектом. Однако Сталин понимает, что реального народа нет.

Что он тогда делает в этом отношении, после того как все основные рычаги власти к середине 1929 года оказываются у него в руках и он публично, на пленуме ЦК, заявляет о неизбежности приближающейся войны и о категорической необходимости выработки и реализации мобилизационной стратегии?

Во-первых, Сталин, как истинный марксист и ленинец, начинает и политически, и пропагандистски, и идеологически, и организационно создавать «культ народа». В той исторической ситуации это имело первостепенную важность. Нужна была новая опорная точка для качественно новой самоидентификации и консолидации разобщённого, расколотого социума. Начинает

создаваться особое поле гравитации: само понятие «великий народ» приобретает исторический, магический аромат. «Мой личностный смысл жизни вдруг проясняется, когда я становлюсь частью великого народа».

Причём Сталин как большевик в данном случае под народом имел в виду, прежде всего, не этнонациональный компонент, а социально-политический феномен, политическую нацию нового типа.

Во-вторых, если советский народ является «авангардом исторического процесса», то, соответственно, он должен реализовывать кардинально новый цивилизационный проект — построение, созидание принципиально нового типа общества и государства как примера для всего остального человечества. Это и есть грандиозное, великое «общее дело». То есть не просто тупая, многословная пропаганда по поводу некоего великого народа, а «общее дело», через реальность которого, через огромный труд, через то, что может увидеть, пощупать руками каждый, создаётся общее, единое целое.

В-третьих, такое авангардное созидание социализма возможно только как совместное творчество и сотворчество миллионов и десятков миллионов советских людей. И именно через это каждодневное сотворчество в «общем деле» миллионы людей постепенно и осознанно превращались в новую социально-политическую общность — советский народ.

Вот это уже очень важный и политический, и методологический момент. Троцкий, будучи в эмиграции, многократно обвинял Сталина в том, что тот реализует курс на построение бюрократического социализма. Однако социализм для Сталина как идеологический идеал и практическая политическая цель отнюдь не являлся бюрократической игрой, чиновничьей показухой, бюрократической скукой, что произошло гораздо позднее, в 60-е и 70-е годы. Социализм являлся для него прежде всего каждодневным совместным творческим трудом абсолютного большинства советского народа. Причём таким трудом, в котором можно было найти и реализовать общенациональный, коллективный и личностный смысл жизни.

В-четвёртых, народ — это не статистический факт, а дух ответственности, именно как живое, жизненное состояние. Поэтому необходимо было в рамках реализации нового цивилизационного проекта сформировать новую систему взаимной ответственности, которая могла бы преодолеть групповой, коллективный, ведомственный, личностный партикуляризм.

Начиная с 1922 года, когда Сталин стал генеральным секретарем компартии, он целенаправленно, опираясь на свою стратегическую разведку, стремился превратить партию в «орден меченосцев». Нужен был ключевой политико-организационный инструмент для преодоления тотальной общенациональной безответственности. Причём инструмент, укрепляющий сознательность, осознанность среди в основном неграмотного или малограмотного населения страны. Поэтому «орден меченосцев» должен был, прежде всего, действовать, демонстрируя массовый пример: «Делай, как я, делай, как мы!» В этой стратегии Сталин опирался и на практический, дореволюционный опыт ВКП (б), с её двухкомпонентной оргсистемой. На практике же общенациональная корпорация «народ-государство» под названием СССР стала трёхкомпонентной системой.

Члены партии, как представители «ордена меченосцев», в каждодневной жизни несли гораздо большую и правовую, и политическую, и моральную ответственность, чем другие граждане страны. Ибо ещё одна стратегическая задача заключалась в восстановлении, укреплении массового правового сознания. Справедливость и ответственность реализуются не через лозунги и словесный понос высокопоставленных чинов, а через справедливые законы, обязательные для исполнения всеми.

Поэтому-то репрессии 1937–1938 годов обрушились, прежде всего, на членов партии, ибо самое страшное преступление в «ордене меченосцев» — предательство.

Чувство ответственности советского народа в 30–50-е годы многократно превышает ответственность расейского населения конца XX — начала XXI веков. Это абсолютно несравнимые вещи.

В-пятых, ответственность предполагает, что «великий народ» имеет историческое право на использование всех законных средств для реализации стратегических целей, включая массовое, организованное насилие против своих врагов.

Так называемые массовые репрессии по сути представляли собой форму самозащиты нового советского народа, проявление своего рода инстинкта самосохранения накануне большой войны.

Хотя в самой Конституции 1936 года нет нормы, связанной с диктатурой пролетариата, тем не менее в своём выступлении на Съезде народных депутатов председатель Конституционной комиссии И. Сталин недвусмысленно подчеркнул бескомпромиссный классовый характер советского государства.

К началу Великой Отечественной совершенно немыслимое, казалось бы, чудо свершилось — со-

ветский народ как действительный исторический субъект реально появился. И он на деле доказал эту свою историческую субъектность, победив в войне, которую по обычным рациональным меркам выиграть никак не мог.

Более того, никакой другой народ, кроме советского, не смог бы тогда победить действительно великого врага — фашистскую Германию.

ПОЧЕМУ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ — ВЕЛИКАЯ?

Наиглавнейшим показателем зрелости любого народа, его величия, его осознания особой ответственности перед своим прошлым и будущим является способность массово порождать героев. Если же герои не появляются, или же их число ограничено и случайно, то, скорее всего, данный народ уже совсем и не народ даже, а всего лишь булькающая биомасса.

Во время Великой Отечественной советский народ показал чудеса массового героизма — и на фронте, и в тылу. Никакой другой народ в мире, кроме советского, во время Второй мировой войны не проявил себя именно как «народ героев».

Великая Отечественная продемонстрировала также, насколько глубоко идеология «общего дела» стала внутренним содержанием массового общественного сознания советского народа. «Борьба с беспощадным врагом», «защита общей Родины», действительный патриотизм стали зримым символом общего дела. Кроме того, именно в военный период, и на фронте, и в тылу, «общее дело» массово стало осознаваться «лично моим делом».

Великая Отечественная выковала высочайшую дисциплину и самодисциплину советского народа. Казалось бы, по этому показателю германский народ по историческим причинам, безусловно, всех опережал в Европе. Тем не менее и здесь советский народ опередил немцев.

Что такое дисциплина и самодисциплина народа? Это проявление его исторической ответственности.

Так вот, к концу войны, а возможно, уже с середины 1943 года, по этому показателю советский народ был на первом месте в мире. Да, были жертвы, огромные жертвы. Но сейчас мы можем уверенно сказать, что эти жертвы исторически не были напрасны. В отличие от миллионов погибших, униженных и растоптанных через полвека, в 90-е годы.

Великая Отечественная, как плавильная печь, завершила формирование героического советского народа. Здесь на фоне реализации «общего дела» сформировались и закрепились нравственные принципы нового цивилизационного проекта — особое, братское отношение друг к другу, советская солидарность и гуманизм, взаимопомощь, вплоть до «сам погибай, а товарища выручай».

...Мой покойный отец, Султанов Загит Яруллович, оказался на действующем фронте в январе 1943 года. Ему еще не было и 18 лет. Он был три раза ранен, последнюю пулю, которая застря-

ла у него в теле недалеко от сердца, извлекли только в 1960 году.

Почему-то он не любил говорить о войне. Да и я мало его расспрашивал, в чём сейчас глубоко раскаиваюсь. Но некоторые его слова я помню до сих пор.

Он рассказывал, что немцы очень хорошо воевали. Когда я его спрашивал, почему же тогда мы выиграли, он отвечал так. На нижнем уровне: рота против роты — мы не только были равны, но, может быть, даже были сильнее, чем немцы. Но чем выше был военно-оперативный уровень, тем больше опыт и искусство германских офицеров и генералитета превосходил наш. Но — до поры до времени. Когда же наш офицерский корпус перестал здесь уступать немцам, мы начали выигрывать.

Однажды я спросил его, кто же все-таки сыграл главную роль в победе. Отец не ответил, что Сталин, хотя его глубоко уважал. Он сказал: «Русские солдаты». Он не сказал, «русские» или «русские офицеры», а именно «русские солдаты».

«Почему?» — «Те, с которыми я встречался, умели воевать. Кроме того, многие из них потеряли своих родственников на оккупированных немцами территориях. Они хотели мстить. И жестоко».

У моего отца — очень худого татарского юноши небольшого роста, почти не умевшего говорить по-русски, в первые месяцы на фронте оказался наставник. Его звали Николай. Он сам взялся опекать моего отца, которого на фронте почему-то прозвали Сашей. Так вот, Николай, рассказывал мой отец, научил его очень важным и нужным военным премудростям, которые помогли выжить.

«Сплошная линия немецкого огня. Как безжалостная бритва. «За Родину, за Сталина!» Рота поднимается в атаку. Кто-то через несколько секунд погибнет. Рядом все больше и больше падают наши, а мы вместе с Николаем идём в атаку и все же остаёмся живы... Если бы не Николай, я бы не выжил...»

Потом отца ранило, он оказался в госпитале, а через три месяца воевал уже в другой воинской части. С Николаем он уже никогда не встречался.

Мой отец умер, в том числе от последствий боевых ран, в 1988 году. И последние годы он часто вспоминал своего русского наставника на фронте и иногда даже плакал. Я его не спрашивал, почему... Чувство ответственности моего отца проявлялось в том, что он никак не мог забыть о своём личном, так и не оплаченном долге перед легендарным русским воином — Николаем...

Когда народ действительно осознаёт себя великим народом, и не просто осознает, а мас-

сово проявляет своё величие в критической военной ситуации, в ситуации «жизни или смерти», с ним происходят удивительные вещи. Война учит выживать, и война заставляет быть умнее, чем противник.

Война объективно выдвигает на передний план самых изобретательных, самых творческих, самых жизнеспособных. В Великой Отечественной было много случаев, когда люди за несколько лет проходили путь от младшего лейтенанта до полковника.

В жизни, как известно, ничего не даётся даром. Тем более в жизни народа.

Да, в Великой Отечественной много жертв, может быть, даже слишком много. Но эта война не только позволила окончательно оформиться в истории принципиально новому советскому народу, но и позволила за несколько военных лет пройти историческую дистанцию, которую другие проходят за десятилетия, а может быть, и столетия.

Самое главное, с моей точки зрения, заключается в том, что в советском народе в результате Великой Отечественной сформировалось новое ядро, объективно ориентированное на будущее, — важнейшая ключевая социальная группа — несколько миллионов пассионарных людей, способных к креативному, в том числе и технологическому, мышлению, умеющих обращаться со сложной техникой, способных принимать критически важные решения в условиях дефицита времени.

Именно благодаря этим нескольким миллионам советский народ получил возможность начать реализовывать свой цивилизационный проект. Именно благодаря этим людям в сороковые и пятидесятые годы великий Советский Союз стал действительным авангардом мирового развития, демонстрируя самые высокие темпы социально-экономического развития. Тогда не только «цены снижались», но и советский человек первым оказался в космосе.

Но потом, на взлёте, новый советский народ был безжалостно предан. Не империалисты выиграли. Нет, вдруг странным образом переродился «Орден меченосцев». И не просто переродился, а словно куда-то мистическим образом исчез: материальные ценности взяли верх над вечными.

Коммунистическая партия Советского Союза времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва предала свой народ, своё прошлое и своё будущее.

И никто из коммунистических бонз при этом не повесился. Иуда оказался более нравственным.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

Что это было?

*9 Мая — День Победы,
22 Июня — День Подвига*

Вторая мировая, Великая Отечественная, советско-германская — что всё-таки это была за война?

Потому что Вторая мировая и Великая Отечественная — это существенно разные вещи. И хотя вторая формально является частью первой, на самом деле они на содержательном уровне различаются между собой намного сильнее, чем могут различаться часть и целое. И, может быть, каждая из них — всего лишь части какого-то иного, еще большего целого?

Вторая мировая — это, по сути, продолжение Первой мировой. Неизбежный результат грабительского и постыдного Версальского мира — где Россия, к чести своей, не участвовала.

Ленин прямо говорил, что этот мир будет разорван, как только в Европе найдётся один достаточно решительный человек. Версаль был торжеством одной группы империалистических хищников над другой, и ни одна из них не была ни лучше, ни хуже. Но он унизил Германию как национальное государство и породил вполне обоснованные жажду реванша и требование пересмотра его унижительных условий.

Три побеждённые империи: Германия, Австро-Венгрия и Порта, — рухнули. Три мнимых победителя: Франция, Великобритания и Соединённые Штаты, — заплатили за формальную победу и полученное ими право на грабёж крушением своего ценностного мира, экономической катастрофой 1929 года, безысходным морально-политическим кризисом и трагедией «потерянного поколения».

Лишь Россия, реформатировавшись и закончив Первую мировую войну не в Бресте и не в Версале, а в Генуе и Рапалло, изгнав со своей территории как войска трёх побеждённых империй, так и интервентов из трёх империй-«победительниц», равно как соединения их местной клиентуры, — стала единственным и подлинным победителем. Сохра-

нив и государственное единство, и большую часть своей территории (за исключением Финляндии, Прибалтики, Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии и части Бессарабии), Россия обрела в международном масштабе облик морального лидера всего человечества, принявшего вызов истории на построение Нового Мира.

Версальский мир был бы разорван, кто бы ни победил в Германии: хоть Тельман, хоть Гитлер. Но в первом случае его разрыв стал бы началом освободительной антиимпериалистической войны, во втором — это привело ко второму акту межимпериалистической схватки.

Которая и началась в 1939 году. СССР пытался ей помешать, но это не удалось. Но удалось и остаться в стороне, не принять в ней участия — хотя эта схватка хищников была не его войной. Война первоначально началась вообще не между противниками гитлеровской Германии и её союзниками, не между демократией и фашизмом — она началась как война между двумя союзниками: Германией и Польшей, только что поделившими Чехословакию. Польша в тот момент была такой же фашистской державой, как и Германия, и так же, как последняя, — готовилась к новым завоеваниям.

Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 года, практически ровно через четверть века после начала Первой мировой, — была в основе своей такой же аморальной межимпериалистической схваткой за передел мира, что и её предшественница.

Освободительной и антиимпериалистической, справедливой и антифашистской она стала только весной-летом 1941 года, после апрельского восстания в Югославии и нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Правда, элементы такой справедливой войны присутствовали и раньше: когда СССР не позволил Германии войти на территорию За-

падной Украины и Белоруссии, когда начал свою борьбу де Голль, когда начало формироваться движение Сопротивления на территории стран, побеждённых Германией, — но это были лишь элементы. Окончательно суть этой войны: войны между хищниками на войну против хищников, — изменилась только в июне 1941 года.

Великая Отечественная война хронологически была частью периода Второй мировой как межимпериалистической войны. Но по сути она была началом другой войны — основным фронтом мировой освободительной, антиимпериалистической и антифашистской войны, которая не закончена вплоть до нынешнего дня.

У этой войны было и другое, цивилизационное измерение, которое полностью отсутствовало у Первой мировой, все участники которой в 1914–1918 годах были странами более или менее развитого и завершённого Модерна. Та война была кризисом цивилизации Модерна, она поставила крест на иллюзиях бесконечного прогрессизма, и практика межвоенного двадцатилетия 1918–1939 годов это только подтвердила и подчеркнула: экономический и морально-психологический кризис, обрушившийся и на победителей, и на побеждённых носителей Модерна доказал, что Модерн исчерпал себя и больше не может быть носителем и образцом прогресса.

Остывая, Модерн девальвировал свои собственные ценности, рождённые эпохами Возрождения и Просвещения. Отсюда можно было сделать два вывода и искать выход в двух противоположных направлениях.

Первый — в защите, возрождении и последовательном реальном, а не декларативном воплощении этих ценностей в Сверхмодерне, пути к обществу Познания и Созидания, начатом на территории России в государственной форме СССР.

Второй — в отказе от этих ценностей, признании ложным пути последних нескольких столетий мировой истории и возврате на прежний,

традиционалистски-примордиальный этап в движении Контрмодерна.

В этом отношении Вторая мировая оказалась вызовом накалённого Контрмодерна, брошенным миру остывающего Модерна, — и оказалось, что последний не только не может предложить миру увлекательные образцы будущего, но даже не способен организовать свои общества на защиту декларируемых ценностей, обернувшихся ценностями комфорта, расслабленности и неги. Последними очень приятно и уютно пользоваться. Но за на них не получается сражаться.

В июне 1941 года вызов Контрмодерна принял Сверхмодерн. В этом отношении Великая Отечественная война была войной цивилизации Сверхмодерна с нашествием Контрмодерна, войной за право строить Будущее — против ультимативных требований вернуться на тысячи лет назад в прошлое, в дохристианскую эпоху.

КТО И КОГО ПОБЕДИЛ?

Сегодня, спустя 70 лет после Победы в величайшей из войн истории человечества, мы по-прежнему либо не отвечаем, либо слишком мало задаёмся вопросом как о субъекте, так и об объекте Победы. Мы по-прежнему не отвечаем на вопрос о том, кто, собственно, победил как в Великой Отечественной, так и во Второй мировой войнах.

Официальная пропаганда, вполне естественно, микширует этот вопрос, трактуя его иногда как победу России над Германией.

Но говорить о «победе России над Германией» неверно. Хотя бы потому, что Великая Отечественная война вовсе не была «войной русских против немцев»: значительное число русских откровенно выступило на стороне фашистской Германии; общие параметры коллаборационизма в СССР измеряются не только двумя миллионами человек, ушедших в «армию Власова» либо служивших Германии на оккупированной территории Советского

Союза. Некоторые публицисты, предельно далёкие от «просталинских» и прокоммунистических позиций, говорят о Великой Отечественной войне как о «второй гражданской». По их мнению, к 1941 году в СССР существовали достаточно весомые социальные группы, откровенно рассчитывавшие на поддержку фашизма в борьбе против Советской власти и её социальной политики. Существует даже точка зрения, согласно которой военные трагедии Красной армии 1941 года были вызваны массовым предательством представителей социально чуждых групп. Следует подчеркнуть, что данная точка зрения принадлежит вовсе не «адептам сталинизма», хотя, разумеется, вполне может быть поддержана последними.

Другая трактовка заключается в видении Победы как победы стран антигитлеровской коалиции, что отчасти ближе к действительности, а отчасти — дальше от неё.

Ближе — поскольку затрагивает вопрос о мировой политической конфигурации противоборствующих даже не стран и мировых интересов, а глобальных проектов.

Дальше — потому что игнорирует вопрос о том, чей вклад в победу оказался решающим, уравнивает заслугу и честь между началами, внесшими абсолютно несопоставимый вклад в победу над общим противником.

Представляется, что прав Сергей Кургинян, когда предлагает для ответа на этот вопрос вспомнить итоги Первой мировой войны.

Действительно, тогда ещё не обрुшившаяся Российская империя во главе с, казалось бы, почитаемым самодержцем под малиновый звон колоколов вступила в схватку с полупарламентской, раздираемой борьбой политических фракций кайзеровской Германией.

Россия имела тогда на своей стороне все преимущества традиционалистского устройства. Единую, казалось бы, веру. Блестящее и мужественное офицерство, действительно ходившее в штыковые

атаки на немецкие батареи. Ходившее — не сгибаясь, в полный рост, не вынимая сигар изо рта: и без единого выстрела бравшее подчас эти батареи. С началом войны страну охватил массовый патриотический подъём. Социальные конфликты на какой-то момент ушли в тень.

Германия, вялая и неотмобилизованная, воевала на два фронта, причём русский фронт был, при всей своей важности, второстепенным. Основные события и основная напряжённость боёв была всё же на Западе.

На стороне России с самого начала сражались ведущие страны мира.

И Россия уже к 1916 году эту войну явно проигрывала. И бесславно проиграла. Списывать это на то, что войска были распропагандированы небольшой, в 25 тысяч человек, партией большевиков — единственной, последовательно выступавшей за поражение Российской империи как государства, — потрясающая наивность и непонимание сути происходивших процессов. Хотя бы потому, что большевики, имея активную поддержку среди рабочих, практически до конца 1917 года не имели поддержки у крестьянства.

Может кто-нибудь представить себе, чтобы власовцам удалось распропагандировать в 40-е годы Красную армию и увлечь её идеей повернуть штыки против Сталина? Попробовал бы кто заняться такой агитацией — не довели бы и до Особого отдела...

Проходит 20 лет. Царь расстрелян. Колокола разбиты. Православные церкви в массе своей закрыты и снесены. Священники сосланы. Белое офицерство порублено красными шашками. Красное — в известной степени расстреляно своими же.

Страна не готова к войне, несмотря на все предыдущие усилия. Промышленности, как воздух, необходимо несколько лет перестройки.

Советский Союз один держит огромный фронт против совсем другой, чем в 1914–1918 годах, Германии. Германии, которая накалена нацист-

ской идеологией. Отмобилизовала народ. Сконцентрировала в своих руках промышленные ресурсы всей Европы. Гонит на фронт испанцев и румын, итальянцев и венгров. Немцы боготворят фюрера.

На стороне Гитлера — почти миллионная власовская армия, это численность Квантунской армии Японии.

Ни один из будущих западных союзников не оказал Германии достойного сопротивления. Армии Запада бесславно рассеяны железным натиском вермахта.

Подчас, при анализе истоков Победы, особое внимание некоторыми исследователями уделяется помощи союзников. Выдвигается даже точка зрения, согласно которой СССР без их помощи не смог бы выиграть войну.

При этом меньше всего уделяется внимания реальному объёму западной помощи. А он таков. По ленд-лизу США поставили СССР 14 450 самолётов, тогда как СССР за время войны произвёл более 112 тысяч самолётов. Доля США составляет примерно 12%. Танков было поставлено 7000, тогда как СССР произвёл 102,8 тысячи. Доля США составляет 6,8%.

Автоматов было поставлено 1,7%, пистолетов 0,8%, снарядов 0,6%, мин 0,1% от числа произведённых в СССР. Зерна было поставлено 70 млн пудов, тогда как в СССР было произведено 4312 млн пудов.

Общие поставки промтоваров, включая поставки Англии, составили 4% от произведённых в СССР.

Советский Союз дрался против объединённой Третьим рейхом Европы практически один.

И с первых дней войны вермахт терпит неудачи. В привычку вошло говорить о неудачах Красной армии в 1941 году. Казалось бы — всё верно. Страшные потери. Сожжена основная часть авиации и большая часть бронетехники. Потери промышленности и населения — неописуемы. Враг доходит до Москвы, а через год — и до Волги, до Сталинграда. Пал Киев и блокирован Ленинград.

Но не под Москвой и Сталинградом решена судьба войны. Её в первые две недели боев решила истекающая кровью Красная армия. Каждый день вермахт терял больше техники и живой силы, чем он мог себе позволить, каждый день он терял темп, продвигаясь на всё меньшее число километров, нежели ему было предписано планами наступления.

ДЕНЬ ПОДВИГА

22 июня у нас принято называть Днём скорби. Конечно, это день безусловной трагедии, и оспорить его трагич-

ность не смеет никто. Хотя есть те, кто хотел бы эту дату превратить в обвинительный вердикт Сталину, Советскому Союзу, коммунизму и даже русскому народу. Но в описании поражений и отступлений звучит, увы, не боль за погибших и не возмущённое национальное достоинство. В них — отчаяние несбывшейся надежды и досада на то, что первые поражения страны и строя в итоге обернулись его колоссальной Победой. Что этот день стал не днём начала крушения СССР, а днём начала Великого Подвига и восхождения к вершинам могущества, которых

никогда ранее в своей истории не достигала Россия.

Они постоянно поднимают вопрос о причинах первых неудач.

О том, почему война началась неожиданно.

О том, почему страна оказалась ни в психологическом, ни в военном отношении к войне не готова.

О числе потерь и «цене Победы».

Но для них всё это нужно, лишь чтобы увидеть, в чём страна оказалась слаба, и не дать людям вспоминать о том, в чём она была сильна.

Ведь даже вопрос о том, почему за Победу пришлось платить

ту огромную цену, им нужен лишь для того, чтобы не дать задуматься о том, почему страна, понесшая podobные потери и в целом потерявшая больше, чем её противник, — оказалась победителем. И вышла из войны чуть ли не более сильной, чем вступила в нее.

Потому что именно этот вопрос и этот ответ для них страшны: им страшно напоминание о том, что смыслы, которыми живёт народ, — могут оказаться сильнее самой по себе стали, танков, авиации.

Они задают свои вопросы для того, чтобы народ не задумался о других:

Почему, оказавшись не готовой к войне, страна ответила на первый удар таким ударом, что в дневнике начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта появились записи следующего содержания.

22 июня: «Наступление германских войск застало противника врасплох... После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешёл к активным действиям...»

23 июня: «На юге русские атаковали в Румынии наши плацдармы на реке Прут и произвели ряд разведывательных поисков из района Черновиц против румынской кавалерии».

24 июня: «В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают всё, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам... наличие многочисленных запасов в пограничной полосе указывает на то, что русские с самого начала планировали ведение упорной обороны пограничной зоны и для этого создали здесь базы снабжения».

25 июня: «Оценка обстановки на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск».

26 июня: «Группа армий «Юг» медленно продвигается вперёд, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твёрдое и энергичное руководство...»

29 июня: «На фронте группы армий «Юг» всё еще продолжаютсь сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение... Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу в районе между Бродами и Дубно... В тылу 1-й танковой группы также действуют отдельные группы противника с танками, которые даже продвигаются на значительные расстояния... Обстановка в районе Дубно весьма напряжённая...»

В центре полосы группы армий «Центр» наши совершенно перемещавшиеся дивизии прилагают все усилия, чтобы не выпустить из внутреннего кольца окружения противника, отчаянно пробивающегося на всех направлениях...»

30 июня: «На фронте группы армий «Центр» часть... группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана... На фронте группы армий «Север» противник перешёл в контратаку в районе Риги и вклинился в наше расположение... Отмечено усиление активности авиации противника перед фронтом группы армий «Юг» и перед румынским фронтом...»

Почему при внезапном нападении и при распущенной на отпуск значительной части офицерского корпуса Красная армия чуть ли не с первого дня войны перешла к постоянным атакам на противника, с первого дня выбивая тот его потенциал, который по планам должен был привести его к победе в блицкриге? А контратаки шли постоянно: на удар действительно отвечали ударом, и эти контрудары заставляли вермахт содрогаться.

Да, к войне оказались не готовы. А кто был готов? Польша, проводшая

мобилизацию за несколько месяцев до немецкого удара? Франция, армия которой полгода в ходе «странной войны» простояла на позициях, играя в волейбол? Англия, с её бесславной эвакуацией в Дюнкерке?

Или США были готовы к удару в Пёрл-Харборе?

Вообще, в большинстве случаев война начинается неожиданно для одной из сторон, даже если она к ней долго готовится. Если на то пошло, Россия не была готова ни к Северной войне, ни к войне 1812 года, ни к войне 1914 года.

Вопрос вообще не в том, готов ли ты к началу войны. Вопрос в том, готов ли ты в ней победить. А равно и не в том, как война начинается, — вопрос в том, как она заканчивается.

Страна знала, что война будет. Страна к ней готовилась. Вооружённые силы за два с половиной военных года увеличились с 800 тысяч человек до 6 миллионов. Но в основном в июне 1941 года это были не только не имевшие боевого опыта солдаты — но и в значительной степени необученные или недоученные. Или обученные на той технике, которую как раз в 1941 году начали активно заменять на новую. Ведь дело было даже не в том, сколько Т-34 успели, а сколько не успели поставить в войска, — дело было в том, сколько механиков успели переучиться действовать на новых танках.

Врага, имеющего двухлетний боевой опыт, встретила в массе своей необученная армия. И вопрос не столько в том, почему она оказалась недоученной или не переученной, а в том, как эта необученная армия смогла сначала ответить мощным контрударом, а потом в считанные недели выбить рассчитанный на будущее потенциал противника. Немецким танкам противостояли люди, значительная часть которых в жизни не видела трактора. И вопрос не в том, почему многие из них бежали при виде этих танков, — вопрос в том, как им удавалось эти танки уничтожать.

23 июня — контрнаступление Красной армии под Луцком, Шяуляем, Гродно.

24 июня — продолжаются контрудары Красной армии на шяуляйском и гродненском направлениях, второй день танкового сражения в районе Луцк—Броды—Ровно.

25 июня — третий день контрударов Красной армии на шяуляйском и гродненском направлениях, третий день танкового сражения в районе Луцк—Броды—Ровно. Военно-воздушные силы Северного фронта и авиационные части Северного и Краснознамённого Балтийского флотов одновременно атаковали 19 аэродромов Финляндии, на которых сосредоточивались для действий по нашим объектам соединения немецко-фашистской и финской авиации. Произведено 250 вылетов.

26 июня — четвёртый день танкового сражения в районе Луцк—Броды—Ровно. Авиация Дальнего действия ВВС РККА нанесла бомбовые удары по Бухаресту, Плоешти и Констанце.

27 июня — пятый день танкового сражения в районе Луцк—Броды—Ровно.

28 июня — в шестой день танкового сражения в районе Луцк—Броды—Ровно — сошлось четыре тысячи танков. До Прохоровки это было крупнейшее танковое сражение Второй мировой.

29 июня — седьмой день танкового сражения в районе Луцк — Броды — Ровно. Приостановлено движение вермахта на Киев и Смоленск, сорван план взятия этих городов в первую неделю войны.

Говорят, что в Австралии наследникам разрешено после смерти родителей или других близких родственников носить их боевые награды. Чтобы помнили: они — наследники не только собственности, но и подвигов и имеют право ими гордиться. И это — правильно. Может быть, нужно — пусть даже с запозданием на многие десятилетия — ввести такой же порядок и у нас. Чтобы люди помнили: это — и их подвиг.

Не только их страны и их народа — но и их семьи. И на вкрадчивый вопрос иного провокатора: «А давайте задумаемся, нужна ли нам была такая победа, да и победа ли это?» — отвечали не растерянным недоумением: «То есть как?» — а как надо отвечать на такие вопросы: ударом в зубы.

Потому что не только 9 Мая, но и 22 июня — это день Подвига, а не день поражения. День, когда страна приняла удар, сдержала его — и начала свой путь к Берлину. 9 Мая не существует без 22 июня. А умение держать удар — не менее важно, чем умение побеждать. Одно начинается с другого. И одно недостаточно без другого. Потому что немцы тогда тоже умели побеждать. Но, как оказалось, — не умели держать удар.

А мы — умели. И, кстати, держим его и сегодня — уже в новой войне.

И сегодня 60% наших сограждан считают, что СССР смог бы победить в войне против Германии, даже сражаясь в одиночку, без помощи союзников, — против 32% полагающих, что без союзников мы бы не справились.

22 июня — это, конечно, День памяти и скорби. Но это — не День поражения и тоски. Это день, когда страна сдержала страшный удар. И встала, чтобы ответить на него. Это — День подвига.

БИТВА ПРОЕКТОВ

На принципиальном уровне война была проиграна Германией в первые две недели. Затем, а особенно уже на исходе лета 1941 года, победа СССР стала делом техники. Иное дело, что эту технику пришлось освоить ценой тяжёлых потерь.

Вторая мировая война не была войной наций и держав. Она была борьбой мировых проектов.

Четыре основные мировые идеологии: коммунизм (СССР), либерализм (США), консерватизм (Великобритания) и накалённый национализм (Германия) вступили в схватку по вопросу о проектном видении будущего мира.

Великая Отечественная война советского народа была не просто основным военным событием Мировой войны — она *была её важнейшей качественной составляющей, включением коммунистического проекта в это соперничество. Именно она определила общую проектную составляющую противоборства.*

Вторая мировая война шла в конфигурации союза либерализма, коммунизма и примкнувшего к ним консерватизма против общей проектной угрозы — «сверхтрадиционализма» в лице германского нацизма.

Сами по себе либерализм и консерватизм были не в силах выиграть эту борьбу, что и показали события 1939–1941 годов.

Дело в том, что они олицетворяли статус-кво, олицетворяли привычный и комфортный для них мир, но были малоспособны к мобилизации. **Германия противопоставила им накалённое видение будущего, противопоставила своё видение модернизации в виде накалённого Контрмодерна.**

Из сил, выступивших против него, выступивших на защиту мира Модерна, Прогресса и всего вектора Возрождения и Просвещения, **лишь коммунизм обладал своим, альтернативным нацизму видением фронта, будущего мира**, в котором было место не только привычному комфорту, но и подвигу, — мира человека, у которого есть ценности большие, чем биологическая жизнь отдельного человека.

Националистический проект Контрмодерна проиграл коммунистическому проекту Сверхмодерна. Проиграл не только в военном, техническом и экономическом плане, но в первую очередь в проектном и мотивационном плане. Проиграл, в конечном счёте, на функциональном уровне.

Гитлеризм дал своим сторонникам накалённую идею. Сильную идею. Он говорил: «Германия **превыше всего! Миру предназначено служить Германии.** Она устано-

вит новый порядок, и только она достойна возглавить мир. Место остальных — служить Германии, быть её слугами и рабами». Поэтому, даже побеждая, он множил число своих противников. Даже те его сторонники в других странах, которые в принципе с симпатией относились к нацизму, на определённом этапе сталкивались с тем, что их место в этом порядке — в лучшем случае место «обслуги».

Коммунизм дал своим сторонникам иную идею. Он сказал: «Мы предлагаем всем — Свободу и Справедливость! Свобода мира и Справедливость для всех — превыше всего. Советский Союз — не новый господин, а освободитель. Не мир для него, а он — для мира. Место остальных — быть хозяевами своей

судьбы, а место СССР — служить всему человечеству».

Можно, конечно, говорить о том, что Советский Союз имел в виду и предложить миру этот новый порядок свободы и справедливости, и намеревался, вполне искренне, научить мир правильно пользоваться этой свободой и установить справедливость в соответствии со своим пониманием.

Но Германия предлагала человечеству закрытую систему, а СССР — открытую. Поэтому Германия множила своими победами своих противников, ее проект двигался с отрицательной экспонентой, а СССР даже своими поражениями множил число своих сторонников, его проект двигался в параметрах положительной экспоненты.

Гитлеризм говорил своим солдатам: «Идите и убивайте! Вы будете господами. Вы получите ферму на Украине, и славянские недочеловеки будут работать на вас и служить вам».

Функционально — это сильная идея. Она обещала тем, кто принимал её, славу, процветание и счастье. Но в ней была очень серьёзная слабость. Она обещала только то, что можно использовать при жизни. *За неё можно убивать, но за нее нельзя умирать:* ферма не достанется.

Коммунизм говорил своим солдатам: *«Идите и защищайте! Вы будете спасителями своей страны и всего мира. За вами — первая в истории победившая Революция рабочих и крестьян, за вами —*

первое в мире Государство Трудящихся, за вами — верность делу ваших отцов, впервые в истории свергнувших гнёт эксплуататоров и давших шанс на создание царства справедливости. Очень может быть, что в этой борьбе вы умрёте, — но умрёте Спасителями мира».

Какие бы споры сегодня не шли о степени утопичности и обоснованности этой идеи — функционально она была сильнее нацистской. Она обещала своим сторонникам то, что было больше жизни. За неё можно было умирать.

Нацизм обещал Власть и Богатство на всю жизнь. Коммунизм — обещал Бессмертие в будущем человечества.

По сути, коммунизм нёс в себе один из древнейших постулатов героического гуманизма: «Смертию смерть поправ!»

Он нёс то, чего не было в германском накалённом национализме и тем более не было в уже лишённом мобилизационной героики либерализме и консерватизме. Поэтому, по сути, *итоном Второй мировой войны стало утверждение миропорядка, который на какое-то время сошёлся в признании прогрессистских ценностей*: веры в человека, веры в его разум, признание антропологического оптимизма, ценности истории и веры в прогресс.

Даже холодная война 1945–1991 годов, по сути, велась не за или против этих ценностей, а по вопросу о том, как понимать и реализовывать их.

ПАРАДОКСЫ ПОБЕДЫ

Парадокс истории заключается в том, что 70-летний юбилей Победы над фашизмом будет отпразднован

в условиях, когда наиболее явной становится угроза новой поднимающейся угрозы Контрмодерна.

Победа 1945 года была, прежде всего, победой прогрессистского видения мира, победой гуманистического вектора, признававшего основной ценностью мира человека — возможность его развития, веру в его неограниченные возможности, в исторический прогресс и в саму историю как самоценность.

Утвердившийся после Победы Ялтинско-Потсдамский мир был миром, где эти ценности были в принципе приняты. Спор шёл в основном между двумя вариантами прогрессизма: либерализмом США (белая пятиконечная звезда) и коммунизмом СССР (красная пятиконечная звезда), — двумя в общем-то родственными проектами, расходившимися в прочтении этих ценностей, но сходящимися в их принятии.

Остальные проекты, видевшие человека не высшей ценностью, а инструментом и пылью под ногами тех или иных высших начал, были отброшены с пути истории.

Однако эта победа была не безусловной. Общая конфигурация победивших сил была такова, что содержала в себе и многие будущие противоречия.

Во-первых, в антигитлеровский блок кроме названных проектов входил и консерватизм как одно из воплощений противостоящего прогрессизму традиционализма. Уже с первых послевоенных лет он практически вышел из этого союза, максимально провоцируя конфликты между победителями. Это проявилось как в позиции Черчилля, чья речь в Фултоне спровоцировала нарастание напряжённости, так и в приходе к власти в США после смерти Рузвельта консервативных групп, представленных Трумэном, а затем — вполне профашистской истерией «комиссии Маккарти».

Во-вторых, сам нацизм, как противостоявший в ходе Мировой войны прогрессизму США и СССР накалённый вариант традиционализма, не был ликвидирован окончательно. Уже к 1946 году, когда в Париже прошёл подпольный нацистский съезд, исследователи относят создание «Чёрного интернационала», поставившего своей целью реванш и разгром тех, кого они именовали «ялтинскими хищниками».

В-третьих, в своём новом противостоянии либерализм, сражаясь за первенство с коммунизмом, во многих случаях интегрировал в свои ряды внесистемные для них силы, враждебные общей для них идее прогрессизма.

На Западе это проявилось в нарастающем сотрудничестве с остатками нацистской элиты, интеграцией в свои спецслужбы актива СС, всё сильнее влиявшего на выработку позиции США в мировом противостоянии.

Послевоенное заигрывание в СССР с идеями национализма

и странная затея «борьбы с космополитизмом» тоже вписывались в этот контекст.

Ведя мировую борьбу, США небрезгливо принимали в число своих союзников вполне нереспектабельные силы и течения, если только они готовы были усилить их в борьбе с конкурентом. В этом был некий плюс, поскольку антипрогрессистские силы оказывались подконтрольны прогрессистским сверхдержавам и не могли консолидироваться в борьбе против них. Но был и существенный минус, поскольку это позволяло данным силам находить ниши своего существования и постепенно повышать свою роль в мировом противоборстве. При этом они, особенно на Западе, не только расширяли свою нишу, легитимизируясь как «борцы против коммунизма», но и передавали некоторые свои черты патронам.

За 70 лет, прошедшие с мая 1945 года, не было в мире реакционной силы, которую не поддерживали бы внешне сохраняющие гуманистическую риторику западные страны: от фашизма Франко и Салазара — до Пиночета, от исламистского террористического фундаментализма — до диктатуры Саакашвили в Грузии и неонацистского террора в современной Украине.

Новым существенным этапом в переконфигурации мировых проектных сил стал 1979 год, когда в Иране победила фундаменталистская «революция». Советские аналитики ещё праздновали очередное поражение США, но лидер исламистов Хомейни уже формулировал тезис о «двух шайтанах» (СССР и США), рассчитывая стратегию своей политической игры по уничтожению их обоих.

К 80-м годам XX века вполне сформировались два антипотсдамских вектора, угрожавшие по своей сути самому прогрессистскому мироустройству, утвердившемуся в результате Победы 1945 года: вектор «новых правых» на Западе, выдвинувший концепцию борьбы против «двух ялтинских хищников», и век-

тор фундаментального исламизма, взявший на вооружение концепцию «двух шайтанов».

Оба они видели свою задачу в том, чтобы сначала использовать США как носителя либерализма для уничтожения СССР и его коммунистического проекта, а затем, лишив США потенциального прогрессистского союзника, обрушить свой удар на них и уничтожить в их лице либеральный проект.

В период войны в Афганистане сложился новый проектный союз, в результате которого американский либерализм, американский консерватизм Рейгана и Колби, «новые правые» на Западе и фундаменталистский ислам совместно выступили против СССР.

Причём и те и другие попеременно выступают военно-политическими наёмниками США, полностью утратившими сущностную связь с гуманистическим содержанием классического либерализма.

Ценности либерализма для современных США значат не больше, чем ценности социализма значили для гитлеровской Германии.

К 1939 году Гитлер имел конфликты не столько с СССР, сколько с социально однородными ему странами. И этих конфликтов было меньше, чем тех, в которые уже сегодня втянулись США.

Гитлер тогда ввёл войска в демилитаризованную рейнскую зону, находившуюся, правда, на территории самой Германии. Осуществил аншлюс Австрии — формально мирным путём на основании волеизъявления самой Австрии. Отторг (с согласия западных держав) Судетскую область у Чехословакии, а потом захватил и саму Чехословакию. Участвовал на стороне Франко в Гражданской войне в Испании. Всего — четыре конфликта. Из них собственно вооружённый — один.

И все, признавая его агрессором, говорили, что война на пороге.

США/НАТО сегодня: — дважды (в 1995 и 1999 годах) осуществили агрессию против

- Югославии, расчленили её на части, отторгли часть территории и уничтожили как единое государство;
- вторглись в Ирак, свергли национальную власть и оккупировали страну, установив там марионеточный режим;
 - то же самое сделали и в Афганистане;
 - подготовили, организовали и развязали войну режима Саакашвили в Грузии против России и взяли его под открытую защиту после военного поражения;
 - осуществили агрессию против Ливии, подвергли варварским бомбардировкам её инфраструктуру, свергли национальную власть, убили лидера страны, привели к власти вообще варварский режим;
 - развязали гражданскую войну в Сирии, практически участвуют в ней на стороне своих сателлитов, готовят военную агрессию против страны;
 - угрожают войной суверенному Ирану;
 - свергли законную власть на Украине и способствовали началу там полномасштабной гражданской войны.

Итого — девять актов агрессии. Причём шесть из них — прямые военные вмешательства. Против четырёх, включающих один вооружённый, у Гитлера к 1941 году. Да, слова при этом произносятся разные — но действия аналогичные. Например, США могут сказать, что в Афганистане они действовали в порядке самообороны (имея в виду события 11 сентября 2001 года, официальная версия которых, что называется, шита белыми нитками). Но и Гитлер мог сказать, что в Рейнской области он действовал, защищая суверенитет Германии.

Можно ли сравнивать демократические США — с фашистской Германией? Убитым американцами афганцам, ливийцам, иракцам, сербам, сирийцам и т.д. — не легче от того, что их убили во имя «сво-

боды, демократии и прав человека», а не во имя господства арийской расы. По масштабу и числу актов агрессии США давно и намного превзошли гитлеровскую Германию предвоенной поры. Только Гитлер, как это ни парадоксально, — был намного честнее: он посылал в бой своих солдат, жертвовавших ради него своими жизнями. США же, как правило, посылают наёмников, а сами наносят удары «из-за угла», — предпочитая вести войну «дистанционно», без риска массовых потерь.

Поражение и раздел Советского Союза на рубеже 1980–1990-х годов в корне изменили конфигурацию мировой политики. Наряду с ослаблением СССР формировались новые центры силы. Ближневосточные исламские страны, незримо консолидируемые вокруг саудитов, опираясь на торговлю нефтью и наркотиками, стали оперировать всё более крупными финансовыми ресурсами. При этом, понимая опасность, Западные страны максимально попытались отсечь их от обладания современными технологиями, без которых прямая борьба за мировое господство не могла быть полноценной.

Возникло новое противостояние проектов: западный либерализм, лишённый жертвенной мотивации и мобилизационно слабый, во многом сведший свою гуманистическую составляющую к жизненной комфортности и сибаритству, и выступающий против него накалённый исламский фундаментализм, полностью воспроизводящий в обработке своего многочисленного и во многих случаях влашущего нищенское существование населения чёткие гитлеровские лекала: «Вы живёте плохо потому, что американские плутократы грабят весь мир. Лишь в войне против них вы обретёте своё благополучие и уж, во всяком случае, заслужите место в раю».

Вместо спора о том, как воплощать ценности прогрессизма, человечеству был предложен новый спор между ним и накалённым традиционализмом в лице фундаменталист-

ского ислама, точнее определённой спекуляцией нового, молодого нефтяного империализма на исламе, поскольку собственно с исламом он имел не больше общего, нежели гитлеровский национал-социализм с социализмом Маркса.

Но это стало обострять и активизировать рост новых правых, традиционалистских настроений на самом Западе.

Либерализм, давно уже утративший свой былой пафосный и накалённый характер (следствием чего стало и его бессилие в борьбе с Третьим рейхом), с одной стороны, не мог до конца решить собственные проблемы «общества потребления», а с другой — не мог представить достаточно эффективной мотивации в борьбе против исламского фундаментализма.

Возникла ситуация, когда в результате временного поражения коммунизма и сибаритского ослабления и деградации либерализма человечество столкнулось с **кризисом антропологического оптимизма**.

Проблема заключалась в том, что в самом либерализме оказался почти утрачен прогрессистский вектор, он практически отказался от выдвижения модели будущего мироустройства. Такие непереносимые атрибуты прогрессизма (и либерализма в его аксиологическом понимании), как вера в разум человека, вера в историю, как самоценность, принятие идеи прогресса, оказались из него во многом элиминированы.

Приняв постулат Фукуямы о «конце истории», вытекающий из консервативного псевдолиберализма в духе концепций Хайека и Поппера, либерализм лишился футурологической, проектной составляющей, во многом повторив ошибку советской пропагандистской доктрины 70-х годов, и оказался неспособен предложить привлекательный для человечества образ будущего. Сам гуманизм стал трактоваться не как вера в возможность и самоценность неограниченного развития человека, а как приоритет сибарит-

ства и неограниченного комфорта. Из либерализма стало исчезать напряжение.

Рождённый Европой либерализм оказался неспособен защитить ядро европейских гуманистических ценностей. Утонув в безбрежной и избыточной политкорректности, он не сумел поставить заслон на пути исламизации обществ Запада. Как следствие, в Европе и в США стал всё более укрепляться даже не консерватизм, а некая смесь консерватизма и нового нацизма, воплощённая в идеологии «новых правых». В Австрии они в какой-то момент победили на выборах, во Франции Ле Пен вышел во второй тур, на территории бывшей

ГДР неонацисты стали укреплять свои позиции в местных парламентах. В США же террористическая угроза породила к жизни нормы безопасности, мало совместимые с демократическим и либеральным режимом.

Ростки нового западного фашизма в результате стали пробиваться по двум направлениям.

С одной стороны, они стали неизбежной реакцией на наступление исламского фундаментализма, стали претендовать на роль спасителя Европы от новой цивилизационной угрозы.

С другой стороны, силы, поощряемые и используемые в борьбе против социализма, обрели в усло-

виях кризиса либерализма некую самостоятельную субъектность.

В странах, где коммунистический проект отступил, а либеральный не был утвержден, стали утверждаться откровенно фашиствующие тенденции.

Обычно наступление фашизма соотносится с проявлением его наиболее узнаваемых форм: например, в республиках Прибалтики. Пожалуй, эти «постсоветские» государства — единственные страны мира, где ненависть к прогрессизму вылилась в откровенные чествования ветеранов войск СС и гитлеровской символики. Можно также указать, что там утвердились и явствен-

ные черты нацизма: практический апартеид, лишение части населения элементарных гражданских прав, прямое оправдание гитлеровской агрессии.

Нельзя не признать, что вину за это несет как Западный мир, практически игнорирующий гитлеровский ренессанс, так и Россия, практически ничего не сделавшая для защиты русскоязычного населения этих республик.

Евросоюз принял неонацистские режимы Прибалтики в свой состав, Россия ограничилась увещеваниями и уговорами, униженно упрашивая лидеров этнократических диктатур соблюдать международные приличия. Не стоит забывать и о том, что именно поддержка российского руководства в 1990/91 годах позволила националистам Прибалтики прийти к власти и укрепиться в своем положении.

Однако наступление фашизма на пространстве СССР не ограничивается этими странами.

Главная угроза заключается в том, что апробация фашистской практики оказывается не только поощрением со стороны родственных сил в самой Европе, но и оказывает провоцирующее воздействие на определённые силы в самой России, которая сталкивается с двумя векторами экспансии: исламского фашизма, наступающего с Юга, и традиционного, идущего с Запада.

Учитывая отказ России от коммунистического проекта при полной дискредитации в 90-е годы проекта либерального, у нашей страны появляется некий соблазн ответить на два вектора фашистской угрозы своим собственным национализмом и, как итог, — своим собственным фашизмом. Причём, в силу полиэтничности России, здесь национализм, в отличие от гитлеровской Германии, не способен дать даже временной консолидации и с неизбежностью может обернуться только межэтническим взрывом.

В целом же мировая цивилизация сталкивается с опасностью регрес-

сивной замены базовых параметров цивилизационного выбора.

После Победы 1945 года цивилизационный спор шёл о том, какой из его вариантов: коммунистический или либеральный, — более перспективен для реализации его базовых ценностей.

После мировой катастрофы раздела СССР и временного поражения коммунистического проекта на смену ему пришёл спор о том, прогрессизму ли, в лице либерализма, или традиционализму, в лице исламского фундаментализма, принадлежит будущее.

Однако в итоге деградации либерализма, наступления исламизма и активизации традиционного фашизма спор может уже пойти о том, какой из вариантов накалённого традиционализма: фашизм «зелёный» или фашизм «коричневый», — имеет право на мировое господство.

После 1945 года человечество почти полвека могло позволить себе спор о том, что важнее: демократия политическая или демократия социальная? Что более важно: политическая свобода или социальные гарантии? Должна быть у каждого собственность в форме частной или в форме коллективной?

Вполне вероятно, что спорщикам, при нынешних тенденциях, предложат выбирать, кто лучше: имам или фюрер, рабство во имя Магомета или рабство во имя европейской примордиальной традиции и какое наказание он предпочитает при непослушании: забивание камнями по Корану или привычный крематорий.

Сегодняшний мир — это уже иной мир, не такой, каким он был 70 и даже 20 лет назад. Если Потсдамская реальность была реальностью борьбы внутри прогрессистских тенденций, то *мировая катастрофа поражения Советского Союза вновь поставила на повестку дня вопрос о развилке: прогрессизм, олицетворяемый сегодня вялым и не способным на подвиг либерализмом, или традиционализм,*

олицетворяемый занявшим место гитлеризма накалённым фундаменталистским исламом.

Тем самым всё человечество отброшено к ситуации первой половины XX века. Только без возможности призвать на защиту гуманизма и прогресса коммунистический Советский Союз.

Приходится констатировать, что основная задача, с которой сталкивается сегодня человечество, — это задача защиты прогрессизма как актуального вектора развития современного мира.

Отсюда возникает круг действий, которые необходимы для решения этой задачи.

— **Создание новой международной прогрессистской коалиции, подобной антигитлеровской коалиции.**

— **Определение роли России в этой коалиции.** Она сама может быть интересна иным участникам такой коалиции только в качестве сильной державы, обладающей как экономическим и силовым, так и проектным потенциалом. США ни в коем случае не будут воспринимать Россию как равного партнёра, пока последняя будет пытаться убедить их в своей готовности во всём походить на старшего партнёра: просто потому, что такое партнёрство предполагает подчинённую роль России, необходимость не полагаться на неё в новой мировой борьбе, а постоянно заниматься её опекой и поддержкой.

Для того чтобы стать полноценной альтернативой утверждающейся в мире социальной энтропии и регрессу, Россия должна восстановить свою миропроектную роль, показать, держателем какого варианта развития мира она является.

— **Необходимое для статуса морального лидера человечества и носителя потенциала Сверхмодерна выдвижение идеологии, которая будет:**

— обладать адекватным постигнудустриальному миру видением будущего;

— обладать адекватным видением роли человека в этом будущем, соединяющим в себе признание его права на достойную жизнь и возможность его неограниченного развития;

— обладать адекватной времени и конкурентной на фоне накалённых традиционалистских проектов, в первую очередь — на фоне накалённого исламского фундаментализма системой мотивации человеческой мобилизации и человеческого напряжения.

В конечном счёте сохранение вектора прогрессистского разви-

тия человечества в условиях размывания Модерна, с одной стороны, расплывающимся, аморфным Постмодерном, а с другой — подвергаемого экспансии исламского и правого Контрмодерна возможно лишь при восстановлении и выдвигании того или иного варианта Сверхмодерна.

9 мая 1945 года было Днём Победы Цивилизации Сверхмодерна. Коммунистический проект доказал, что такая цивилизация —

не фантазия. И что она не просто может отстоять себя от агрессии Контрмодерна, но только она может спасти остатки остывающего Модерна, без неё обречённые на уничтожение.

И только она смогла спасти ценности Свободы, Разума, Прогресса и Гуманизма.

Без неё они обречены либо утонуть в бессмысленности превращающего человека в обезьяну Постмодерна, либо быть растоптанными тем или иным новым вариантом Контрмодерна.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Экономика Победы

Как и чем был сокрушен Третий рейх?

ПРЕЛЮДИЯ

В августе 1939 года, заключив пакт Молотова—Риббентропа, Советский Союз сорвал планы Запада (в первую очередь Великобритании и Франции) по натравливанию Гитлера на нашу страну.

Полученные полтора года мирной передышки были использованы для перевода экономики на военные рельсы, модернизации армии (особенно с учётом тяжких уроков финской войны), повышения стратегической безопасности (при помощи отодвигания границ).

На рубеже 30–40-х Советский Союз производил примерно десятую часть промышленной продукции мира. Он занимал одно из первых мест в мире по добыче угля, выплавке чугуна и стали, производству электроэнергии, цемента, алюминия, второе место в мире по добыче нефти и валовой продукции машиностроения (и, отдельно, второе место по тракторостроению), был мировым лидером по производству синтетического каучука и добыче марганцевой руды.

Форсированная индустриализация создала мощный угольно-металлургический комплекс на Урале и в Кузбассе, начала освоение «второго Баку» (нефтедобывающий район между Волгой и Уралом), обеспечила развитие железнодорожной сети, создала качественно новые отрасли, включая автомобиль и авиастроение, производство подшипников.

Наращивались мобилизационные запасы и госрезервы, выросшие с 1940 года к началу войны в 1,9 раза. В 1940 году была создана система «трудовых резервов», направленная на обучение до 1 млн молодых рабочих в год.

Во второй половине 1940 года удалось как минимум начать, а вероятно, и в основном преодолеть управленческий кризис взрывного роста промышленности.

Даже по официальным данным, с 1937 года и до первой половины 1940-го чёрная металлургия хронически не выполняла план, а производство электротехнической, авто-

мобильной, тракторостроительной промышленности снизилось. Процветала штурмовщина, когда месячный план выполнялся в последнюю декаду при простаивании производства в начале месяца из-за срывов в снабжении. Причинами были дезорганизация планирования, не справившегося с резким ростом объёма и, главное, сложности экономики, переориентация ресурсов на военные нужды и восстание партийной номенклатуры против сталинской попытки демократизации общества, известное как «большой террор» 1937–1938 годов, хаотизировавшее всю управленческую сферу.

К началу войны эти проблемы удалось в целом решить.

После коллективизации налаживалась жизнь села, правда, лишь в наиболее плодородных регионах. Создаваемая по итогам коллективизации модель колхозного рынка, по ряду воспоминаний тогдашних крестьян, начала действовать и с 1938 года вплоть до самой войны уверенно повышать жизненный уровень.

Последнее особенно важно, так как в 1940 году, даже по официальным данным, все средства были брошены на подготовку к войне: военные расходы составили 32,6% госбюджета. С начала Второй мировой до начала Великой Отечественной войны численность рабоче-крестьянской Красной армии выросла в 2,8 раза — до 5,4 млн человек.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КАТАСТРОФЫ

Оккупировав большую часть европейских стран и подчинив оставшуюся, гитлеровская Германия объединила Европу против СССР. Промышленная мощь только самой Германии и непосредственно оккупированных ею территорий превышала советскую в полтора раза — но это к началу войны.

По итогам военной катастрофы 1941 года гитлеровцы оккупировали территорию, на которой до войны проживало 40% населения, находились 47% посевных площадей (и собирались 38% зерна), производились свыше 30% промышленной продукции (в том числе

более 40% электроэнергии, 63% угля, 68% чугуна и 58% стали, 84% сахара). Объём промышленного производства в ноябре 1941 года составил лишь 52% от уровня 1940 года.

В результате по итогам первого этапа войны промышленное производство Германии превышало советское в 3–4 раза. В нашей стране во второй половине 1941 года промышленное производство рухнуло более чем вдвое, прокат чёрных металлов — втрое, производство шарикоподшипников — в 21 раз, производство цветных металлов практически прекратилось. В силу эвакуации промышленности резко сократилось производство даже военной продукции.

Реакция советской системы управления была быстрой и энергичной. Уже 24 июня был создан Совет по эвакуации, а 30 июня 1941 года всё управление было централизовано в рамках Государственного комитета обороны (ГКО), под жёстким руководством которого были проведены эвакуация и перевод гражданской части экономики на военные рельсы. Всего было эвакуировано 2,6 тыс. предприятий. Требования были жёсткими: 15–20 дней отводилось на монтаж оборудования на новом месте, 3–4 месяца — на выход на довоенную мощность.

В результате промышленный спад был прекращён уже в декабре 1941 года, а с марта 1942-го производство начало возрастать. Несмотря на суровость зимы, к середине 1942 года удалось полностью запустить перевезённое оборудование; тяжёлая промышленность начала рост производства. К концу 1942 года был ликвидирован перевес гитлеровцев в количестве и качестве вооружения, а к курской битве было достигнуто превосходство.

Экономическая победа Советского Союза была достигнута созданием новых промышленных регионов на востоке страны. Модернизация обоих металлургических гигантов (Кузнецкого и Магнитогорского комбинатов) позволила наладить выпуск броневой стали, для которой были оперативно заложены марганцевые

рудники в тундре и на Урале, ванадиевый рудник на Алтае. Добыча угля была передвинута на Урал, в Караганду, в Северо-Печорский бассейн. В Саратовской области было освоено первое месторождение самого экономичного топлива — природного газа. Для обеспечения новой волны индустриализации на Урале, в Сибири и Средней Азии было развёрнуто строительство крупных электростанций.

Уже в 1944 году началось возвращение предприятий на освобождённые территории, но многие заводы, эвакуированные на восток, так и остались там, качественно изменив экономическую географию нашей страны. Если в 1940 году предприятия Урала выпускали лишь одну пятую часть советского металла, то в 1945 году — половину.

За счёт качественного управления и сформированного к тому времени в нашей стране «общества солидарности» советская экономика была на порядок эффективнее немецкой, которая перешла на военные рельсы (и то далеко не окончательно) лишь к концу 1944 года. Советский Союз взял не столько количеством (за время войны мы выпустили почти вдвое больше военной продукции), сколько качеством, большей эффективностью, большей концентрацией ресурсов (на тысячу тонн стали наша промышленность выпускала впятеро больше вооружений, чем немецкая).

Критической была нехватка людских ресурсов: на оккупированных к осени 1942 года (время максимального продвижения гитлеровцев в глубь страны) территориях проживало 42% населения — около 80 млн чел., из которых лишь 17 млн ушли в армию или смогли эвакуироваться.

Дефицит рабочих рук добровольно заменили женщины, подростки, старики; рабочий день продлился до 10–14 часов (часто люди действительно жили около своих рабочих мест), отпуска были отменены, выходные стали редкостью. Доля женщин в промышленности с 1940-го (когда перевод страны на военные рельсы уже начался) по 1942 год выросла с 38 до 53%, молодёжи до 18 лет — с 6 до 15%.

Доля женщин среди трактористов выросла с 4% в начале 1940 года до 45% в 1942 году, среди комбайнеров — с 6 до 43%, среди шофёров на селе — с 5 до 36%, среди бригадиров тракторных бригад — с 1 до 10%.

Экономическое положение людей было тяжёлым: карточная система, стимулируя ударный труд занятых в наиболее важных сферах, остальным обеспечивала лишь минимальные потребности в продовольствии (хотя, например, военнопленные снабжались по нормам городских иждивенцев, в то время как у немцев нормы их снабжения были в разы ниже). Карточное распределение часто давало сбои, а на сохранённых рынках цены были спекулятивно высоки и недоступны для большинства людей. Горожане часто вынуждены были обменивать вещи на еду в деревне.

Предприятиям и учреждениям выделялись прилегающие к ним колхозные земли под огороды, которые кормили сотни тысяч семей.

Однако снабжение тканями, одеждой, обувью было дезорганизовано: купить в магазинах их было почти невозможно, а по карточкам они распределялись через предприятия в крайне ограниченных объёмах.

Жилищная проблема обострилась невероятно, особенно для эвакуированных: часто они размещались в совершенно не приспособленных для жизни помещениях и не имели (по крайней мере вначале) ни продовольствия, ни топлива для обогрева.

Сельское хозяйство было подорвано: мужчины ушли в армию, а трактора, автомобили и лошади были изъяты для нужд армии. В деревнях остались женщины, дети, старики и инвалиды; пахали на коровах или на себе, большинство работ выполнялось вручную.

Урожай колхозов и совхозов забирался государством практически полностью, зачастую не оставляли даже посевного материала; планы, как правило, завышались. Деревня выживала в основном за счёт подсобного хозяйства. Сбор зерновых упал с 95,5 млн т в 1940 году до 30 млн т в 1942 и 1943 годах, поголовье круп-

ного рогатого скота сократилось вдвое, а свиней — в 3,6 раза.

Параллельно с переносом промышленной базы на восток, в районы, не затронутые войной, в них форсировалось развитие сельского хозяйства.

Так, колхозные посевы зерновых культур в восточных районах СССР выросли в тяжелейшем 1942 году до 2,3 млн га по сравнению с довоенным 1940 годом. При этом посевы в колхозах центра и Поволжья несколько сократились, а за Уралом выросли: в частности, на Дальнем Востоке на 30%, в Средней Азии на 20%.

Посевные площади под картофель и овощи выросли в 1942-м по сравнению с 1940 годом в Сибири на 44%, на Урале на 37%, в Средней Азии и Казахстане на 32%, на Дальнем Востоке на 30%.

По мере освобождения оккупированных территорий там налаживалось сельхозпроизводство, что привело к резкому росту сбора зерна уже в 1944 году.

Передвинулись на восток и посевы технических культур: в 1942 году на Дальнем Востоке они были выше уровня 1940 года на 37%, в Сибири — на 27%.

Огромные потери скота из-за оккупации вынудили начать форсированное развитие в восточных районах и животноводства. Колхозы этих районов увеличили поголовье крупного рогатого скота с 11,4 млн голов на начало 1941 года до 12,5 млн голов на начало 1943 года, овец и коз — с 28,1 до 34,2 млн голов.

На начало 1945 года в СССР по сравнению с наихудшим временем — началом 1943 года поголовье крупного рогатого скота выросло на 15,8 млн, овец и коз — на 8,4 млн, свиней — на 2,8 млн и лошадей — на 1,7 млн голов. Принципиально важно, что рост поголовья скота происходил как в освобождённых, так и в тыловых районах, как в колхозах, так и у крестьян в единоличном пользовании.

Несмотря на страшные лишения, советские люди отдавали все силы борьбе за свою страну, за сохранение своего образа жизни.

Созданный нацистами и навязываемый либералами миф о тотальной нищете народа «под гнётом озверелых безумных коммунистов и кровавых палачей-чекистов» не выдерживает столкновения с фактами: например, с тем, что за счёт добровольных пожертвований советских людей, в том числе колхозников, были построены более 2,5 тыс. боевых самолётов, несколько тысяч танков, артиллерийских орудий, более 20 подводных лодок и военных катеров.

По всей стране люди сдавали на нужды фронта семейные ценности, тёплую одежду, перечисляли часть зарплаты. Помимо этого распространялись облигации госзаймов (их подписчиками стали более 70 млн чел.), за счёт которых бюджет получал около 10% доходов. Несмотря на общую бедность, более 5,5 млн чел. регулярно сдавали кровь.

Напряжение всех сил привело к тому, что не только у фронтовиков, но и у большинства работавших в тылу людей из-за неимоверных физических и моральных перегрузок, а также недо-

едания и плохих условий жизни было подорвано здоровье. Поэтому лозунг о героическом подвиге именно всего советского народа вполне соответствует истине.

ПОМОЩЬ СОЮЗНИКОВ

Хотя предоставление материально-технической помощи западных союзников началось уже в октябре 1941 года, следует помнить, что основная её часть поступила уже на завершающем этапе войны, когда её исход был очевиден. Поэтому её значение существенно меньше, чем доля поставленной продукции в объёме советского потребления.

Тем не менее помощь по ленд-лизу составила около 10% полученных советской армией самолётов (лучше наших), 12% — танков и самоходных артиллерийских установок (хуже наших), 2% артиллерийских орудий. Поставки автомобилей (джипов и грузовиков) более чем в пять раз превысили советское производство.

Доля ленд-лиза в поставках народному хозяйству Советского Союза мясных консервов составила 83%, олова — 69%, кобальта — 58%, алюминия — 52% и животного жира, шерсти — 51%, автомобильных шин — 48%, меди — 43%, сахара — 40%, высокооктанового авиабензина — 19%.

Наша страна получила почти 2,6 млн т. нефтепродуктов, 44,6 тыс. металлорежущих станков, 1860 паровозов, 11,3 тыс. железнодорожных платформ, 517,5 тыс. т цветных металлов, 422 тыс. полевых телефонов, более 15 млн пар обуви, почти 70 млн кв. м шерстяных тканей, 4,3 млн т продовольствия — всего на сумму (с учётом стоимости перевозки) около 11 млрд долл.

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

В начале войны вместе с фронтом рухнул и бюджет. Доходы упали до 177 млрд руб. в 1941-м и до 165 млрд руб. в 1942 году.

В начале войны на оборону страны были направлены накопленные

бюджетные резервы, свободные средства госпредприятий и хозяйственных органов (фонд директора, излишки собственных и оборотных средств).

В первый же день войны было прекращено кредитование под обеспечение государственных облигаций, а выплаты сберкасс по вкладам были ограничены 200 руб. в месяц.

Во второй половине 1941 года были установлены военные надбавки к подоходному и сельскохозяйственному налогу, которые с 1942 года были заменены военным налогом (12% от заработной платы). Были повышены цены на водку, табак и товары не первой необходимости; на всю войну были заморожены выплаты отпускных.

Перебои с хлебом начались уже в конце июля; в Москве карточки были введены с 16 июля, по всей стране — с 1 сентября 1941 года.

Четыре военных займа у населения дали 90 млрд руб. — значительно больше, чем предполагалось. Прекрасным изобретением в условиях отчаянного дефицита самых разнообразных вещей

стали денежно-вещевые лотереи, принесшие в казну 12 млрд руб.

В результате титанических усилий по налаживанию военного производства и восстановлению хозяйства на освобождённых из-под оккупации территориях с 1943 года доходы государства начали увеличиваться. В 1944 году они достигли 180 млрд руб. (причём налог с оборота и отчисления от прибыли выросли по сравнению с 1942 годом в полтора раза — с 81,3 до 127,6 млрд руб.), а в 1945-м подскочили до 302 млрд руб.

В 1941–1945 годах на военные нужды было направлено 50,8% расходов бюджета; это значит, что во время войны военные расходы составляли значительно более половины всех государственных расходов. В 1945 году около одной пятой расходов пошло на восстановление и развитие хозяйства, а более одной пятой — на развитие социально-культурной сферы.

В первый период войны резкое наращивание военных расходов при сжатии доходов привело к возникновению

значительного дефицита бюджета, который покрывался эмиссией.

Бюджетный дефицит в 1941 году составил 4,4 млрд руб., в 1942 м — 17,8 млрд руб. (9,6% бюджетных расходов), в 1943 году — уже лишь 5,6 млрд руб. (3% расходов); сокращение дефицита было вызвано не только восстановлением хозяйства, но и поставками по ленд-лизу. В 1944 году дефицитность бюджета была преодолена, а эмиссия на его покрытие прекращена, однако объём денег в обращении вырос в 2,4 раза за первые три года войны (за время дефицитности бюджета), а к концу войны — в 3,8 раза.

Это не могло не вызвать инфляцию, однако торговая система состояла из трёх частей: основная — государственная торговля (в основном по карточкам), фиксированные цены которой заметным образом не увеличивались в течение войны, а также торговля по коммерческим ценам (через которую местные власти имели право реализовывать разного рода «излишки») и свободная торговля (колхозные

рынки и разнообразные спекулянты). Помимо этого заметная часть товаров распределялась по предприятиям.

Товарное покрытие наличной рублёвой денежной массы (рассчитываемое по товарам исключительно в государственной торговле по фиксированному государственному ценам) к 1945 году было почти в 3 раза меньше, чем в 1940-м. Средняя зарплата рабочих в 1944 году была на 53% выше по сравнению с 1940 годом, в то время как объём розничной торговли сократился на 30% (основное его сжатие пришлось на 1941 год).

Значительная часть товарооборота перетекла в «коммерческую» и в свободную торговлю. С учётом этого общий рост цен на потребительские товары в стране за 1940–1947 годы оценивается в 7 раз (при этом что товары по карточкам подорожали незначительно). Максимальный уровень цен на рынках был зафиксирован в конце 1942-го — начале 1943 годов, когда они превысили довоенный уровень примерно в 17 раз, а затем начали снижаться.

Тем не менее денежное обращение в целом носило регулярный характер, который обеспечивался дееспособностью (при всех неизбежных пороках) системы карточного распределения, сохранением твёрдых цен на нормируемые товары и неизменностью закупочных цен на сельхозпродукцию.

После денежной реформы и отмены карточек в 1947 году в ходе регулярных снижений 1947–1954 годов потребительские цены были уменьшены в 2,2 раза.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Советская система управления отличалась ясным, незамутнённым стратегическим видением, в ключевых вопросах политики свободным от каких бы то ни было идеологических шор, опиравшимся на тщательную высокопрофессиональную проработку самой разнообразной информации. Именно поэтому она начала переход на военные рельсы заблаговременно, заботясь об эффективности, а не о политкорректности, — не когда Гитлер

напал на нас, а когда война стала окончательно неизбежной.

Сверхцентрализация, сформировавшаяся в ходе вошедшего в историю как «большой террор» 1937–1938 годов восстания партийной номенклатуры против попытки демократизации, закреплённой в Конституции 1936 года, начала ослабляться ещё во время финской войны. Всё большее влияние на принятие решений оказывали специалисты, всё более демократичным становился механизм их принятия.

По ходу войны Сталин всё менее вмешивался в управление военными действиями, всё больше передавая выработку и принятие решений военным, что повышало успешность военных действий (Гитлер же, напротив, всё больше вмешивался в принятие военных решений, что неуклонно снижало их эффективность).

Важную роль сыграл и личностный фактор: сверхответственность не только Сталина, но и почти всех представителей тогдашней элиты, прилагавших все силы для спасения Родины.

Характерно, что даже в условиях катастрофической нехватки, а часто и полного отсутствия жизненно необходимых ресурсов сохранялась, а часто и создавалась конкуренция между различными конструкторскими бюро, создававшими необходимые образцы техники, и разнообразными проектами во всех сферах общественной жизни. Именно внутренняя конкурентность советского общества, неразрывно сплавленная в диалектическом единстве с солидарностью, стала ключевым фактором его силы.

На среднем и низком уровне управления и на фронте, и в тылу в основном стихийно, под влиянием категорической необходимости повышалась свобода исполнителей, стимулировалась инициатива, делегировалась ответственность.

При этом в нашей стране, в отличие от Германии и тем более ее сателлитов, коррупция носила незначительный характер и не влияла на принятие решений. Региональные власти были встроены в единую систему управления и также коррумпированы в минималь-

ной степени, в то время как в Германии проблема тотальной коррупции гауляйтеров и их окружения так и не была решена до самого уничтожения рейха.

Именно в силу описанного советская система управления справилась с труднейшими задачами эвакуации и восстановления производства, снабжения фронта, мобилизации огромной и невероятно разнородной страны.

Именно поэтому она на голову превосходила по своей эффективности системы управления не только фашистской Германии, но и союзников по антигитлеровской коалиции.

Жёстко централизованная система управления смогла весьма эффективно стимулировать научно-технический прогресс. Далеко не сводимая к «шарашкам и шпионажу» система управления творческим трудом, позволившая стремительно создать атомное и водородное оружие, средства их доставки, систему ПВО и электронику, и сегодня ещё ждёт своего исследователя. А ведь килотонны издаваемой на эту тему литературы показывают: проблема управления творчеством так и не решена «цивилизованным миром».

СТАЛИНСКИЙ РЫНОК

Важным фактором прочности советской экономики, фатально недооцениваемым в настоящее время, было достаточно широкое развитие в ней рыночных отношений, выкорчеванных лишь Хрущёвым (так как они мешали всевластию партхозноменклатуры).

Принципиальный толчок дала зависимость от внешних рынков: когда зерно подешевело из-за «великой депрессии», нужные для выживания в войне средства мог дать лишь экспорт леса: это вызвало не только рост ГУЛАГа как производственного комплекса, но и возникновение в нём хозрасчета. При всей жестокости («убивает большая пайка, а не маленькая») последний показал эффективность, и в феврале 1941 года пленум ЦК ВПК (б) принял решение о его распространении на остальную экономику, сорванное войной.

Но и безо всякого хозрасчета малый бизнес, называвшийся коопера-

цией, давал перед войной не менее 6% промышленной продукции (что, насколько можно судить, выше нынешнего уровня), включая 40% мебели, 70% металлической посуды, почти все игрушки. На 114 тыс. предприятиях промышленности (в Москве в 1936 году их было 15 тыс.) работало 1,8 млн чел.

Первые советские ламповые радиоприёмники (с 1930 года), радиолы (с 1935 года) и телевизоры (с 1939 года) выпускала ленинградская артель «Прогресс-Радио». В предпринимательском секторе работало около ста конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и даже два полноценных НИИ. Промкооперация имела свою пенсионную систему (которой в то время было лишено село), потребительское и даже жилищное кредитование, не существовавшее в то время в других секторах экономики.

Её льготы превосходили сегодняшние льготы малого бизнеса, а руководители предприятий, помимо прибыли, поощрялись наряду с промышленными руководителями сопоставимого уровня — от помещения портретов на «доски почёта» до награждения государственными наградами.

Торговля сельхозпроизводителей облагалась налогом в 3% с оборота, что делало ненужным бухгалтерский учёт. Попытки отрезать их от рынков сбыта и закабалить (в чём практически беспрепятственно и безнаказанно преуспевает сейчас мафия) карались беспощадно. Регистрация промысловых артелей занимала менее дня.

Высмеиваемое либералами послевоенное понижение цен выражало стремление обеспечить эффективность рынка для общества — вплоть до бесплатности основных жизненных благ. Именно оно позволило отменить карточки в разрушенном СССР в 1948 году (их возвращение началось в 1975-м), притом что в США они были отменены в 1947-м, во Франции в 1949-м, в Англии — в 1954 году.

Рынок воспринимался «донельзя идеологизированным», как сейчас полагают, руководством Советского Союза как необходимый на соответствующем этапе хозяйственного развития ин-

струмент достижения общественного блага — и весьма эффективно использовался в этом качестве и до, и во время войны (хотя понятно, что война с её отчаянием и тотальным дефицитом резко сжала пространство для развития нормальных рыночных отношений и поощрила спекуляции всех мастей).

Мало известно, что в рабоче-крестьянской Красной армии с самого начала войны существовала жёсткая и неукоснительно выполнявшаяся шкала денежных выплат и наград за личное уничтожение техники и живой силы противника, а также нанесение иного урона (например, взятие в плен офицеров противника, обладающих важной информацией).

Разумеется, многие солдаты и офицеры не интересовались этими выплатами — однако они осуществлялись и внесли свой вклад в Победу. Правда, значительно меньший, чем предполагали создававшие эту систему советские экономисты: недаром существующая до сих пор проблема «солдатских и офицерских денег», не востребованных со времён войны (и не только из-за гибели тех, кому они начислялись, но и из-за отсутствия интереса людей к этой теме), не воспринимается обществом — в отличие, например, от «сгоревших» в 1992 году вкладов в Сбербанке.

СИСТЕМА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Важным фактором невероятной эффективности советской экономики военного времени, помимо героизма советских людей и качественного управления, был практически полностью забытый в настоящее время «метод повышения эффективности», применявшийся в высокотехнологичных (прежде всего оборонных) отраслях советской экономики с конца 30-х по середину 50-х годов, а в Японии — с первой половины 50-х. По некоторым оценкам, в нашей стране он применялся даже в совхозах и на машинно-тракторных станциях.

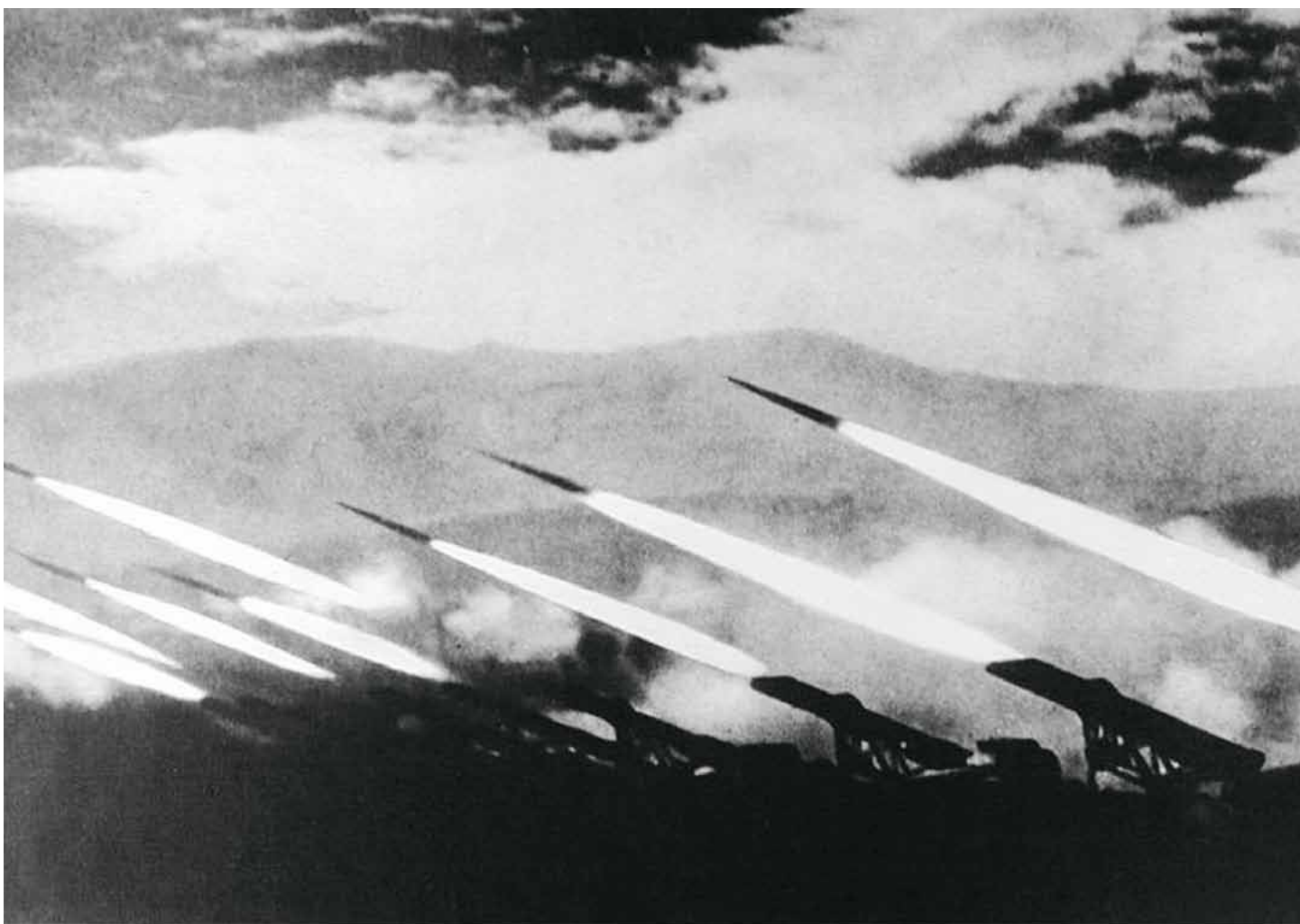
Его основой являлся тщательный расчёт экономического эффекта

от улучшения всех значимых параметров каждого продукта с постоянным (на всё время производства продукта, а не на первое время, как было сделано при Брежневе) выделением улучшившему эти параметры трудовому коллективу постоянной (и притом значительной) части этого эффекта в качестве премии. При этом даже при разработке новых изделий (не говоря о серийном производстве) премиальная шкала была известна всем ещё до начала работ.

Половина этой премии делилась поровну на всех без исключения членов трудового коллектива, а другая половина — между изобретателем, придумавшим способ улучшения производственного процесса, и руководителем, взявшим на себя риски реализации инициативы изобретателя. Причём при разработке новых изделий, например, премии выплачивались сразу после приёмки результата государственной комиссией (буквально в тот же день), если в её акте о приёмке отмечалось улучшение характеристик изделия по отношению к техническому заданию.

Помимо пробуждения массового энтузиазма и стимулирования прогресса данный метод сплачивал трудовые коллективы (как на производстве, так и в науке) и вынуждал их всеми силами выявлять в своих рядах и поддерживать потенциальных изобретателей, что также обеспечивало рост эффективности. Ведь успех одного распространялся на всех — и люди становились друзьями друг другу (в данном случае был учтён трагический опыт стахановского движения, когда успех ударника наносил ущерб доходам и статусу остальных, что разрушало коллектив).

Главная особенность данного метода заключалась не столько в стимулировании творческой активности огромных масс людей и быстром выявлении самых разнообразных талантов, сколько в кардинальном изменении психологии работников и изменении их отношений друг с другом. Возникали коллективы в полном смысле этого слова: каждый работник создавал свою значимость для общего дела и с охотой выполнял

любую необходимую часть общей работы, даже если она не соответствовала его статусу или формальным обязанностям. Становились нормой взаимная доброжелательность и взаимопомощь. Члены коллектива начинали считать себя самодостаточными личностями, а не простыми и легко заменимыми элементами сложного механизма.

Качественно менялись отношения руководителей с сотрудниками: вместо приказов первые старались объяснять им их роль в общем деле. Принципиально важно, что по мере формирования новой психологии в коллективах исходные материальные стимулы постепенно отходили на второй план и переставали быть главной движущей силой: будучи первоначально простым приспособлением артельных норм к индустриальному производству и русской психологии, метод повышения эффективности преобразовывал

традиционные трудовые отношения в нечто настолько новое, что лозунги о коммунистическом характере труда и новой исторической общности людей переставали казаться чем-то оторванным от повседневной жизни.

Именно благодаря применению описанного метода повышения эффективности в оборонной промышленности, несмотря на огромные проблемы, связанные с организацией производства, постоянно шло неуклонное совершенствование технологических процессов. Себестоимость большинства образцов вооружений за время войны была снижена в 2–3 раза, и даже производство легендарной «трёхлинейки» Мосина, выпускавшейся с конца XIX века, стало в 1,6 раза дешевле.

Советский Союз потерял более 30% национального богатства, но побе-

дил в Великой Отечественной войне — в том числе управленчески и экономически. Плановая экономика, соответствовавшая потребностям индустриальной эпохи, и социалистическая система хозяйствования убедительно, в предельно доступной форме доказали своё качественное превосходство над государственно-монополистическим капитализмом объединённой Гитлером Европы.

Страшным упреком современности служит развитие конкуренции, последовательно обеспечиваемое даже при отчаянной нехватке ресурсов. Фактическая ликвидация государством конкуренции между проектами и конструкторскими коллективами в важнейших исследовательских и в первую очередь оборонных сферах представляется реальной угрозой обороноспособности, а следовательно, и самому существованию нашей страны.

Страна СВЯТЫХ и героев

*В Омске в декабре 2014 года состоялось заседание
Изборского клуба на тему «Обновлённый образ
России в идеологии, культуре, образовании»*

Виктор НАЗАРОВ,*губернатор Омской области:*

— Александр Андреевич, дорогие друзья, я рад приветствовать Изборский клуб на омской земле. Здесь собрались разные люди, но при этом каждая личность ярка и своеобразна. Вы — патриоты с активной гражданской позицией и собственным видением того, по какому пути наша страна должна идти и как развиваться. Каждому из собравшихся здесь присуще чувство любви к нашей Родине, волнение и тревога за её завтрашний день и за будущее подрастающего поколения молодых россиян. И уверен, что наш разговор поможет найти ответы на волнующие всех нас вопросы.

Александр ПРОХАНОВ:

— Виктор Иванович, уважаемые коллеги, спасибо, что пригласили нас в свой солнечный морозный край.

Задача Изборского клуба амбициозна и пафосна — создание новой идеологии государства Российского. И хотя в Конституции написано, что ни одна идеология не может быть главенствующей, Россия все эти годы жила в недрах либерального проекта, который был заимствован из западных цивилизаций, определял наше развитие, состояние умов. И когда этот проект исчерпал себя (до конца он себя не исчерпал, он пребывает в остаточных формах, главным образом, в экономике), появилась насущная потребность заменить его идеологией, в которой государство могло бы развиваться спокойно и мощно. Такая идеология и создается Изборским клубом.

Виктор НАЗАРОВ:

— В этой связи хотелось бы отметить, что в России уже давно созрело понимание, что активное навязывание нашему обществу западных ценностей, которое имело место в недалеком прошлом, во многом можно расценивать

как попытку духовного покорения страны мирным путём. И сейчас мы возвращаемся к традиционным консервативно-национальным взглядам и ценностям, которые обеспечат связь поколений и будут способствовать единству нации.

Национальное самосознание, идентичность, патриотизм, межэтнический мир и согласие — тот обновлённый образ страны, о котором говорит президент Владимир Владимирович Путин. И Омскую область, в которой проживает больше 120 национальностей и представители многочисленных религиозных конфессий, можно назвать примером мирного сосуществования разных наций и культур.

Омск — признанный центр экономической, социально-политической и культурной, спортивной жизни обширного региона. Именно из Омска когда-то управлялся гигантский регион вплоть до Алтая. И сегодня Омск экономически прочно связан с Центральной Азией. Экономические контакты опосредованно, но при этом сильно влияют на общество, на его связи и настроения.

Омск — научный и образовательный центр: тысячи студентов получают образование и защищают диссертации на территории Омского региона. Этот и другие факторы дают тот эффект, что формирует открытость, толерантность и у людей, и в обществе в целом.

Региональные особенности Омской области во многом обусловлены его геополитическим положением. Нас как приграничный регион, характеризующийся большим количеством и интенсивностью контактов с азиатскими соседями, можно уже сегодня называть «воротами в Азию». И в странах Центральной Азии, и в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане сегодня остро ощущается потребность пропаганды позитивного образа нашей страны. Важная роль в этом отведена российской культуре,

политике и средствам массовой информации. Если для взрослой части населения России и приграничных государств традиции добрососедства — не пустой звук, то с молодым поколением нужно вести целенаправленную работу. Конечно, наше советское прошлое говорит о том, что мы — братья и едины, но, к сожалению, у молодого поколения сегодня эта традиция уже ослаблена. Если не предпринять активных шагов в данном направлении, то наметившаяся отчужденность будет усиливаться, а это противоречит, прежде всего, внешнеполитическим интересам России, для которых Центральная Азия — один из приоритетов внешней политики. Решение проблемы — в организации полноценного сотрудничества и общения между странами в разных сферах. Нужно, чтобы не только у жителей России формировался позитивный образ азиатских государств, но чтобы и у азиатских стран формировалось позитивное отношение к России. Очень важна взаимность в выстраивании отношений и такие встречные движения, как, например, у нас с Казахстаном. Отношения между Россией и Казахстаном называют эталоном интеграции на всем постсоветском пространстве. Русская Сибирь, Русский мир в Азии сегодня становятся уважаемой реальностью, которую нужно и бережно поддерживать, и развивать.

Александр ПРОХАНОВ:

— Мы сегодня хотим говорить об обновлённом положительном образе России. И говорить в очень жёстких и сложных условиях, условиях кризиса, тьмы, которая надвигается на нас со всех сторон, в условиях народного смущения, недовольства, связанного со скачками наших денежных ресурсов. Стремительно разоряется малый, средний бизнес, огромные затруднения у корпораций. У людей на душе неспокойно.

Но чем сложнее обстановка, тем необходимее говорить о позитивном образе России как таковой: сегодняшней, вчерашней, завтрашней — вечной России. Потому что схватка, которая сейчас ведётся в мире, — это схватка не только вооружений, не только систем залпового огня или подлётного времени ракет, не только схватка технологий и военных организаций, не только схватка политических конструкций и моделей. Это схватка космогоничных представлений и взглядов.

То, что Советский Союз разрушился в два дня и никто не вышел защищать его, — либеральная ложь. Советский Союз был разрушен в течение четырёх с половиной лет перестройки, когда день ото дня разрушались все смыслы, наполняющие советское государство. Когда они все сметены, перемолоты, от государства остаётся только неуправляемое пространство. Поэтому схватка смыслов, схватка высоких вероисповеданий происходит повсеместно. Это один из самых драматичных моментов.

Когда вернулся Крым, практически все ликовали по поводу того, что Крым — с нами, что опять объединилась огромная часть Русского мира, мы сломали уныние, в котором пребывала Россия после 1991 года. Присоединение Крыма многие считали русским чудом, русским солнцем. Но вслед за бескровным присоединением Крыма наступила кровь Новороссии. Новороссия, кровью умытая. На нас обрушились чудовищные санкции, которые являются не просто экономическими. Это экспансия особого рода, начало холодной войны-2.

И у определённой части народа, который ликовал по поводу присоединения Крыма, наступило недовольство. Русское чудо для некоторых сменилось русской смутой, русской неудачей. И это поведение народа, который всегда наивен, порой слишком легкомыслен и быстро меняет своё обожа-

ние на скептицизм, забывает своё мессианство, — оно является частью нашего национального сознания. И необходимо по-прежнему бороться за философию русского чуда, неповторимости, чудесности и божественности, может быть, русской истории.

В последней своей речи президент сказал, что мы присоединили Крым не только как территорию, не только как земли, населённые русскими, как базу Черноморского флота, стратегический район. Мы присоединили Крым как сакральную часть России. Потому что в Крыму, в Херсонесе, произошло крещение князя Владимира, и свет православия хлынул по гигантским пространствам вплоть до Тихого океана, через Омск, Иркутск... И присоединение Крыма было священным историческим актом. Это удивительное заявление Путина. Потому что, если посмотреть, как преобразуется в сознании нашего народа образ родной истории, видно, что сквозь копоть 90-х годов опять начинает сиять священное солнце русской неповторимости и русского чуда. И лучше всего это просматривается на мирознании президента Путина.

В первые годы, когда его спрашивали: «Кто вы, мистер Путин?» — он говорил: я — менеджер, я был приглашён на работу, чтобы её выполнить и по завершении срока уйти. Этим заявлением он ничем не отличался от западных политиков, которые являются не национальными лидерами, а наёмными менеджерами. Позже, усталый, он в сердцах сказал: «Я — раб на галерах». А во время своей первой Валдайской речи (я был на этой конференции и задал ему вопрос: «Владимир Владимирович, скажите, а что для вас такое проект «Россия», которым вы занимаетесь?») он воскликнул: «Россия — это не проект! Это судьба!»

Он — не менеджер и не раб на галерах, он поставил тождество

между своей судьбой и судьбой страны, в которой родился и в которой умрет. Это была потрясающая экзистенциальная вспышка, где он соединил себя с родной историей.

А сейчас он сказал, что русская история священна, сакральна, наполнена мистической светоносной силой, которая пролилась из Херсонеса. И он, президент, является президентом не просто страны и управляет не просто историческим временем, он находится во власти мистического русского исторического времени. Это огромный прогресс в его духовном становлении.

Что же такое — русское время? Что такое — русская история? На чём зиждется русское государственное самосознание? В чём константа современной идеологии? Ведь идеологии не создаются за круглыми столами, во время дебатов, дискуссий. Идеологии создаются на полях сражений, во время великих переселений, непосильных трудов, на переломах истории. Идеология для государства — это не статусный фантик, это объёмы, через которые государство идёт к своим победам. Это народный опыт, который позволяет народу осознать мессианство своей сущности и выиграть очередную историческую битву.

Какие же константы удаётся прощупать на русском поле?

Константы таковы. Русская история — это история нескольких империй, которые в своём развитии достигали удивительного цветения, высоты и мощи, а потом обрушивались в пропасть, исчезали там бесследно. И русская цивилизация движется загадочной синусоидой, возносящей её то к вершинам цветения, то опрокидывающей в никуда, в преисподнюю. Таких империй мы насчитываем четыре или пять.

Под словом «империя» я понимаю симфонию, гармонический синтез, соединение великих про-

странств, населяющих эти пространства народов, культур, верований, потенциалов развития, всего того грандиозного цветения, которым отличалась русская государственность изначально, от первых часов её возникновения. Если кого-то ранит слово «империя», давайте заменять это словом «держава» — многонациональная держава.

Первая империя — это Киевско-Новгородская Русь. Вторая империя — Московское царство. Третья — Романовская 300-летняя империя. И советская — четвёртая — империя. Она была великой империей. Потому что за 70 лет своего существования совершила величайший акт: Победа 1945 года — это вселенская победа света над тьмой, победа божественных, райских смыслов над смыслами ада, тьмы.

Эта империя тоже источилась: после 1991 года, после ГКЧП разверзлись тьма и пропасть. И вот государство опять начало подниматься, строиться. Я называю это Пятой империей. Хотя эта империя потеряла гигантские пространства, ушли многие народы. Но в своей предвыборной статье, посвящённой национальной политике, Путин сказал: «Национальное государство не состоялось». Если не национальное, то какое?

По-прежнему мы являемся империей со множеством народов, ценностей, векторов, которые только в империи могут получить своё осмысление, свой симфонизм. И каждый народ нашей страны является имперскообразующим народом.

Поэтому первый идеологический постулат таков: российская государственность во все века

и ныне — это симфонизм народов, культур и ценностей. Это держава. Или империя.

Русская государственность — это державная государственность.

И второй постулат. Во все времена, от волшебных сказок до современных многомудрых трактатов, звучит идея справедливости. Универсальная божественная категория, по которой создавался наш мир, — это справедливость. Справедливость — высшая ценность для русского народа. Она наказывает зло, насилие, попрание одного человека другим. Но не только. Наказывает саму смерть, которая является высшей несправедливостью по отношению к людям. В наших сказках преодолевается смерть: молодильное яблоко, живая вода, воскрешение царевны поцелуем. Идея борьбы с несправедливостью — это ко-

ренная, глубинная идея русского сознания.

Мир, замученный кризисами, мечтает о справедливости. Справедливость должна гармонизировать жизнь Земли.

И справедливость в давние времена сложилась в представление о России как о Святой Руси. Святая Русь возникла в Херсонесе. А потом перемещалась вместе с русской историей, русским временем. Святая Русь движется по историческому времени вплоть до наших дней. Великая Отечественная война, с её жертвами, муками, — это Святая Русь. Христос вместе с нашими солдатами горел в танках, ходил под Сталинградом в атаки, он был вместе с Карбышевым, которого обливали ледяной водой, и тот умирал как свято-мученик.

Надо сказать, что русская, да и любая жизнь персонифицирована: политика, культура, регионы персонифицированы. Генерал Карбышев — «гений места» Омска. В нём слились несколько потоков русской истории, которые, казалось бы, противоречат друг другу. Его духовная традиция — это традиция кастового дворянина, он офицер, в нём — русская офицерская традиция. И он был военным спецом, интегрированным в Красную армию. Соединил в себе «красное» и «белое». Умер

он как красный герой, мученик, наряду с Талалихиным, Гастелло, Космодемьянской. Он умер за Советский Союз.

Но теперь, когда война и Победа осознаются как священные, то он — Христов мученик. Явные черты христианского мученика: он умер под пыткой, под ледяной водой. И эта вода стала святой.

Омск мог бы сделать его символом, где все русские потоки слились, и Омск его интерпретирует как нового святого. Карбышев мог бы быть центром, вокруг которого вся сегодняшняя омская идеология, чающая победы, справедливости, подвига, соединения «красного» и «белого», оборонно-промышленного комплекса, была бы соединена.

И если Карбышев — Христов мученик, то он умер за божественную справедливость.

И второй постулат — справедливость. Мы живём в очень несправедливом обществе. Но задача государства в том, чтобы внести справедливость. Я думаю, что одна из последующих речей президента будет посвящена справедливости как неизбежном шаге в понимании русской судьбы, русского мессианства.

Третье — развитие. Империи падают, если не развиваются. Нам необходима модернизация, необходим рывок. Омская область

демонстрирует крупнейшие приросты в оборонно-промышленном комплексе. Можно это назвать развитием и рывком или это эволюционный процесс? Мне кажется, это уже начало развития, это уже преобразование техносферы, переход ее на новый цивилизационный уровень.

Алтари — это те места, где вершится и прокламируется божественная справедливость. А оборонные заводы — места, где обеспечивается национальная безопасность.

Владислав ШУРЫГИН,
военный обозреватель
газеты «Завтра»:

— В течение года мы наблюдаем процессы на Украине, в Новороссии. Видим творящийся ужас, являемся частью этого ужаса, потому что в ответ на нашу поддержку Новороссии нас подвергли жесточайшему прессингу санкций. Многие люди пытаются найти для себя ответ на вопросы: как это можно остановить? как можно было предотвратить? Если бы не было этого противостояния, если бы мы не уцепились за Новороссию, не стали помогать, если бы мы не пришли в Крым, если бы можно было урезонить горячие головы и договориться с американцами, мы могли бы вернуться в тихое время?

Но необходимо понимать: то, что происходит, — вещь системная, и вопрос «если?» получает ответ, когда мы исследуем, что же происходило.

Почти 24 года основной концепцией нашего государства было невмешательство в какие-либо процессы в мире. Основная военная, государственная доктрина, которая тогда провозглашалась, это доктрина отсутствия противника. Нам говорили, что противника — нет, что весь мир — коллектив единомышленников, что нам необходимо объединяться, и основной путь — это путь уступок, согласия и встраивания в то, что называется цивилизованным миром.

Результатом этого пути стала практически полная изоляция России. За эти годы был переварен Варшавский договор, и он фактически стал частью НАТО. Взломан бывший внутренний обвод нашего мира — Советский Союз, и часть стран тоже стали членами НАТО, а часть находится «при дверях».

А год назад произошло вторжение на Украину, которое спровоцировало все нынешние события. Это вторжение провели США, которые очень хорошо понимали, что делают.

Почему это произошло? На тот момент Россия впервые начала заявлять о собственных национальных интересах. Впервые президентом была провозглашена концепция, что Россия — независимая суверенная держава, у нас есть собственные национальные интересы. Мы впервые стали в эти интересы вкладывать ресурсы, началась эффективная военная реформа. И на это последовал немедленный ответ.

То, что сейчас происходит, — это холодная война. Её невозможно остановить тем, чтобы закрыть границу с Новороссией и сказать: «Мы больше не будем, простите нас!» Невозможно остановить, даже пойдя на большие уступки, — потому что эта война носит

системный характер. И главное оружие в ней — организационное.

Год назад в рамках Изборского клуба был подготовлен доклад по военной реформе. Я позволю себе напомнить ряд тезисов из него. «Что в себя включает непосредственное воздействие того, что называется оргоружием? Это раскол элиты общества как финальная стадия направляемого кризиса, деморализация армии и военной элиты, искусственная непрерывная деградация внутренней социально-экономической ситуации в стране, целенаправленное усиление формирования соответствующих внешних кризисов, постепенное стимулирование социально-политического кризиса, интенсификация различных моделей психологической войны, активизация массовых панических настроений, полная деморализация ключевых государственных институтов, демонизация неприемлемых для США лидеров, лоббирование агентов влияния, интеграция соответствующих схем внешнего управления, уничтожение внешнего коалиционного потенциала стратегического противника».

Если вы приложите это ко всему происходящему, то получите ответ на вопрос, что же происходит с нами. Повторюсь: мы являемся целью и объектом воздействия мощного противника.

Каким может быть ответ? Единственный — мобилизационный проект. Но проблема в том, что часть нашей элиты не только является объектом воздействия со стороны, но является и субъектом воздействия на страну, находясь под огромным влиянием тех сил, которые войну против нашей страны и ведут. Сегодня огромна проблема внутреннего противостояния. Потому-то мобилизационный проект и блокируется.

Мы не можем бросить Новороссию, чтобы якобы в результате договориться с нынешним украинским руководством, со Штатами,

с НАТО. Если мы предаём Новороссию, это порождает громадные проблемы внутри самой России. Политическое руководство России постоянно обвиняют в том, что оно «всех слило», и прежде всего — Новороссию. И любое действие, которое вызывает хотя бы подозрение о том, что мы бросаем Новороссию, приводит к внутреннему кризису в России.

Сегодня мы существуем в условиях двух фронтов. Один фронт — горячий фронт холодной войны — находится на востоке Украины, второй фронт находится внутри нашей страны.

Мы с вами и здесь, в Омске, точно так же находимся на линии фронта. Вы сами отлично знаете, как идёт воздействие, какие применяются технологии для деморализации населения, для его истеризации, как запускаются панические слухи.

Одним из главных стабилизирующих факторов сегодня является громадный авторитет президента. Анализ настроений населения показывают, что главное отличие фактора 1998 и 2008 годов от нынешнего заключается в доверии Путину. Хотя внутреннее напряжение у людей громадное, но 60% опрошенных говорят, что их сдерживает личное доверие к президенту. Он на себя взял громаднейшую ответственность за стабильность страны, но он не может снять с нас ответственность за то, что происходит на местах. И мы с вами — солдаты холодной войны. Не мы её начали, но она к нам пришла.

Валерий КОРОВИН,

директор Центра

геополитических экспертиз:

— Идея обуславливает смысл существования государства. И чем крупнее государство, тем крупнее идея. В своё время мы отказались от идеи построения коммунизма, не завершили этот проект. Это была действительно го-

ловокружительная идея — построение «царства божьего» на земле. Она — в духе той глобальной парадигмы, которая торжествовала сначала в XIX, а затем и в XX веке. Это — проект модерна. Модерн устранил Бога из триады: Бог, Человек и Природа, и оставил человека наедине с природой. В духе модерна и развивалась идея построения царства божьего здесь, на Земле, уже без Бога.

Но когда идея исчезает, исчезает смысл существования государства, и государственность начинает остывать. Государство без идеи неспособно даже поддерживать собственное существование, оно лишь, остывая, распадается на откалывающиеся от него фрагменты. Лишив нас идеи, глобальный Запад избавился от конкурента.

Поэтому если мы говорим об образе будущего России, если Россия для нас ценность, то идти надо — от идеи, и любую проблему решать, сопоставляя её с идеей существования государства. А уже из идеи вытекает идеология как некая «дорожная карта» реализации большой идеи. Идеологию необходимо также выстраивать исходя из идеи существования государства. И уже из идеологии вытекают различные идеологемы.

Но так как мы были лишены идеологии, в идейном и идеологическом вакууме возникло множество суждений, мнений, попыток вернуть идеологию государства. И мы оказались в центре многоголосого хора, в котором каждый на свой лад пытался навязать свои видения развития государства.

У нас есть определённый опыт жизни вне идеологии и есть опыт существования в том проекте, который был навязан России Западом в момент, когда мы отказались от идеи существования своего государства.

И я, обозначив некую сверхцель, какой является идея существования нашего государства,

хочу наметить путь обретения идеологии через отсеечение сущностей, которые категорически не подходят России.

Безусловно, новая идея России и вытекающая из неё идеология — это не западничество. И как правильно сказал Виктор Иванович, западничество есть духовное покорение России мирным путем. Если мы не хотим, чтобы Россия была покорена, должны отсечь западничество во всех его проявлениях: оно является абсолютным ядом для России, и история последних двух десятилетий это доказывает.

Отбрасывая западничество, мы ставим под сомнение сам концепт модерна, который пришёл с Запада, возник в середине XVIII века, весь XIX век развивался и был реализован в виде трёх основных идеологий, вытекающих из модерна. И, отбрасывая вместе с западничеством модерн, ставя его под сомнение, мы тем самым отбрасываем три идеологии модерна.

Первая идеология модерна — либерализм. Либеральный эксперимент 90-х был самым чудовищным периодом в нашей государственности. Либерализм разрушителен для нашего государства. И любое обращение к либеральным рецептам, теоретикам, к тем, кто предлагает либеральные выходы из той или иной проблемы, заведомо разрушительно для нашей государственности.

А что можно сказать о такой идеологической модели модерна, как коммунизм? Коммунизм нам не подошёл по той причине, что полностью отрицает Бога. А Бог является естественной составляющей русского народа, народа-богоносца. И если Бог вычитается из русского народа, тот перестает быть русским народом, совершившим исторические подвиги, народом-идеалистом, народом, который стремится к спасению и за собой ведёт другие народы, спасая их от разложения и бы-

тийной стагнации, которая в основном приходит к нам с Запада.

Третья идеологическая модель, которая происходит из модерна, — фашизм. Фашизм — европейское явление, возникшее на основе этатизма, то есть утверждения ценности государства. Это попытка утвердить целостность и ценность государства на фоне надвигающейся либеральной угрозы в Европе. Но фашизм оперирует таким понятием, как «государство-нация». А это — локальный фрагмент государственности с жёсткими административными границами, с атомизированным гражданином как главной социальной категорией, с общественным договором в качестве цели существования государства. А Россия — огромна, полиэтнична, мультикультурна и мультиконфессиональна. И о каком фашизме можно говорить применительно к России? Он автоматически будет означать распад большого пространства, большой России на множество мелких фрагментов. Всё это пройдет через кровь, агрессию и ожесточение. Фашизм категорически неприемлем для России.

Таким образом, три основные идеологии модерна мы отбрасываем.

Совершенно верно упоминание Александром Андреевичем фразы Путина о том, что проект национального государства в России не состоялся. Именно по той причине, что Россия не может стать единым гомогенным атомизированным пространством, каким является пространство национального государства в Европе. И Россия не может зафиксировать жёсткие административные границы, потому что Россия — это империя, это пульсирующее пространство, которое сжимается и расширяется. И всякий раз границы российской государственности меняются, так что зафиксировать их, создать средние границы российской государственности не-

возможно. И не атомизированный индивид стоит в центре нашего общества как базовая социальная категория, а общинное сознание, коллективные субъекты, народы, этносы. Вообще, любые формы коллективизма и общинности есть наша главная ценность, создающая иммунитет, который защищает нас в период нашествия химер с Запада. Это то, что сохраняет нашу целостность.

Поэтому Россия — не государство-нация. А что тогда? В политологии существует термин «государство-империя», который имеет чёткую формулировку «стратегическое единство многообразия», предложенную европейским социологом Карлом Шмиттом. Приняв без эмоций понятие «государство-империя», мы можем начать некое приближение к формированию идеологии образа обновленной России.

Православие, которое и легло в основу нашей государственности, объединив разрозненные фрагменты восточнославянских, финно-угорских и тюркских княжеств в единое целое, очень ясно заявляет главной целью существования человека идею спасения, то есть обретения Царства Божьего, но уже в его изначальном смысле. Русскому человеку всегда была свойственна идея спасения как главное целеполагание. Русский человек настолько масштабен, что не довольствуется личным спасением, индивидуальным, как свойственно человеку Запада, атомизированному индивидууму, мыслящему исключительно в личных категориях. Русскому человеку недостаточно спастись самому — он спасает народы, пространства, спасает царства. И русская идея заключается в создании империи общего спасения для всех тех

народов, которые входят вместе с русскими в наше общее большое имперское государство.

Алексей КОМОГОРЦЕВ,
главный редактор альманаха «Волшебная гора»:

— Есть два ключевых понятия для развития государственности: это элита и идеология. Слово «идеология» восходит к «идеальный, идеалы». Корни идеального, идеологии уходят в метафизику. У каждого народа существует своё идеальное. Мы должны понять своё идеальное. И на основании этого строить идеологию. Потому что именно идеология поднимает массы. Нам надо визуализировать наши высшие смыслы. Это первое.

Второе. Нам надо понять те смыслы, которыми руководствуется элита наших противников, или, скажем, партнёров. В основании их социально-политической про-

ектности лежат духовные ориентиры. Этим должна заниматься наша элита. Очень важен механизм воспроизведения элиты.

Итак, два осевых момента: механизм воспроизведения интеллектуальной элиты, которая может реализовывать долгосрочные социально-политические проекты, и работа с идеальным: с идеологией своей, с идеологией партнёра или потенциального противника.

Александр АГЕЕВ,
*директор Института
экономических стратегий
Отделения общественных
наук РАН:*

— Чтобы решать проблемы, надо чётко их разделять. Есть проблемы, которые в действительности — не проблемы. Проблемы функциональные — те, которые являются следствием других причин. И есть фундаментальные проблемы. То, что Александр Андреевич назвал «схваткой высоких вероисповеданий», — это и есть фундаментальная проблема.

Что связывает все вероисповедания? Такое понятие, как «жертва», «жертвоприношение». Именно в этом понятии соединяются небо — Бог, экономика и личность. Любая культовая структура имеет четыре главных компонента — это очищение (физическое, духовное, моральное), это путь, который надо пройти, это жертвоприношение и, наконец, это трапеза — торжество причастия.

В государственном измерении жертва оценивается категориями суверенитета и вассалитета. В экономическом смысле эти вопросы оцениваются категориями конкурентоспособности и прибыльности. В плане личностном — это категория личной ответственности: кто ты — жертва или хозяин ситуации.

А кому и чем приносит наша страна сегодня жертву? Богу? Западу? Идолам? Корпорациям? Олигархам? СМИ? Заблуждени-

ям? И чем мы платим за всё это? Платим доходами, имуществом, счастьем в общественной и личной жизни, сроком жизни, а самое главное — типом личности, которая у нас вырастает.

Есть фундаментальные причины всех этих событий, и очень важно понимать их механизм.

За последние двести лет мир существенно изменился. Перед войнами Наполеона на долю стран, которые ныне входят в БРИКС, приходилось 70% мировой экономики, а на долю Запада — 30%. Проходит 150 лет (1950 год), и на долю Китая (до этого занимавшего треть мировой экономики) приходится 5%. Те же самые 30% приходились на долю стран БРИКС, а 70% (маятник перешел в другую позицию) — на долю стран Запада. Что же произошло за эти 150 лет? Нашу историю помним: сначала мы проиграли в Крымской войне, потом сосредоточились, потом то ли выиграли, то ли проиграли в Первой мировой, выиграли во Второй мировой, проиграли в 70-е годы, проиграли холодную войну. То есть мы и жертва, и бенефициар всех этих войн. Китай, Индия, Бразилия все эти годы являются странами нещадной империалистической эксплуатации.

Но, согласно всем мировым прогнозам, к 2030 году соотношение сил возвращается к тому, что было перед войнами Наполеона, — 70/30. Что это означает? Что невозможно удерживать то состояние превосходства, которое пока удерживается: 10% мирового населения потребляют четверть мировых ресурсов, а для этого нужно контролировать 60%. Вот простая геополитическая экономическая правда современного мира.

Нужно коснуться и 1991 года, который мы не хотим признать во всей его правде. А правдой была наша капитуляция. В итоге мы выплачиваем то, что называется репарациями: порядка 140–250 миллиардов долларов в год.

Уроки из этой истории сводятся к нескольким позициям. Позиция первая: мы либо и впредь будем оставаться мировой геополитической и геоэкономической жертвой и будем стесняться себе это сказать, а откуда — не поставим реальные задачи развития. Потому что все геополитические планы: от военных до экономических — заключаются в том, чтобы произвести реквизицию из стран БРИКС порядка 20–40% их национального богатства, это равно примерно 300–400 триллионам долларов за 15 лет.

Но способны ли мы поставить вопрос о суверенитете, потому что суверенитет означает свободу выбора пути своего развития? Способны ли говорить о силе нашего государства — военной, экономической, духовной? Спо-

способны ли мы жертвы, которые были понесены со всех сторон («красных», «белых», национальных и т.д.), считать нашим общим достоянием? Способны решить проблему справедливости?

Нам необходимо освободиться от репараций, от чуждых систем ценностей, от неравноправного положения в мировой экономике. Это совпадает с задачами национально-освободительной борьбы.

Способны ли мы решить проблемы собственности? Англия смогла это решить, когда после Тэтчер осознали, что приватизация была проведена по принципу хотя и законному, но не рыночному, и заставили тех, кто неправомерно получил избыточные доходы, их вернуть. Без этого никакой справедливости быть не может.

А несправедливость — главная пружина потрясений.

В личностном плане речь идет о том, что мы должны сформировать в своих представлениях, идеологиях новый тип личности — не иждивенческой.

Современная ситуация от нас требует, во-первых, определить с вектором, моделью развития. И нам нужно произвести синтез пяти «С» — свободы, силы, справедливости, солидарности, суверенитета. Это задача непростая, для этого нужна ещё одна «С» — субъектность во всех смыслах — на уровне и региональной, и федеральной власти. И ещё такая «С» — как слава, потому что Господь являлся в нужные моменты жизни в своей славе как символ торжества веры, преображения и чуда. Что не в силах человеческих, то по силе Бога.

Александр ПРОХАНОВ:

— Для меня образ нынешней, новой и всевечной, предвечной России складывается из трёх компонентов. Мы — многонациональная держава, которая сплотилась в удивительный синтез, в союз. Мы — страна, где вырабатывается мировая божественная справедливость, в этом миссия русского народа и русского государства. Мы — страна, которая должна как можно быстрее реализовать новый уровень цивилизации, начать развитие.

Виктор НАЗАРОВ:

— Я хотел бы поблагодарить всех за содержательный разговор и поддержать, Александр Андреевич, идею создания на территории нашего региона действующей площадки Изборского клуба.

Архимандрит ТИХОН (Шевкунов). С Божьей помощью возможно всё! О Вере и Отечестве («Коллекция Изборского клуба»). 2-е доп. изд. — М.: Книжный мир, 2015. — 416 с.

Редкая птица долетит до середины Днепра. Редкая книга современного автора потребует своего переиздания. Но архимандрита Тихона, настоятеля Сретенского монастыря в Москве и соучредителя Изборского клуба, эти мирские закономерности касаются мало. А феноменальный успех его книги «Несвятые святые», разошедшей по Русскому миру более чем в миллионе (!) экземпляров и переведённой в добром десятке зарубежных стран, лишний раз подтверждает, что не хлебом единым жив человек, не в одних только материальных благах нуждается.

«Для меня Россия, безусловно, не только мыслится как империя, но и не может не быть империей. В первую очередь это означает, что Россия как империя призвана свободно обустроить ту огромную территорию, которая ей дана Богом, управлять ею,

а также сохранять, заботиться и иметь справедливое и доброе попечение о благе тех народов, которые Промыслом Божиим вместе с русскими составляют единую семью этой империи. Вот две главные задачи», — говорит архимандрит Тихон в беседе с Александром Прохановым. «За всемогущего вершителя судеб мира, а по сути — за Бога, выдают то деньги, то научный прогресс, то государство, то гордые и жестокие политические силы... Но во истину — слава Богу! — Господь не отдаст управление миром самозванцам, волкам, рядящимся в овечьи шкуры, о которых так много говорится в Евангелиях как о ворах и разбойниках», — насколько актуальны и значимы слова отца Тихона, сказанные им в Неделю о прокажённых 2014 от Рождества Христова года, особенно применительно к нынешней ситуации на Украине...

Где нет параллелей и нет полюсов: памяти Евгения Головина. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 410 с.

Трудно сказать, стал бы Евгений Всеволодович Головин (1938—2010), доживи он до наших дней, участвовать в работе Изборского клуба. Скорее всего, даже нет, чем да. Но без присутствия «феномена Головина» в отечественной культуре второй половины XX — начала XXI веков вряд ли были бы возможными и газеты «День» — «Завтра», и создание Изборского клуба. Даже не потому, что многие его участники либо прошли через, либо долгое время соприкасались с Евгением Головиным и его «кружком». А прежде всего потому, что его фигура олицетворяла собой некое «окно» — не в «европы» даже, а в иные измерения бытия. «Окно», самим фактом своего существования начисто отрицающее любые «абсолюты», — точно так же, как геометрия Лобачевского, отрицавшая аксиому о непересекаемости между собой параллельных прямых, низводила геометрию Евклида с трона абсолютной и единственной истины.

Головин всегда указывал на возможность и реальность Иного, с большой буквы, — и в этом отношении действительно был отрицанием любой идеи и, соответственно, основанной на ней идеологии, откровенно глумясь над «профанами» хоть коммунизма, хоть либерализма, хоть бесконечного числа иных «-измов». В условиях временного торжества «рыночных реформ» он был такой же «персона нон грата» для представителей идейно-политического «мэйнстрима», как и при советской власти.

Мы часто повторяем: «Жизнь богаче наших представлений о ней», — но нам даже трудно представить, насколько это так. Что уж говорить о Смерти? Что уж говорить о жизни и смерти каждого из нас?

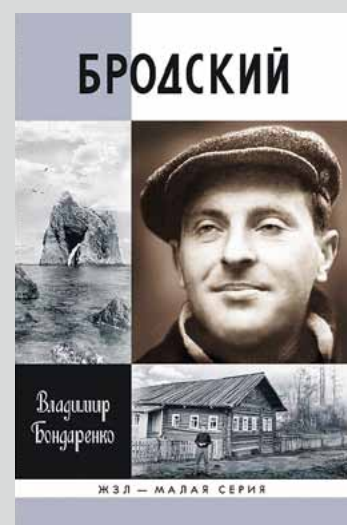
Изданная книга воспоминаний о Головине, включающая в себя почти полную библиографию его работ, свидетельствует именно об этом.

Владимир БОНДАРЕНКО. Бродский
(Жизнь замечательных людей. Малая серия). —
М.: Молодая гвардия, 2015. — 452 с.

Эту книгу под условным названием «Русский Бродский» Владимир Григорьевич Бондаренко планировал выпустить в свет ещё в 2011 году. «Никто не стремится прочесть стихи Иосифа Бродского сквозь русскую национальную призму. А он, даже когда в Америке писал гневные стихи о независимости Украины, утверждал: «Мы — кацапы... Не евреи, не американцы, а простые русские кацапы, москаль... Вся та толпа еврейских высокомерных хранителей культуры, которых Иосиф при жизни избегал, отказываясь от поездок в Израиль, от выступлений в синагогах, после смерти поэта стеною окружила его тень», — говорил он в одном из своих интервью. Но издание состоялось только сейчас, в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». И руководитель издательства Валентин Юркин, судя по всему, понимал, с какими рисками будет связан выход этой книги. По-

тому что, при всей неоднозначности института Нобелевских премий, звание нобелевского лауреата во всём мире значило, значит, и ещё долгое время будет значить очень много. Поэтому так возносили Бунину, пытались противопоставить «традиции русской классической прозы» новой советской литературе; потому такую свистопляску устроили вокруг романа Пастернака «Доктор Живаго»; потому так травили Шолохова, сомневаясь в его авторстве «Тихого Дона»; потому так замалчивали Солженицына, когда он вместо продолжения «Красного колеса» и «Архипелага ГУЛАГ» взялся за «Двести лет вместе»; потому так ревностно возводили «культ Бродского» как иконы отечественного «эмигранда», взявшего было власть в нашей стране после 1991 года, но оказавшегося не в силах её удержать... Поэтому Бродский возвращается в Россию. В том числе — и новой книгой Владимира Бондаренко.

Алексей АНПИЛОГОВ. Мир на пике — мир в пикеЕ. —
М.: Селадо, 2015. — 392 с.

Нынешнее «общество потребления», основанное на механизмах долгового рабства подавляющего большинства населения нашей планеты, мало похоже на тот образ «светлого будущего», «мира Полдня», который существовал ещё в 50–60-е годы прошлого века, а заселение ближайших к нашей Земле планет Солнечной системы, освоение термоядерной энергии и другие проекты, до осуществления которых, казалось бы, рукой подать, сегодня выглядят куда менее достижимыми, чем полвека назад.

Автор этой книги, он же — блогер AlreadyYet, хорошо известен как один из ведущих координаторов движения антинацистского сопротивления не только в Донбассе, но и на всей Украине. И эта его позиция, как выясняется, имеет глубокие онтологические корни, поскольку трагедия

Украины для Алексея Анпилогова есть закономерное следствие трагедии всего человечества, которое поступательно и непрерывно лишалось свободного доступа к энергии, а значит — и к информации.

По его мнению, «нефтегазовый» характер современной цивилизации ставит всех нас перед выбором: или скатывание в неомальтузианский тупик «золотого миллиарда» (а затем — «бриллиантового миллиарда»?), или глобальный переход к новым источникам энергии, прежде всего — атомной и термоядерной.

Поскольку Алексей Анпилогов с мая 2015 года будет отвечать за работу сайта Изборского клуба, то можно сказать, что «полку изборо-рян» прибыло, а пополнение такого уровня и такой компетенции можно только приветствовать.

Хронология мероприятий клуба

11 марта 2015 года

Министерство финансов США ввело новый пакет санкций против 14 человек, которых Вашингтон считает ответственными за развитие конфликта на Украине. Среди них значится и постоянный член Изборского клуба, известный российский мыслитель, профессор МГУ Александр Дугин. Данное решение вызвало резкую критику даже со стороны западного интеллектуального сообщества, поскольку Дугин выступает исключительно как идеолог «проекта Новороссии» и критик «майданной» хунты, однако не участвует в конфликте ни политически, ни финансово-экономически.

13 марта 2015 года

В зале совещаний Нижегородской городской думы прошёл научно-практический семинар «Детство и будущее России», который был организован Молодёжной палатой совместно с нижегородским отделением «Изборского клуба».

14 марта 2015 года

В Центральной городской библиотеке Донецка прошла презентация спецвыпуска журнала Изборского клуба Новороссии «Новая земля», посвящённого вопросам территориального конфликта 1920–1925 годов, в рамках которого Донбасс был передан в состав Украинской СССР.

15 марта 2015 года

Исполнилось 85 лет постоянному члену Изборского клуба, лауреату Нобелевской премии по физике 2000 года, академику РАН Жоресу Ивановичу Алфёрову. Соратника-юбиляра поздравил председатель Изборского клуба Александр Проханов:

«Дорогой Жорес Иванович!

Вы встречаете ваше славное 85-летие в блеске своих достижений, в расцвете своего духа и служения отечественной науке, России.

Вы — мессианский человек. Ваша миссия связана с открытием тайн материального мира, ваша миссия связана с постоянным противостоянием и противодействием злу, настигшему нашу родину.

Вы — советский человек. Вы принадлежите к той восхитительной плеяде советских учёных, оборонщиков, конструкторов, которые своими открытиями сделали Советский Союз первой державой мира. Поражение, которое мы потерпели в девяносто первом году, не сломило вас, а, напротив, превратило в активного гражданина, сражающегося с нашей напастью.

Ваша задача — создать новую школу российских физиков, восполнить тот урон, который мы потерпели в чудовищные девяностые, это задача великого патриота и великого педагога. Физическая наука отрицает такую категорию, как тьма — скорость тьмы отсутствует. Но существует скорость света. Ваш интеллект, ваш дух, ваша деятельность являются воплощением этой светоносной скорости».

18 марта 2015 года

В Брянском государственном техническом университете состоялся общественно-политический форум, посвящённый годовщине возвращения Крыма в состав России. На форуме выступил постоянный член Изборского клуба, известный военный эксперт Владислав Шурыгин, председатель Брянского регионального представительства Изборского клуба Владимир Рыбаков, а также другие брянские «изборцы».

19–22 марта 2015 года

Делегация Изборского клуба в составе: Александр Проханов, Виталий Аверьянов и епископ Городецкий и Ветлужский Августин — посетила Сербию, где приняли участие в мероприятиях, посвящённых 16-летию агрессии НАТО против Сербии. Владыка Августин отслужил поминальный молебен, литию в память мучеников и героев, погибших на Донбассе и в Новороссии.

«На службе в заключительном слове я вспомнил о святителе Николае Сербском. О том, как один епископ спросил его: «Владыка, а за что так Бог наказал Россию, что в 17-м году произошла такая жестокая революция, которая унесла столько людей?» На что владыка Николай сказал: «А почему ты решил, что Бог наказал Россию и её народ? В мире на-

копилось к этому времени столько зла, что, может быть, мир уже не имел права на дальнейшее существование, и только русский народ, только Святая Русь могли взять на себя вот эту жертву за грехи всего человечества, которое уже уклонилось от пути Бога». И дальше он добавил: «Да, много ещё предстоит ему перенести в этой земной жизни, но через эти скорби, через эти трагедии, через эти катастрофы, которые ему придётся перенести, русский народ выйдет ещё более святым и более чистым, чем был до 17-го года». Когда я рассказывал эту историю, люди были потрясены. И тогда я добавил, что и бомбёжки 1999 года для Сербии, возможно, это тоже — подобная жертва. Имеет ли право на существование Европа, сегодняшняя Европа, которая фактически оставила Бога, оставила его заповеди, оставила закон? Мы видим, сколько сегодня католических храмов переформируется в какие-то светские заведения, банки и т.п. И мы видим, что трагедия сербского народа, возможно, тоже была жертвенной и искупительной. И когда я им это говорил, люди приходили в какое-то совершенно другое осмысление и другое понимание».

23 марта 2015 года

В Таллинском административном суде началось рассмотрение жалобы итальянского журналиста, постоянного члена Изборского клуба, бывшего депутата Европарламента Джульетто Кьезы на действия министерства внутренних дел Эстонии, которому в декабре 2014 года был на месяц запрещён въезд в эту страну по необъявленным причинам. Запрету предшествовало задержание журналиста 15 декабря 2014 года, после чего он сутки находился под арестом.

28–29 марта 2015 года

По приглашению Брянского регионального представительства Изборского клуба Брянск посетил постоянный член Изборского клуба, писатель, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков. Состоялась его встреча с читателями в Брянской областной библиотеке, а также участие в музыкально-поэтическом спектакле по поэме Николая Мельникова «Русский крест», возобновлённом также по инициативе Брянского регионального представительства Изборского клуба.

/ Георгий СУДОВЦЕВ /

Слово — оружие Победы

Павел КОГАН

Великая Победа 1945 года была завоевана не только силой советских танков, самолётов, кораблей, пушек. Победу тогда одержал прежде всего державный дух нашего народа, воплотившийся и в эти виды материального оружия, и в оружие информационное, прежде всего — оружие Слова. Речь Сталина на параде 7 ноября 1941 года и «Священная война» Лебедева-Кумача — такое же оружие Победы, как легендарные «тридцатьчетверки» и «сорокапятки».

У гитлеровцев такого оружия Слова не было. Да, были гипнотизирующие речи Гитлера и Геббельса. Да, был «Хорст Вессель». Наверное, было и многое другое. Но не было своих «Жди меня» и «Землянки». Не было и не могло быть — а потому эти «истинные арийцы», эти «сверхчеловеки», оказались обречены на поражение.

Наши стихи военных лет и стихи, посвящённые той войне, — такой же золотой запас русской истории и литературы, как поэзия Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Есенина, Маяковского. К тому же, в отличие от золотовалютных резервов Центробанка и «стабилизационного фонда», этого истинного золотого запаса нашу Россию лишить невозможно, невозможно вывезти его куда-нибудь за границу.

«Не собирайте себе сокровищ земных», — сказано в Писании. И пусть прагматичные британские генералы, анализируя вместе с американскими коллегами итоги Второй мировой, утверждали, что «русские умеют побеждать, но не умеют собирать плоды своих побед». Мы-то знаем, что наша Победа — сама по себе главное сокровище, хотя она и «не от мира сего». В атеистическом вроде бы советском государстве именно литература оказалась высшей формой звучащего Слова, отчасти взяв на себя религиозные функции. Перечитайте эти военные стихи — многие из них звучат как молитвы. Поэзия не всегда была мозгом, но всегда — нервом своей эпохи. И тот удивительный сплав любви и героического оптимизма, присущий лучшим образцам нашей военной поэзии, к сожалению, оказался «невоспроизводим» в условиях послевоенной эпохи, которая в некотором смысле оказалась эпохой утраты Победы.

Да, отечественная история работает в режиме взлётов и падений, и чем выше оказывается взлёт, тем страшнее бывает падение, — а впереди новый, ещё более размашистый цикл, до последней всемирной Победы, похоже. И есть надежда на то, что «старое, но грозное оружие» русской Победы — оружие русского Слова, в том числе поэтическое, будет вновь востребовано, более того — ждать этого времени осталось недолго.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова:
Сажень косая, твёрдый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучаясь, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьёмся мы!
Но людям Родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.

И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где ещё найдешь такие
Берёзы, как в моем краю!
Я б сдох как пёс от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

1940–1941

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ**«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!»**

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встаёт страна огромная,
Встаёт на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

1941

Константин СИМОНОВ**«ЖДИ МЕНЯ...»**

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

Алексей СУРКОВ**ЗЕМЛЯНКА***Софье Кревс*

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Ноябрь 1941

Анна АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

23 февраля 1942

Семён ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —

и умирает друг.

И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черёд,

За мной одним

идёт охота.

Будь проклят

сорок первый год —

ты, вмёрзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,

что я притягиваю мины.

Разрыв —

и лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже

не в силах ждать.

И нас ведёт через траншеи

окоченевшая вражда,

штыком дырявящая шеи.

Бой был короткий.

А потом

глушили водку лебяную,

и выковыривал ножом

из-под ногтей

я кровь чужую.

1942

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?

И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»

И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война — совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа,
когда,

черна от пота,

вверх

скользит по пахоте пехота.

Марш!

И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чёботы
весом хлеба в месячный паёк.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжёлых орденов.

Не до ордена.

Была бы Родина

с ежедневными Бородино.

26 декабря 1942

Юлия ДРУНИНА

Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

Александр ТВАРДОВСКИЙ

ПЕРЕПРАВА

(из поэмы «Василий Тёркин»)

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,

Кому темная вода, —

Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,

Обломав у края лёд,

Погрузился на понтоны

Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся

И пошёл. Второй за ним.

Приготовился, пригнулся

Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи-отцы.

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремнёвым
Русский труженик-солдат...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

1943–1944

Сергей ОРЛОВ

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолее земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

1944

Михаил ИСАКОВСКИЙ

«ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...»

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подруги,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

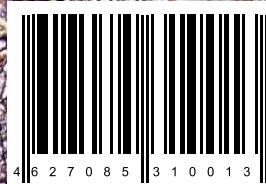
Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком дырявящая шеи.

*Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.*

*Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*